

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 3 (92)

**ОБДОРЯ:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ**

Салехард
2016

Редакционная коллегия:

Синицкий Антон Иванович —

директор ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», к. г.-м. н.;

Вороненко Александр Григорьевич —

заместитель директора ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
по научно-исследовательской работе, к. п. н.;

Федорова Наталия Викторовна —

ведущий научный сотрудник, заведующий сектором археологии
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», к. и. н.;

Харючи Галина Павловна —

ведущий научный сотрудник, заведующий сектором этнологии
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», к. и. н.;

Цымбалистенко Наталья Васильевна —

главный научный сотрудник сектора этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», д. фил. н.

Редакционный совет:

Абакумов Евгений Васильевич —

профессор кафедры прикладной экологии Биологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета, д. б. н.;

Богданов Владимир Дмитриевич —

директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук,
член-корреспондент Российской академии наук, д. б. н.;

Головнёв Андрей Владимирович —

главный научный сотрудник Федерального государственного учреждения науки
Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
член-корреспондент Российской академии наук, д. и. н.;

Егоров Александр Анатольевич —

заведующий кафедрой биогеографии и охраны природы
Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры Санкт-Петербургского государственного
лесотехнического университета ботаники и дендрологии, к. б. н.

Кошкарева Наталья Борисовна —

главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, д. фил. н.;

Кириллов Владимир Викторович —

заведующий Лабораторией водной экологии Института водных и экологических проблем
Сибирского отделения Российской академии наук, к. б. н.;

Переводчик — **Серебрякова Руслана Вячеславовна** —

ведущий научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», к. фил. н.;

Корректор — **Сухова Екатерина Александровна** —

младший научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».

Научный вестник ЯНАО № 3 (92). Обдорья: история, культура, современность. — № 3 (92). —

Н 34 Тюмень, 2016. — 136 с.

ISBN 978-5-9908628-3-8

Выпуск сформирован из докладов, прочитанных на конференции «Обдорья: история, культура, современность», прошедшей в г. Салехарде 14–15 ноября 2016 года. Участники — археологи, этнологи, историки, социологи публикуют статьи теоретического, методического и научно-практического содержания в области древней и современной истории региона, сохранения этнокультурного наследия, фольклора, традиционной культуры, правовых норм и социально-экономических процессов современности.

Сборник рассчитан на научных и музейных работников, сотрудников органов государственной власти ЯНАО и муниципальных образований и всех, интересующихся историей и культурой региона.

УДК 631.95(571.121)

ББК 65.28(2Рос-6Яма)

СОДЕРЖАНИЕ:

О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин ХОЗЯЙСТВО ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ ОБИ	4
Д. С. Тупахин АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННИХ ЭПОХ НА ТЕРРИТОРИИ ЯНАО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ..	10
Ал. В. Гусев ИССЛЕДОВАНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ «ЗЕЛЕНый ЯР» В 2016 Г.	13
А. В. Плеханов НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ЮР-ЯХА III	18
Ан. В. Гусев, А. В. Плеханов АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ В РАЙОНЕ ОЗ. ПАРИСЕНТО (П-ОВ ГЫДАНСКИЙ)	22
Е. М. Данченко О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛА	25
В. Г. Паршуков РАССУЖДАЕМ О ДОБРОМ И ВЕЧНОМ. СОХРАНЯЕМ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ.....	29
Н. В. Цымбалистенко КОЧЕВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОЗДАНИЮ ШКОЛЫ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ФАКТОРИИ ЛАБОРОВАЯ ПРИУРАЛЬСКОГО РАЙОНА.....	34
Т. Н. Гайнбихнер ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ..	39
С. Е. Сэрпиво ФОЛЬКЛОР КАК ТРАНСЛЯТОР ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ	45
Л. Г. Возелова СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА).....	49
Н. Ф. Галеева ТРАДИЦИОННАЯ И НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ШАМАНСКОГО КУЛЬТА СЕЛЬКУПСКОГО НАРОДА ИЗ СОБРАНИЙ МВК ИМ. И. С. ШЕМАНОВСКОГО	54
О. В. Рябкова, Т. В. Козельчук ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЗАГОТОВКИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	58
А. С. Иванов ЧЕЛОВЕК И СИСТЕМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.).....	63
Л. В. Соломина АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ В ХОДЕ ПОИСКА ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЕ ТЕРЕНТЬЕВЫХ)	69
В. Н. Гриценко К ВОПРОСУ О РЕАЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ ГОРОДА НАДЫМА	77
И. Н. Стась ДИСКУССИЯ О СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ В ГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА В 1960-Х ГГ.	83
Э. К. Мантимова УРЕНГОЙСКАЯ ГРЭС: ОТ ИДЕЙ И ЗАМЫСЛОВ К РЕАЛИЗАЦИИ	89
Д. А. Егоренков ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».....	94
М. В. Медведев ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ, ЗАКРЕПЛЕННЫЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ.....	102
В. В. Маркин, А. Н. Силин СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	105
Н. Ю. Замятина АРКТИЧЕСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ КАК ФРОНТИР	114
Р. А. Колесников НЕФТЕГАЗОДОБЫЧА РОССИИ: ПУТИ РАЗВИТИЯ	121
Г. Ф. Деттер, Т. С. Константинова ЯМАЛ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ.....	125

ХОЗЯЙСТВО ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ ОБИ

Объектом исследования является территория Нижнего Приобья в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа. Временные рамки ограничены периодом энеолита (конец IV–III тыс. до н. э.). На основании различий в орнаментации керамических комплексов известных памятников эпохи энеолита Нижнего Приобья выделены три культурные группы, опорными памятниками которых являются поселение Горный Самотнел-1 (I группа), поселение Лов-Санг-Хум II (II группа) и Йоркутинская стоянка (III группа). По данным комплексного анализа материалов, полученных в результате раскопок и поверхностных сборов выделенных групп, были сделаны выводы о том, что в эпоху энеолита на территории Нижней Оби обитало население, принадлежавшее к трем культурным типам, которые, несмотря на общие черты в хозяйственной деятельности, имели ряд принципиальных отличий. Таким образом, установлено, что общим у энеолитического населения Нижнего Приобья был присваивающий комплексный тип хозяйства, основывающийся на рыболовстве, охоте и собирательстве. Отличия в хозяйственной деятельности выделенных типов связаны с их адаптацией к условиям местности. Памятники первого культурного типа, расположенные на побережье крупной реки Обь, отличаются долговременными круглогодичными поселениями с хозяйством, ориентированным на сетевое рыболовство. Памятники второго типа, располагаясь на малых притоках Оби, отличаются сезонным характером, с хозяйством, основанном на запорном рыболовстве и охоте. Местоположение памятника третьего культурного типа типично для стойбищ обитателей внутренней части Ямала. Стоянка находится на высокой террасе среди холмистой моховой тундры, у небольшого озера. С большой долей вероятности основой хозяйственной деятельности могла быть охота на северного оленя.

Ключевые слова: хозяйство, энеолит, Нижнее Приобье, рыболовство, охота, собирательство.

ВВЕДЕНИЕ

Районом настоящего исследования является территория Нижнего Приобья в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа. Временные рамки ограничены периодом энеолита (конец IV–III тыс. до н. э.).

Главной проблемой в изучении эпохи энеолита на севере Западной Сибири, особенно в Заполярной ее части, остается труднодоступность территорий. Незначительное число археологических источников, отсутствие их точной хронологической и географической привязки на современном этапе не позволяет делать выводы о генезисе, путях миграции и этнокультурной принадлежности древнего населения, затрудняет оценку его численности. Однако, основываясь на анализе ряда известных материалов (поселения Горный Самотнел-1, Лов-Санг-Хум II, стоянки Салехард-1, 2 и Йоркутинская), можно предположить, что к эпохе энеолита территория Ямала была освоена вплоть до средней части полуострова, а северной границей освоенных территорий являлась р. Юрибей [Тупахин, 2014. С. 357-359].

Рассматриваемый нами регион, лежащий в границах Ямальской Арктики и Субарктики, традиционно относится к ареалу присваивающей экономики, сочетающей в разных пропорциях такие виды традиционных промыслов, как рыбная ловля, собирательство и охота. Акцент на определенный «базовый» вид промысла в экономике древности мог меняться, что было связано с изменением экологических условий, периодическими колебаниями климата и т. д. В связи с этим, важно отметить, что для различных видов хозяйства, бытовавших в древности, сложно определить четкие территориальные, культурные или этнические границы [Тупахин, 2015. С. 319-322].

На основании различий в орнаментации керамических комплексов известных памятников эпохи энеолита Нижнего Приобья выделены три культурных типа [Кудрич, 2010. С. 192-194], опорными памятниками которых являются поселение Горный Самотнел-1 (I), поселение Лов-Санг-Хум II (II) и Йоркутинская стоянка (III) (рис. 1). Рассмотрим эти типы с точки зрения хозяйственной адаптации и наличия специфических особенностей.

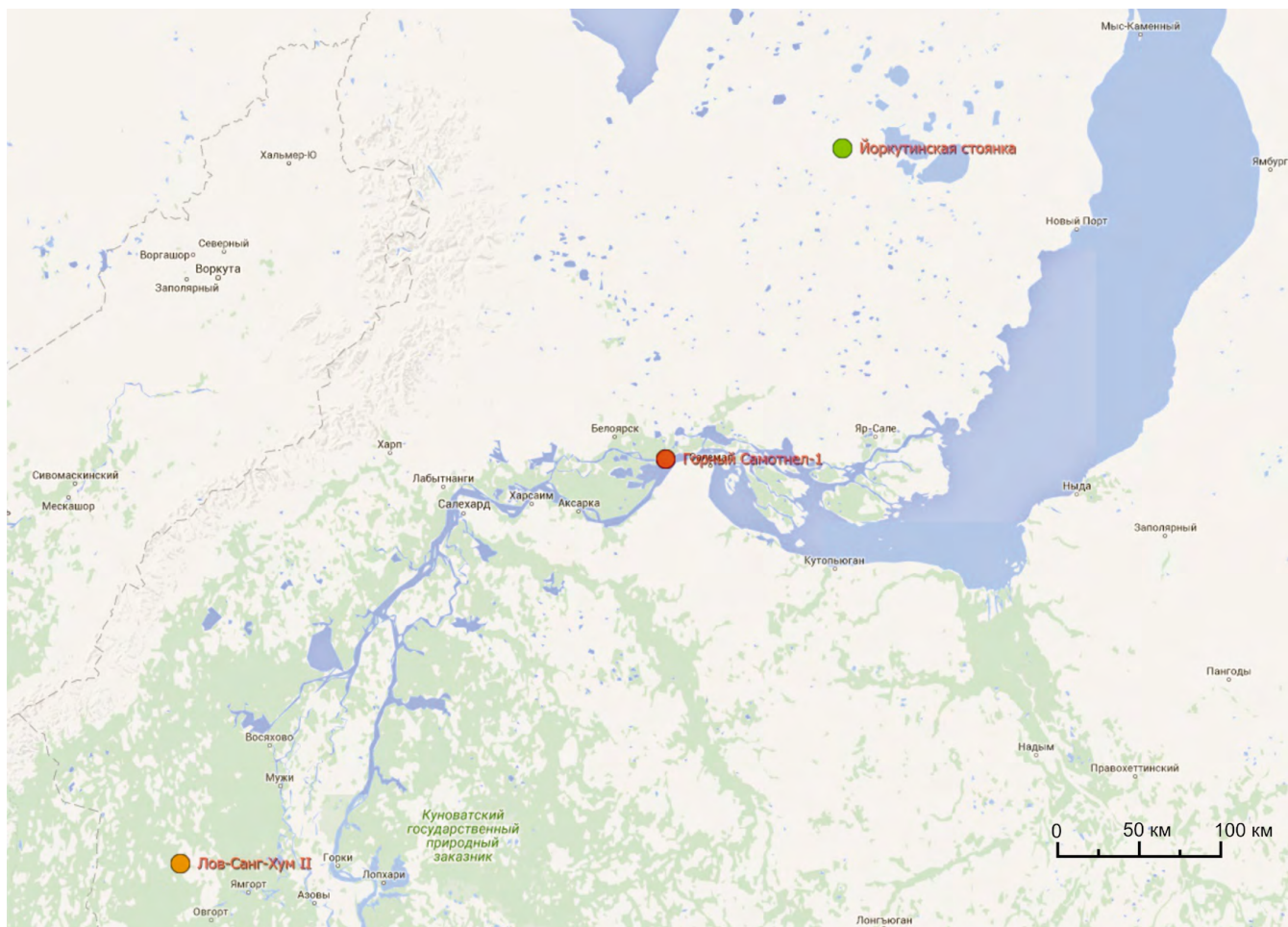

Рис. 1. Опорные памятники эпохи энеолита Нижнего Приобья

Первый культурный тип (поселение Горный Смотнел-1, нижний слой стоянки Салехард-1, 2, нижний слой городища Усть-Васъеган). Опорным памятником первого культурного типа является поселение Горный Смотнел-1, расположенное на правом берегу Оби, в Приуральском районе ЯНАО. Комплексные исследования проводились авторами данной работы с 2010 по 2014 г. Четкая стратиграфическая ситуация, обилие фактических материалов, а также целый спектр междисциплинарных исследований — все это позволяет рассматривать археологический комплекс в качестве ключевой экономической модели, на базе которой возможна реконструкция хозяйственной деятельности энеолитического населения.

При помощи геомагнитного исследования почвы на поселении зафиксировано как минимум два крупных жилища с хозяйственными постройками и ямами. Основным типом жилищ была полужемлянка с котлованом до 2 м. Площадь жилищ варьируется от 300 до 700 кв. м. Размеры и наличие более одного очага, говорят о том, что здесь проживало несколько семей либо поколений близких родственников. Примерная численность населения самого крупного жилища, исходя из расчета 8 кв. м на человека [Мосин, 2012. С. 5-6; Бузин, 1990. С. 32-43; Старков, 1980. С. 183; Хлобыстин, 1972. С. 31; Кабо, 1986. С. 220; Борзунов, 1993.

С. 4-45], составляет около 90 человек. Поселение долговременное, использовалось круглогодично.

Основу хозяйственной деятельности населения составляло рыболовство, дополнительными источниками были охота, собирательство и промыслы. О преобладающей роли рыболовства свидетельствуют рыболовные орудия сетевого характера — это остатки сети на крупную рыбу, каменные грузила в виде перфорированных дисков и галек, обернутых в бересту, берестяные поплавки (рис. 2). Косвенно — наличие крупных жилищ, многочисленных жителей которых можно было прокормить только массовым выловом и заготовкой впрок большого количества рыбы. Определение видового состава рыб по фаунистическим остаткам показало, что основными объектами рыболовного промысла являлись налим, щука и представители семейства лососевых.

Формы охотничьей деятельности, как и объекты охоты, были весьма разнообразны. Основными орудиями охоты были лук и стрелы, но в то же время не стоит отрицать возможность использования различных ловушек и силков (рис. 3). Виды промыслеваемых животных представлены копытными, грызунами, водоплавающими птицами, что демонстрирует интенсивное, комплексное использование природных ресурсов (рис. 4). Наибольшее количество остатков при-

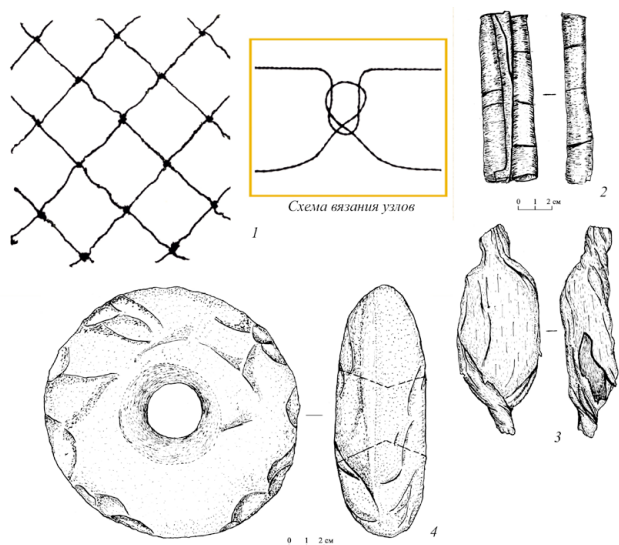

Рис. 2. Орудия рыболовства: 1 — фото фрагмента сети со схемой вязания узлов; 2 — берестяной трубчатый поплавок; 3 — кибас — грузило в бересте; 4 — перфорированный диск — грузило, галька

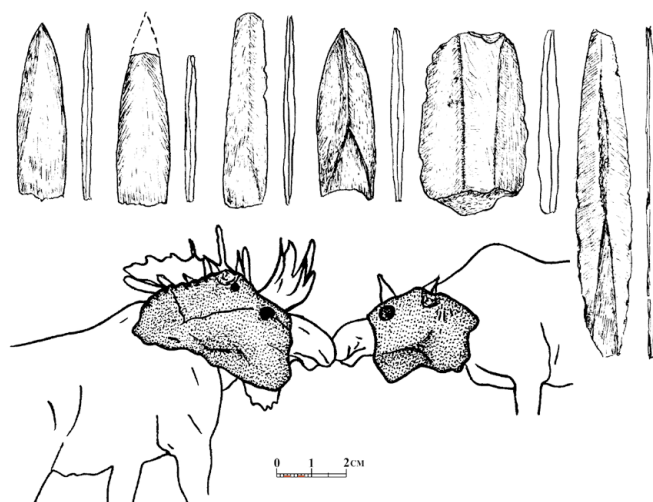

Рис. 3. Охота: а) каменные наконечники стрел; б) фрагменты глиняных скульптур в виде головы лося

надлежит северному оленю, но также найдены кости лося, гусей, лебедей, чернети, речных уток, бобра¹.

Еще одним хозяйственным занятием населения было собирательство. Доказательство данному утверждению получено при изучении пищевого нагара на сосудах, в которых готовили рыбу с растениями, в том числе и речными. Объектами собирательства могли быть ягоды, травы и корни. К собирательству также можно отнести заготовку и специальную обработку бересты, осоки, мха, трав, широко использующихся в хозяйственной деятельности. Так, из бересты изготавливались емкости в виде коробов, прошитых крученой двужильной веревочкой. Кромка берестяных изделий оплеталась травинками осоки. Для изготовления плетеных циновок использовали осоку и тонкие прутья ивы. Подобной циновкой был выстлан пол одной из хозяйственных построек, обнаруженных за пределами котлована жилища. В двух случаях дно построек было выстлано берестяными листьями, сшитыми между собой в полотно, в одном случае такое полотно подстилало дно кострища на краю рва, заполненного костями животных. Осоку, бересту, мох и узкие деревянные плахи использовали для изготовления многослойных перекрытий (крыши).

Свидетельств существования ткачества в виде остатков тканей и пряслиц в настоящее время не обнаружено, однако найденные на поселении фрагменты вязаной рыболовной сети, а также само существование разного диаметра крученых двужильных веревочек из растительных волокон, говорит если не о ткачестве, то, несомненно, о его зачатках.

Хозяйственная деятельность не ограничивалась перечисленными видами, также были развиты раз-

личные домашние производства — гончарство, деревообработка, изготовление каменных орудий.

Говоря о гончарстве, стоит отметить, что наиболее распространенными были крупные и средние сосуды, без выраженной горловины, с прямыми стенками и округлым уплощенным дном. Довольно часто встречаемой формой были различного вида чаши — прямоугольные, квадратные, округлые, овальные, в форме ладьи. Известны также плоские блюда или крышки, светильники и другие редкие предметы неустановленной формы и назначения. Орнаментация перечисленных выше сосудов сочетает в себе несколько различных стилей — от сотового геометризма, оттисков уголкового штампа и шагающей гребенки до оттисков плоских штампов с фигурной ячеистой нарезкой. Часто сосуды украшались графическими или скульптурными изображениями людей, животных и птиц. Глиняную посуду в зависимости от размера и формы использовали для приготовления пищи, хранения продуктов или в качестве ритуальной утвари.

У населения исследуемого поселения отмечены развитые традиции камнеобработки. Приемы обработки камня включали такие операции, как сверление, пиление, расщепление, абразивная обработка, ретушь. Исходное сырье не отличалось высокими «потребительскими» свойствами, что связано с общей для всех северных регионов ресурсной бедностью. Для изготовления орудий использовались материалы, собранные на аллювиальных отложениях береговой линии, в непосредственной близости от памятника — такие как галечник, кварцит, сланец. Важно отметить малое количество кремневых изделий, что, вероятно связано с дефицитом этого сырья. Орудийный набор достаточно разнообразен и включает в себя несколько групп:

¹ Определение фаунистического материала выполнено Т. Ю. Номоконовой, Университет Британской Колумбии и Р. Лозей, Университет Альберта, Канада.

Рис. 4. Участок хозяйственной ямы, заполненной фаунистическими остатками

Рис. 5. Хозяйственная постройка с сохранившимися столбами и выстилкой из берестяного полотна

охотничье вооружение, орудия рыбного промысла, орудия деревообработки, орудия камнеобработки, бытовые орудия труда [Тупахина, Тупахин, 2014. С. 41-52].

Важную роль играла обработка дерева, а именно, изготовление конструктивных элементов жилищ — каркасов, опорных столбов (такие лиственничные столбы были обнаружены нами в ходе раскопок), перекрытий, а также лодок, орудий охоты, различных бытовых предметов (рис. 5).

Второй культурный тип (Лов-Санг-Хум II, находки со стоянки Полябта-2 (поселение Пернашор), стоянки Щучья-2 на р. Щучья, нижний слой поселения Бухта Находка на юго-востоке Ямала). Опорный памятник данного культурного типа — поселение Лов-Санг-Хум II, расположенное на р. Сыня в Шурышкарском районе ЯНАО. Оно было изучено раскопками под руководством С. И. Рудковского в 2004–2005 гг. Поселение состоит из двух жилищ-полупогребов площадью 90 и 180 кв. м, с котлованом глубиной порядка 1 метра, с одним очагом в центре (для сравнения — численность населения в жилищах от 25 до 50 человек). Судя по разнообразию керамического комплекса, гончарное производство здесь достигло достаточно высокого уровня. Керамика поселения представлена круглодонными сосудами яйцевидной формы, ладьевидными чашами. Главная особенность орнамента посуды — сочетание одного, двух или трех рядов ямок с жемчужинами на внутренней стороне венчика и узоров, нанесенных крупными и мелкозубыми гребенчатыми штампами — прямыми и в виде полукруглых арок. Каменный инвентарь представлен исключительно шлифованными орудиями (топорами, ножами, наконечниками стрел). Поселение кратковременное, скорее всего сезонное. Основу хозяйственной деятельности составляло заборное рыболовство [Рудковский, Глызин, 2007].

Третий культурный тип (Йоркутинская стоянка). Йоркутинская стоянка известна благодаря поверхностным сборам сотрудника геодезической партии Ю. Г. Королева в 1965 г. Находится в верхнем течении р. Еркутаяха. Находки немногочисленны. Глиняные сосуды митровидной формы с округлым дном,

орнаментированы рядами гладкого или гребенчатого шагающего штампа, чередующегося с поясами птичкovidного или арочного штампа, округлых или овальных вдавлений, зубчатых отпечатков челюсти мелкого хищника [Королев, Хлобыстин, 1966. С. 79-83; Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 43-50]. Среди изделий из камня выделяется игла из шлифованного сланца, орудия для обработки дерева, шлифованные сланцевые наконечники стрел. Об этом памятнике известно мало, однако, ориентируясь на его расположение (типичное для тундровых стойбищ) в местах обитания дикого оленя, находки охотничьего снаряжения и предметов, связанных с выделкой и пошивом шкур, можно сделать предварительные выводы о преобладании охоты над другими видами промысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По данным комплексного анализа материалов, полученных в результате раскопок и поверхностных сборов известных памятников, были сделаны выводы о том, что в III тыс. до н. э. на территории Нижней Оби обитало население, принадлежавшее к трем культурным типам, которые, несмотря на общие черты присваивающей экономики, имели ряд принципиальных отличий. Отличия в экономической модели конкретных коллективов были связаны с адаптацией к различным условиям местности. Для кочевого населения акцент на тот или иной вид деятельности хозяйственной деятельности мог меняться в зависимости от различных природных факторов. Вероятнее всего, выбор той или иной хозяйственной модели, в качестве основы экономики, зависел от ее продуктивности на определенном хронологическом отрезке. Выбранная хозяйственная стратегия в свою очередь определяла специфические черты культурных типов. Таким образом, памятники первого культурного типа, расположенные на побережье крупной реки Обь, отличаются долговременными круглогодичными поселениями с мощным культурным слоем и большой площадью жилищ, хозяйством, ориентированным на сетевое рыболовство. Памятники второго типа, располагаясь

на малых притоках Оби, отличаются сезонным характером, маломощным культурным слоем, небольшими по площади жилищами, с хозяйством, основанном на запорном рыболовстве и охоте. Местоположение памятника третьего культурного типа типично для стой-

бищ обитателей внутренней части Ямала. Стоянка находится на высокой террасе среди холмистой моховой тундры, у небольшого озера. С большой долей вероятности основной хозяйственной деятельностью могла быть охота на северного оленя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 4–45.
- Бужин В.С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // Советская археология. М.: ИА АН СССР, 1990. № 3. С. 32–43.
- Кабо В.Р. Первобытная земледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с.
- Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. М.: Наука, 1966. Вып. 115. С. 79–83.
- Кудрич О.С. Север Западной Сибири: Новые источники по энеолиту - раннему бронзовому веку низовий Оби // Труды III(XIX) Всероссийского археологического съезда, т. I. Спб.-М.-Великий Новгород, 2011. С. 233–234.
- Кудрич О.С. Керамика поселения Горный Сомотнел как компонент формирования культуры населения низовий Оби в эпоху энеолита-бронзы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 192–194.
- Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. М.: Наука, 1986. Вып. 185. С. 43–50.
- Мосин В.С. К проблеме определения социумов в археологических исследованиях каменного века Урала // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7 (261). История. Вып. 49. С. 5–8.
- Рудковский С.И., Глызин И.П. Раскопки поселения Лов-санг-хум II // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 509–511.
- Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Тупахин Д.С. Рыболовство на севере Западной Сибири как адаптационная стратегия ранних эпох. IV Северный археологический конгресс, материалы. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Институт истории и археологии Уро РАН, 2015. С. 319–322.
- Тупахин Д.С. Энеолит на севере Западной Сибири: Основные проблемы изучения // Труды XX(IV) археологического съезда в Казани. Отв. ред. Ситдииков А.Г., Макаров Н.А., Деревянко А.П. Казань: изд-во Отечество, 2014. С. 357–359.
- Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Стратиграфия и планиграфия поселения эпохи энеолита Горный Сомотнел-1 // Уральский исторический вестник, 2014. № 2 (43). С. 41–52.
- Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 26–42.

ECONOMY OF ENEOLITHIC PEOPLE OF THE LOWER OB

The object of study of this article is the territory of the Lower Ob area, Yamal-Nenets Autonomous District. Time frame is limited by Eneolithic period (end of IV-III millennium BC). Based on ceramic ornament we have identified three cultural groups, supporting sites are the settlement GornySamotnel I (group A), settlement Low-Sang-Hum II (group B), camp of Yorkuta river (group C). As a result of a complex analysis of the available materials we concluded, that in the Eneolithic age in the territory of the Lower Ob population of three different cultural types had lived. These three population groups, despite the similarities in the economy, had some fundamental differences. These three groups had appropriating type of economy, based on fishing, hunting and gathering. The differences related to adaptation to the terrain conditions. Sites of group A located on the banks of the large river Ob were long-term net-fishing oriented settlements. Sites of group B located on the Ob river tributaries were characterized by the seasonal nature. Economy of these sites was based on hunting and fenced-fishing. Location of the site of group C is typical for encampment dwellers of the inner part of Yamal. The camp is located on a high terrace, among the hilly moss tundra, near small lake. With high probability hunting for reindeer was the basis of economic activities.

Keywords: *economy, Eneolithic (Aeneolithic) period, the Lower Ob area, fishing, hunting, gathering.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РАННИХ ЭПОХ НА ТЕРРИТОРИИ ЯНАО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье мы обозначили современное состояние и перспективы изучения эпохи камня на территории ЯНАО. Вкратце обозначена культурно-хронологическая периодизация, составленная по известным нам материалам, в кратком виде намечены «отправные точки» исследований. Приступая к обширной теме исследования каменных индустрий древности, мы наметили основные направления будущей работы. Так, важной частью исследования станут типологический (позволяющий сравнивать каменные индустрии различных памятников) и технологический анализ орудий труда (понимание использовавшихся в древности технологических приемов обработки камня). Запланированы проведения серии экспериментально-трасологических исследований (позволяющих говорить о конкретных функциях орудий труда).

Ключевые слова: эпоха камня, Нижнее Приобье, каменные индустрии, трасологический анализ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Каменный век — наиболее продолжительный отрезок истории человечества. Именно в каменном веке человеком освоены и заселены обширные территории земного шара, выработаны основные стратегии адаптации к различным экологическим, климатическим, географическим условиям. Периодизация каменного века насчитывает несколько хронологических пластов: палеолит, мезолит, неолит.

Палеолит — древнейшая эпоха истории человека, которая подразделяется на несколько периодов, а именно: ранний, средний и поздний или верхний. Верхний палеолит соответствует ледниковой эпохе в истории климата. В этот период основным способом существования являлась охота на крупных млекопитающих, т. н. мамонтовую фауну. Наиболее близким к нашему региону, из достоверно относящихся к верхнему палеолиту памятников является местонахождение Луговское, расположенное в ХМАО. Собственно, это не столько местонахождение, сколько обширное кладбище животных мамонтовой фауны. Уникальным является то, что здесь впервые зафиксирован факт охоты — у одного из захороненных там мамонтов позвонок был пробит дротиком. Кроме того, в раскопе 2002 г. обнаружено «множество орудий позднего палеолита» [Мащенко, Шубина, Телегина, 2006. С. 11].

На территории ЯНАО пока известно лишь несколько находок палеолитических орудий (одна из которых — местонахождение Юган-Горт VIa) [Косинская, Федорова, 1994. С. 63–64; Погодин, 2000. С. 69–71]. По ряду признаков их можно отнести к эпохе верхнего палеолита, однако отсутствие археологического контекста находок не позволяет составить отчетливой

картины расселения человеческих коллективов в это время. Однако, стоит отметить, некоторые из исследователей склонны считать поиски памятников палеолита перспективными [Питулько, 2016. С. 92–96].

Эпоха мезолита, пришедшая на смену палеолиту, отличается переориентацией охотничьих промыслов, связанной с резкими изменениями климата — конец ледниковой эпохи, установление климатических условий, близких к современным. Взамен вымершей мамонтовой фауны объектами охоты становятся дикие копытные, птица, возрастает роль рыбной ловли. Мезолитическую эпоху также отличает смена набора орудий труда из камня, появляется микропластинчатая техника расщепления камня, направленная на экономию сырья, развивается техника абразивной обработки камня. На территории нашего округа находки мезолитической эпохи, к сожалению, немногочисленны. Это стоянки Корчаги-1-б и Пямали-Яха-4, местонахождения Юрибей-1, Нулмаяха-1, остатки ловчей ямы на памятнике Харампур-4, которые датированы по С14 [История Ямала, 2010. С. 32]. Важно отметить существующие к настоящему времени проблемы мезолита севера Западной Сибири. Первая из них состоит в определении критерия отнесения комплексов к мезолиту или раннему неолиту (Там же). Вторая проблема, решаемая в комплексе с предыдущей — проблема культурной атрибуции северных мезолитических памятников [Там же]. Наконец, третья проблема северного мезолита — проблема его происхождения [Там же. С. 33]. Представляется возможным предполагать сложный многокомпонентный генезис мезолитических памятников.

Памятников, относящихся к эпохам неолита-энеолита (которые являются финальными для каменного века) несколько больше. Среди известных — комплексы ловчих ям, каменные копи, стоянки рыболовов (ориентированных как на заборный, так и на сетевой рыбный промысел) и охотников. В неолитическую эпоху человек осваивает гончарство, ткачество, постепенно происходит переход к оседлости. Важно отметить некоторые региональные особенности частичной оседлости древнего населения ЯНАО. Для южных территорий переход к оседлости традиционно связывают с появлением примитивных земледелия и скотоводства. Несмотря на отсутствие земледелия (в силу неподходящего климата) и скотоводства (которое проявится много позже в виде оленеводства), частичная (вероятно, сезонная) оседлость связана с рыболовством [Murdoch, 1987. P. 15]. Важно учесть, что рыболовство, в принципе, сопоставимо с земледелием, по таким показателям как трудозатраты на промысел, небольшое пространство угодий, определенная стабильность получения пищевого продукта. Стоит отметить, что рыбный промысел, являясь основой хозяйства, естественно, дополнялся охотой на птицу (ценный пищевой ресурс), крупного зверя, такого как лось и олень (мясо и шкуры, необходимые для пошива одежды), возможно — собирательством. Так же как проявления оседлости можно интерпретировать комплексы ловчих ям, требующих ухода, периодической проверки, ремонта и так далее.

Возвращаясь к теме нашего исследования, стоит обозначить запланированные цели и задачи изучения каменного века на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа.

Первая из стоящих перед нами задач — серия археологических разведок, цель которых — поиски новых памятников археологии, относящихся к эпохе камня. Как уже было отмечено, имеющаяся в нашем распоряжении база источников (коллекции артефактов, исследовательские отчеты и т. д.) довольно скудна. Находки новых памятников позволят уточнить границы заселения региона в различные исторические периоды, выявить закономерности, связанные с приуроченностью памятников к тем или иным географическим, ландшафтным, экологическим условиям. Отметим, что нами в свое время была разработана методика ландшафтно-географического зонирования, позволяющая выявить наиболее перспективные для археологических разведок районы [Тупахин, 2014. С. 59].

Также немаловажной частью исследования является проведение комплексных археологических исследований уже известных нам памятников. Такого рода исследования ведутся нами в настоящее время. Так, на поселении Горный Самотнел-1, помимо непосредственно археологических раскопок, проведена серия естественно-научных изысканий. Это датировка комплекса различными методами (радиоуглеродный, дендрохронологический), микробиоморфный анализ почв [Тупахин, Тупахина, 2013. С. 307] (позволивший

определить климатические условия современные древнему населению), рентген-флуоресцентный анализ пищевого нагара (уточнивший диету людей древности), а также ряд прочих. Современные археологические исследования немыслимы без привлечения ряда методов смежных наук, поскольку без них объем информации о древности становится неполным.

Для составления отчетливой картины развития культуры древности необходимо проведение типологического анализа каменного инвентаря с различных археологических памятников. Типологическая классификация позволяет выявить общие черты, присущие каменной индустрии каждого отдельного археологического памятника. Основываясь на типологической составляющей, мы получаем возможность выявить культурные, хронологические и типологические связи археологических комплексов. К настоящему времени нами разработана типологическая классификация, построенная на результатах работы с коллекцией энеолитического поселения Горный Самотнел-1.

Следующий логичный шаг нашего исследования — проведение технологического анализа. К нему относятся принципы отбора сырья древними мастерами, техники подготовки исходного материала к расщеплению (первичная обработка: подготовка нуклеусов, пластин, отщепов) и непосредственно техника изготовления готовых орудий (вторичная обработка: снятие пластин, абразивная обработка, ретуширование и т. д.) [Гиря, 1997]. Цель технологического анализа — понимание техник и практик, применявшихся для обработки камня в древности. Проведение технологического анализа позволяет прояснить преемственность археологических культур, развитие в хронологическом порядке характерных черт каменной индустрии, вопросы, связанные с адаптацией существующих у пришлого населения техник к непривычному для них сырью (вопрос о генезисе сланцево-кварцевых индустрий). К технологическому анализу также можно отнести морфологический анализ — т. е. определение пород камня, использовавшихся древними мастерами, их физическими свойствами и пригодностью для расщепления, обработки, шлифования и т. д.

Для реконструкции хозяйственной деятельности древнего населения необходимо проведение экспериментально-трасологических исследований. Экспериментально-трасологический метод, разрабатывается отечественными учеными с 30-х гг. XX в. Основная его идея позаимствована создателем метода С. А. Семеновым из криминалистики. Суть метода заключается в том, что любое использование артефакта (в первую очередь каменного) в качестве ножа, скребка, рубящего орудия, оставляет на рабочей кромке те или иные наборы в виде характерных для каждого вида деятельности следов в виде затертостей, микроскопических царапин, выбоин, следов выкрашивания и т. д. [Массон, 2003. С. 66]

Одним из важных пунктов исследования является планиграфический анализ каменных индустрий.

Суть метода заключается в анализе пространственного распределения орудий труда, каменных заготовок, побочных продуктов расщепления. Это позволяет решить ряд задач, связанных с выделением границ различных производственных площадок, связанных с производством каменных орудий труда (по концентрации характерных отходов производства — отщепов, сработанных нуклеусов и т. д.), с обработкой дерева и производством изделий из него (по скоплениям орудий древообработки — топоров, тесел, резчиков и т. д.)

Итог предстоящей работы сводится к пониманию древнейшей истории региона с момента ее первоначального заселения, реконструкции различных адаптационных стратегий, присущих древнему населению, включающих развитие различных хозяйственных укладов. Помимо этого, изучение эпохи камня в целом и отдельных каменных индустрий в частности, позволяет выявить пути миграции древнего населения, обозначить преемственность либо инновационность каменных индустрий в хронологическом плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий (Методика микро-макроанализа древних орудий труда Ч. 2), СПб: Изд. ИИМК РАН, 1997. 198 с.

История Ямала. Том 1. Ямал традиционный. Книга 1. Древние культуры и коренные народы / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Баско, 2010. 415 с.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Препринт. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1994. 113 с.

Массон В.М. Петербургская школа трасологии и методологическая значимость трасологических разработок // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб: ИИМК РАН, 2003. С. 66–77.

Мащенко Е.Н., Шубина Ю.В., Телегина С.Н. Луговское: пейзаж на фоне ледников. Ханты-Мансийск — Екатеринбург: Баско, 2006. 82 с.

Питулько В.В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики / науч. ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Калининград:

ИД «РОСДОАФК», 2016. С. 91–116.

Погодин А.А. К проблеме изучения первоначального заселения Севера Западной Сибири // Древности Ямала. Екатеринбург — Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 68–78.

Тупахин Д.С. Взаимосвязь геоморфологического строения региона и локализации отдельных памятников археологии // Геоархеология и археологическая минералогия: материалы Всероссийской молодежной научной школы. Миасс: Институт минералогии УрО РАН, 2014. С. 59–60.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Микробиоморфный анализ почв поселения Горный Сомотнел-1 // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). Екатеринбург — Сургут: Магеллан, 2013. С. 306–308.

Murdock G.P. Current status of World's Hunting and Gathering peoples. Man the hunter. Eleventh printing, Aldine de Gruyter, New York, 1987.

ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE EARLIER EPOCHES IN THE TERRITORY OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT: RESULTS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

In this article we described the modern conditions and perspectives of research of the Stone Age in the territory of the Yamal-Nenets Autonomous District. We briefly outlined cultural and chronological periodization, based on available sources. "Starting points" for future research are designated. The work highlighted the key areas of research of stone industry. Typological analysis, which allows comparing different stone industries, will become an important part of the work. Technology analysis (understanding technologies and methods of work with stone) is also planned. Besides we will conduct use-wear analysis (allowing defining functions of stone tools).

Keywords: Stone Age, the Lower Ob area, stone industries, use-wear analysis, Yamal-Nenets Autonomous District.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ «ЗЕЛЕНый ЯР» В 2016 Г.

Статья посвящена исследованиям уникального археологического комплекса «Зеленый Яр» Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Раскопки полевого сезона 2016 г. дали возможность продолжить проведение антропологических анализов мумифицированных и костных останков погребенных, изучить одежду и специфику погребального обряда средневекового населения Северного Приобья.

Ключевые слова: Северное Приобье, археологический комплекс «Зеленый Яр», могильник, погребальный обряд, мумифицированные останки.

Археологический комплекс у поселка Зеленый Яр является единственным известным на сегодняшний день скоплением памятников в Северном Приобье, где, во-первых, были зафиксированы остатки литейной мастерской эпохи средневековья; во-вторых, были исследованы два одновременных могильника эпохи средневековья: (VIII–IX вв. и XIII в. н. э.). Уникальными чертами позднего могильника является наличие мумифицированных останков людей, относительно хорошая сохранность погребальных сооружений, одежды и покровов захороненных [Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье, 2005. С. 7].

Несколько слов о месторасположении и истории изучения памятника. Археологический комплекс находится около поселка Зеленый Яр Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа, в 40 км юго-восточнее от г. Салехарда. В течение четырех полевых сезонов с 1999 по 2002 г. памятник раскапывался Ямальской археологической экспедицией ИИАУрО РАН под руководством Федоровой Н. В. [Там же].

Общая площадь вскрытого участка в 2016 г. составила 120 кв. м. В ходе проведенных исследований удалось получить новые материалы для изучения средневековой истории региона. Было изучено 8 погребений, остатки поселенческого слоя в виде одного кострища, получена археологическая коллекция в количестве 191 единицы.

ПОГРЕБЕНИЕ 65

Могильная яма ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Размеры пятна по продольной оси составляют 160 см, по поперечной — 41 см. Погребальный комплекс частично разрушен. Грабительское вторжение в погребение произошло в его северной части, но не достигло уровня залегания останков погребенного (рис. 1).

Взаиморасположение и особенности залегания костных останков дают возможность реконструировать некоторые манипуляции с телом. Голова умершего была прижата подбородочной областью к груди и зафиксиро-

вана. Положение плечевой кости и ключицы позволяет утверждать, что верхняя часть туловища была подвергнута принудительной кольцевой фиксации, что так же вероятно, говорит о пленении. При этом плечи были плотно прижаты к туловищу, и предплечье правой руки развернуто ладонной стороной вверх. Возможно, область кисти была подведена под область таза. Область таза разлагалась в относительно свободном пространстве. Ноги умершего были сведены и зафиксированы в коленном и голеностопном суставах. В укрывании тела использовалось меховое полотно, на которое в бласти надпереносья была с внутренней стороны нашта бронзовая пластинка. Также бронзовые пластинки были обнаружены в проекции обеих ладоней и стоп. Кроме того, в области стоп погребенного был найден осколок кварца. Погребальный кокон был уложен на дно могильной ямы между слоями луба. Не исключено, что луб был использован в качестве верхнего кокона, что подтверждается формой органического слоя, имеющей суженные контуры в области стоп. Останки погребенного принадлежат ребенку.

Рис. 1. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 65. Уровень залегания погребальной конструкции и останков погребенного

Рис. 2. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 66. Уровень залегания погребальной конструкции и останков погребенного

Рис. 3. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 67. Уровень залегания останков погребенных

ПОГРЕБЕНИЕ 66

Погребение ориентировано по оси СВ-ЮЗ. Размеры пятна по продольной оси составляют 190 см, по поперечной — 77 см. Погребение практически полностью уничтожено поздним (грабительским?) перекопом. Захоронение принадлежало взрослому человеку, вероятно, женщине. В погребальном комплексе присутствовали артефакты, изготовленные из бронзы и железа. В сооружении погребального комплекса использовались меховые изделия (рис. 2).

По сохранившемуся в северной части могильной ямы фрагменту дна погребения, можно утверждать, что останки погребенного были перекрыты берестяным полотном. Тело погребенного было уложено на спине с выпрямленными ногами. По состоянию переотложенных останков можно предположить, что грабительское вторжение в погребальную камеру произошло в период, когда большинство мягких тканей и связок разложилось.

ПОГРЕБЕНИЕ 67

Погребение ориентировано по оси С-Ю. Размеры пятна по продольной оси составляют 185 см, ширина северной торцевой стенки — 73 см, южной — 110 см. Данный погребальный комплекс является парным захоронением, совершенным одновременно (рис. 3).

Взаиморасположение и особенности залегания костных останков дают возможность реконструировать некоторые манипуляции с телами. Умершие были уложены головой на юг, параллельно друг другу. В восточной половине могильной ямы располагался индивидум 1 (скелет 1), в западной — индивидум 2 (скелет 2).

Индивидум 1 был уложен на спину. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе и уложена в область таза, левая выпрямлена вдоль тела. Правая нога была выпрямлена, стопа упиралась в северную торцевую стенку, левая нога была присогнута в коленном суставе, уложена на бок, область пятки подведена под правую ногу. Скорее всего, тело умершего было перекрыто плотным покрывалом (тканым или меховым). В качестве сопровождающего инвентаря были использованы, преимущественно, пластины: две серебряные пластины были уложены у левого виска и на теменной части головы, у правого виска находилось бронзовое височное кольцо. Еще одна пластина находилась в области рта-подбородка. Круглый диск, оформленный кожаными ремешками, располагался под правой рукой погребенного, над областью таза (рис. 4). В области правого локтя находилась еще одна бронзовая пластина. И, наконец, две бронзовых пластины располагались под стопами.

Рис. 4. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 67. Залегание останков индивидума 1. Круглый диск (бляха?) в области мумифицированных останков погребенного

Рис. 5. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 68. Уровень залегания останков погребенного

Рис. 6. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 69. Уровень залегания погребальной конструкции и останков погребенного

Рис. 7. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 70. Уровень залегания останков погребенного

Судя по сохранившимся фрагментам посткраниального скелета индивидуума 2, лежащих *in situ*, тело погребенного было уложено вытянуто на спине, головой на юг. Ноги выпрямлены, сведены, но не фиксированы. Особенности расположения костей стоп свидетельствуют о том, что их разложение происходило в замкнутом пространстве, которым, скорее всего, являлась обувь. Левая рука погребенного была согнута в локтевом суставе и уложена в область живота или таза. Останки индивидуума 2 были потревожены в процессе грабительского вторжения в погребальную камеру. Грабительский вкоп располагался в центральной части могильной ямы. Большое количество фрагментов железного изделия, обнаруженных в заполнении перекопа, позволяет предположить, что к моменту ограбления погребения железное изделие, уложенное вдоль правой ноги погребенного, было значительно коррозировано. Мумификация левой верхней конечности, скорее всего, свидетельствует о наличии медесодержащих предметов около тела. В исходном положении зафиксированы бронзовые пластины, лежащие под стопами умершего.

Наиболее вероятным представляется сценарий, при котором тела умерших были одеты в плотную одежду, ограничивающую смещение элементов тел при их разложении. Возможно, что сверху тела были накрыты меховым покрывалом, подоткнутым под тело.

Останки погребенных принадлежат взрослым людям.

ПОГРЕБЕНИЕ 68

Погребение ориентировано по оси С-Ю с небольшим склонением к востоку. Размеры пятна по продольной оси составляют 222 см, по поперечной — 75 см. Погребение практически полностью уничтожено поздним (грабительским?) перекопом. Захоронение принадлежало взрослому человеку, вероятно мужчине (рис. 5).

В погребальном комплексе присутствовали артефакты, изготовленные из бронзы и железа. В сооружении погребального комплекса использовались меховые изделия. Сохранившаяся часть деревянной погребальной конструкции позволяет предположить, что дно погребальной камеры было покрыто деревянными плахами, расположенными в горизонталь-

ной плоскости, параллельно длинной оси погребения, поверх которых, вероятнее всего, было уложено берестяное перекрытие.

По состоянию переотложенных останков можно предположить, что грабительское вторжение в погребальную камеру произошло в период, когда большинство мягких тканей и связок разложились. Возможно, некоторая часть элементов тела, в частности, область правой половины грудной клетки и правая верхняя конечность, в процессе археологизации захоронения, подверглась процессу естественной мумификации. Анализируя мумифицированный фрагмент верхней конечности, можно утверждать, что тело было уложено на спину, правая рука согнута в локтевом суставе. Область кисти располагалась над областью таза.

Обращает на себя внимание значительная длина могильной ямы, однако, поскольку захоронение было практически полностью разрушено, определить ее исходные размеры затруднительно.

ПОГРЕБЕНИЕ 69

Погребение ориентировано по оси СВ-ЮЗ. Размеры пятна по продольной оси составляют 204 см, по поперечной — 55 см. Погребение практически полностью уничтожено поздним (грабительским?) перекопом. Захоронение принадлежало взрослому человеку (рис. 6).

В погребальном комплексе присутствовали артефакты, изготовленные из бронзы, серебра и железа. Погребальная конструкция представляла собой камеру, перекрытую последовательно слоем луба и берестяным полотном. Можно предположить, что дно конструкции было выложено лубом или берестой. Тело погребенного внутри конструкции располагалось на слое меха, таким же мехом оно было перекрыто.

По состоянию переотложенных останков можно предположить, что грабительское вторжение в погребальную камеру произошло в период, когда большинство мягких тканей и связок разложились. Возможно, некоторая часть элементов тела, в частности, область кистей обеих рук, в процессе археологизации захоронения, подверглась процессу естественной мумификации. Анализируя мумифицированный фрагмент верхней конечности, можно с большой долей уверенности

Рис. 8. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 71. Уровень залегания останков погребенного

Рис. 9. Археологический комплекс «Зеленый Яр». Погребение 72. Уровень залегания погребальной конструкции и останков погребенного

предположить, что тело было уложено на спину, левая рука согнута в локтевом суставе. Область кисти располагалась над областью живота или таза. Положение костей голени говорит о том, что ноги умершего не подвергались принудительной кольцевой фиксации, они были выпрямлены, но не сведены. Обращает на себя внимание отсутствие элементов черепа.

ПОГРЕБЕНИЕ 70

Погребение ориентировано по оси СВ-ЮЗ. Размеры пятна по продольной оси составляют 147 см, по поперечной — 37 см по северной и 23 см по южной торцевым стенкам. Погребение частично уничтожено поздним (грабительским?) перекопом. Захоронение принадлежало ребенку.

В погребальном комплексе присутствовали артефакты, изготовленные из бронзы и железа. В слое перекопа найдены два бронзовых височных кольца. Погребальная конструкция представляла собой камеру, перекрытую слоем луба (рис. 7). Тело погребенного внутри конструкции располагалось на слое меха, мехом оно было и перекрыто. Поверх верхнего мехового покрывала лежала крупная бронзовая пластина. Положение костей голени позволяет реконструировать, что тело умершего ребенка было уложено на спину, ноги сведены и зафиксированы в голеностопных суставах. В области стоп погребенного были уложены три бронзовые пластины.

ПОГРЕБЕНИЕ 71

Погребение ориентировано по оси СЗ-ЮВ. Размеры пятна по продольной оси составляют 225 см, по поперечной — 70 см. Погребение полностью уничтожено поздним (грабительским?) перекопом (рис. 8). В погребальном комплексе были обнаружены две бронзовые пластины. По состоянию переотложенных останков можно предположить, что грабительское вторжение в погребальную камеру произошло в период, когда мягкие ткани и связки разложились. Обращает на себя внимание отсутствие в засыпи погребения фрагментов бересты, меха и древесного тлена. Захоронение принадлежало взрослому человеку.

ПОГРЕБЕНИЕ 72

Погребение ориентировано по оси СВ-ЮЗ. Размеры пятна по продольной оси составляют 195 см, по поперечной — 40 см. Погребение значительно разрушено поздним (грабительским?) перекопом (рис. 9).

В погребальном комплексе были обнаружены фрагменты бронзовых изделий, фрагменты меха и бронзовая пластина. По состоянию переотложенных останков можно предположить, что грабительское вторжение в погребальную камеру произошло в период, когда мягкие ткани и связки разложились. Первичная идентификация останков затруднительна в силу их плохой сохранности. Обращает на себя внимание погребальная конструкция, в которую было уложено тело погребенного.

Некоторая часть изделий из бронзы была обнаружена вне могильных комплексов, очевидно, они представляют собой поминальные дары либо происходят из разрушенных могил. К ним относится фрагмент бронзового височного кольца из круглого в сечении дрота. Данное изделие — характерная часть набора украшений начала — середины II тыс. н. э., которые являются продуктом массового производства мастеров Пермского Предуралья. Две бронзовые привески к шумящей подвеске в виде водоплавающих птиц хорошей сохранности. Подобные привески являются характерной частью шумящих украшений родановской культуры Пермского Предуралья и датируются временем XII — начала XIV вв. н. э. [Белафин, Крыласова, 2008. С. 452].

И, наконец, бронзовая бляха с перловым орнаментом. Представляет собой круглую бляху, откованную из тонкого листа бронзы. Петелька была приклепана позже. По краю бляхи круглым пунсоном вычеканен орнамент из крупных перлов. Подобные бляхи появились как часть статусного набора украшений в начале II тыс. н. э. На севере Западной Сибири получили массовое распространение. Изготовлены, очевидно, в Пермском Предуралье [Федорова, 2014. С. 97–98]. Ее происхождение в межмогильном пространстве обосновано (с некоторой долей вероятности) из двойного погребения 67 (индивидуум 2).

Таким образом, исследованные 9 индивидуумов в 8 погребениях относятся к функционированию позднего могильника XIII в. н. э.

Большинство погребений было разрушено в результате поздних грабительских вкопов. В настоящий момент существует 2 гипотезы этому факту:

1. Разрушение могил являлось частью «охранного» ритуала;
2. Разрушение могил являлось следствием разграбления.

На данной ступени изучения памятника обе гипотезы имеют право на существование [Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в

Северном Приобье, 2005. С. 144].

Одним из итогов археологических работ на памятнике стала возможность наглядно увидеть совершенно разную степень сохранности погребений, начиная от остатков лишь перекрытий погребений без скелета человека, заканчивая относительно хорошо сохранившимися мумифицированными останками человека.

Необходимо отметить, что продолжение исследований археологического комплекса у поселка Зеленый Яр способно дать огромное по своим масштабам количество материалов и исторических данных для реконструкции средневековой истории региона и сопредельных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА-УрО РАН, 2008. 603 с.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Коллектив авторов. Под ред. Н.В. Федоровой — Екатеринбург; Сале-

хард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып.1 (57). С. 90–99.

RESEARCH AT THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF ZELENIY YAR IN 2016

The article is devoted to research of the unique archaeological complex Zeleniy Yarin Priuralsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District. Excavation of the field season in 2016 made it possible to continue conducting anthropological analysis of buried mummified and skeletal remains, to examine the specifics of clothing and funeral rites of the medieval population of Northern Ob.

Keywords: North Ob basin, archaeological complex Zeleny Yar, burial ground, funeral rites, mummified remains.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ЮР-ЯХА III

В августе 2016 г. были произведены археологические раскопки объекта культурного наследия «Стоянка Юр-Яха III», расположенного в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в бассейне р. Юрибей на левом притоке правобережья р. Юръяха.

Целью работ являлось исследование культурного слоя археологического памятника эпохи средневековья для восстановления историко-культурных процессов происходящих в данный период времени в тундрах полуострова Ямал. На памятнике была вскрыта площадь в 125 м² (при глубине раскопа более 0,7 м). Выявлено и исследовано 3 погребения разной степени сохранности. Все погребения относятся к типу грунтовых могил. Получена коллекция артефактов в количестве 33 экз., включающая в себя изделия из керамики, металла, дерева. Все полученные материалы относятся к периоду средневековья (XI–XII вв. н. э.).

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, памятники полуострова Ямал, поселение Юр-Яха III, средневековье, керамика, бронза, погребения.

В полевом сезоне 2016 г. один из археологических отрядов ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» проводил работы на полуострове Ямал на памятнике, в свое время получившем название «Стоянка Юр-Яха III». Находится она на правобережье р. Юръяха в 1,3 км от впадения в р. Юрибей. Этот археологический памятник был обнаружен в ходе археологической разведки А. Г. Брусницыной в 1997 г.

Высота мыса, на котором располагается памятник, составляет 8 м, часть склона повреждена вытянутым с запада на восток яреем общей площадью 373 м² (рис. 1). Необходимо отметить, что поверхность стоянки продолжает разрушаться под воздействием ветровой эрозии. По сравнению с 1997 г. площадь разрушений к 2016 г. увеличилась более чем в 4 раза. Раскоп 2016 г. был заложен в юго-восточной части памятника общей площадью 125 м². Часть раскопа была преднамеренно заложена на разрушенной поверхности.

Разведочные данные 1997 г. говорили о возможном наличии на поселении остатков жилых построек, а также обильного материала в виде фрагментов керамических сосудов, находящихся в культурном слое памятника. Керамические сосуды в археологических работах зачастую являются основным источником, с помощью которого археологи могут составлять модели социокультурных взаимодействий в прошлом.

На полуострове Ямал проводилось не так много стационарных археологических раскопок, как хотелось бы. Всего из двухсот известных памятников раскопкам подверглись лишь менее двадцати. До сих пор не впол-

не ясны процессы, происходящие с трансформацией культурного слоя на археологических памятниках, которые подвергаются разрушительному воздействию ветра и вытаптыванию дернового слоя оленями.

В ходе работ удалось разобрать стратиграфию культурного слоя состоящего из супеси темно-серого цвета, которая образовалась в процессе выветривания и непотревоженной супеси серого цвета. В раскопе были обнаружены и исследованы три погребения, следов поселения обнаружено не было.

Погребение № 1 было разграблено в древности. В темно-сером слое найдены верхняя часть черепа, лучевая кость руки и часть верхней челюсти. Под костью руки обнаружен железный нож. Сама же разграбленная могила имела прямоугольную форму. На дне погребальной камеры найдены: ключица, фаланга пальца, мех северного оленя, под которым лежала бронзовая пластина (рис. 2).

Погребение № 2 находилось в материке, т. е. ниже уровня культурного слоя. Умерший был уложен в скорченном положении на левый бок, обернут в шкуру северного оленя. Под бедрами и лопатками погребенного зафиксированы две дощечки.

За спиной погребенного лежал янгач — специальное приспособление для выбивания снега из одежды. Аналогии этому орудию известны вплоть до этнографической современности (рис. 3).

Перед костяком лежал скребок для выделки шкур. Аналогичными скребками пользуются до сих пор.

Поверх правой руки лежал железный нож с бронзовой рукоятью. Ножны изготовлены из дерева. Ого-

На сегодняшний день погребения с труположением в скорченном виде в нашем регионе известны на древнем святилище Усть-Полуй (I в. до н. э. — I в. н. э.) [Гусев, 2015а. С. 295], которое расположено в черте города Салехард. Погребения, скорее всего одновременные и носят, очевидно, культовый характер. Еще одно погребение в скорченной позе было обнаружено в 1929 г. В. Н. Чернецовым на севере мыса Хаен-Сале (полуостров Ямал), в жилище XVI в. [Чернецов, 1957. С. 236–237], что тоже является не рядовой ситуацией (рис. 5).

До сих пор, при крайне малом количестве погребальных памятников эпохи древности — средневековья на территории современного ЯНАО, все-таки можно говорить, что основным обрядом захоронения было положение погребенного вытянуто на спине, часто в деревянных конструкциях с обертыванием в оленьи шкуры (могильники у поселка Зеленый Яр [Гусев, 2015а. С. 293–295; ЗЕЛЁНЫЙ ЯР, 2005], некрополи в низовьях Оби X–XVIII вв.). На полуострове Ямал пока известен лишь одни могиль-

ник Хэто-Сё I датированный IX–X вв. н. э., последние исследования на котором проводились А. Г. Бруснициной в 2000 г. [Брусницина, 2000. С. 37].

В результате наших исследований 2016 г. выявлен и раскопан еще один некрополь на полуострове Ямал, который по датам артефактов может быть отнесен к XI–XII вв. Можно с большой долей вероятности предполагать, что данный могильник оставлен жителями археологического комплекса Ярте-6, находящегося в нескольких километрах западнее от Юр-Яха III.

Рис. 2. Заполнение ямы из погребения № 1:
1. Бронзовая пластина; 2. Кусок меха северного оленя;
3. Фаланга пальца; 4. Ключица

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь из погребения № 2: 1. Скребок; 2. Янгах

Рис. 4. Сопроводительный инвентарь из погребения № 2:
1. Браслет; 2. Подвеска; 3. Височное кольцо; 4. Пронизка;
5. Фрагмент керамики; 6. Накладка на глаз; 7. Фрагмент бубенчика; 8. Лапчатая подвеска; 9. Железный нож в ножнах с бронзовой рукоятью; 10. Накладка на рот

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь из погребения № 3: 1. Железный нож

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брусницына А.Г. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Вып. 3. Салехард, 2000. С. 32–48.

Гусев А.В. Древние производства в сакральном пространстве святилища Усть-Полуй // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015а. С. 293–295.

Гусев А.В. Погребальный обряд средневекового населения севера западной Сибири (по материалам мо-

гильников у пос. Зеленый яр) // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015б. С. 291–293.

ЗЕЛЕННЫЙ ЯР: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / коллектив авторов. под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург — Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Наука, 1957. С. 136–245.

NEW STUDIES OF THE ARCHAEOLOGICAL SITE UR-YAHA III

In August 2016 archaeological excavations of the object of cultural heritage "Ur-yaha III settlement" located in the Yamal region of the Yamal-Nenets Autonomous District in Yuribey basin on the left tributary of the right bank of the river Yuryaha were made.

The aim was to study the cultural layer of archaeological site of the Middle Ages to reconstruct the historical and cultural processes that had taken place in the tundra of the Yamal Peninsula. An area of 125 m. was excavated in the site (with the excavation depth more than 0.7 m). 3 burial places of different degrees of preservation were revealed and investigated. All burial places belong to the type of ground graves. Collection of artifacts in an amount of 33 specimens was obtained. It includes artifacts made of ceramics, metals and woods. All materials are related to the period of the Middle Ages (XI–XII centuries A.D.).

Keywords: *Yamal-Nenets Autonomous District, Yamal peninsula sites, settlement Ur-yaha III, medieval times, ceramics, bronze artifacts, burial places.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ В РАЙОНЕ ОЗ. ПАРИСЕНТО (П-ОВ ГЫДАНСКИЙ)

В статье представлены новые данные, полученные в ходе археологического обследования района озера Парисенто в августе 2016 г. Участок расположен в центральной части полуострова Гыданский, административно входящего в Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. В результате первичного обследования было обнаружено 8 местонахождений археологических предметов эпохи Средневековья — нового времени. Культурного слоя в этих пунктах обнаружено не было, однако собранные данные представляют интерес как первое результативное обследование в средней части Гыданского полуострова. Находки дают общее представление о материальной культуре осваивавшего тундровые районы кочевого населения эпохи Средневековья.

Ключевые слова: север Западной Сибири, полуостров Гыданский, Тазовский район, Ямало-Ненецкий автономный округ, эпоха Средневековья.

Административно Гыданский полуостров входит в Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Археологическое обследование 2016 г. финансировалось в рамках ОДЦП «Развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности ЯНАО на 2014–2020 гг.». Техническую составляющую проекта по заброске экспедиции, обеспечению ее работы осуществлял НП «Российский центр освоения Арктики».

В связи с обширностью и удаленностью территория Тазовского района ЯНАО в археологическом плане изучена пока еще крайне слабо. Всего на сегодняшний день известно 24 выявленных археологических памятника [Департамент культуры ...]. Для сравнения, в соседнем Пуровском районе эта цифра составляет 212 объектов. Все известные памятники археологии Тазовского района сосредоточены в его южной части: в бассейнах р. Таз и ее притоков (15 объектов), р. Мессоха — юго-западная часть Гыданского полуострова (8 объектов), р. Пентыме — восточная часть Тазовского полуострова (1 объект).

Одни из первых сведений об археологических памятниках Тазовского района были получены экспедицией Русского географического общества под руководством Р. Е. Кольса. В 1926 г. в нижнем течении р. Таз открыта стоянка Тазовская IV эпохи бронзы, а около Зимовья Мамеева собрана коллекция средневековых бронзовых вещей (рукоять ножа, подвеска в виде фигурки птицы, украшения костюма), датированная концом I — нач. II тыс. н. э. [Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 46; Чернецов, 1957. С. 181].

Первое ориентированное на поиск археологических памятников исследование было проведено лишь в начале 1960-х гг. В течение нескольких лет в низовьях

Таза работала историко-этнографическая экспедиция МГУ под руководством Л. П. Лашука. В ходе работ было выявлено три памятника: Мыс I — поселение и жертвенное место, Мыс IIА — поселение, Мыс IIБ — многослойное поселение, датированное от эпохи поздней бронзы до раннего железного века [Лашук, 1965; Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 43].

В 1966 г. в Тазовском районе работала Мангазейская экспедиция НИИ Арктики и Антарктики и ЛОИА-РАН. Ее сотрудниками был выявлен памятник «Тазовская литейная мастерская», датированный X–XIII вв. н. э. [Хлобыстин, Овсянников, 1973].

Затем вновь наступает длительный перерыв и только в середине 1990-х гг. в связи с нефтегазовым освоением возобновилось и археологическое изучение.

С 1994 г. по настоящее время здесь работали экспедиции Института проблем освоения севера СОРАН из Тюмени, ООО «НПО «Северная археология-1» из Нефтеюганска. Появились около двух десятков новых выявленных памятников. Все в южной части района, там, где идет активное хозяйственное освоение территорий.

По итогам проведенных исследований была реконструирована, насколько это позволили источники, картина освоения человеческими коллективами южной части Тазовского района. Наиболее ранний период представлен эпохой неолита, немногочисленные материалы которого были собраны на поселении Торато-б. К сожалению, памятник сильно пострадал вследствие ветровой эрозии. Для эпохи бронзы Л. П. Лашуком и Л. П. Хлобыстиным было предложено выделить тазовскую археологическую культуру, датированную посл. четв. II — первыми веками I тыс. до н. э. [Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 46]. Ранний железный век пред-

ставлен памятниками (поселение Мыс I, Мыс IIА, Мыс IIБ, Торато-3, 4) с керамикой, аналогии которой известны по раскопкам на древнем святилище Усть-Полуй. Наибольшее количество известных археологических памятников характеризуют эпоху средневековья. Наиболее значимые из них Зимовье Мамеева (VIII–IX вв.), Тазовская литейная мастерская (X–XIII вв.), городище Большая Хэяха-1 и поселение Торато-7.

Помимо археологических памятников известны и этнографические объекты (хальмеры, святилища), имеющие большое значение при изучении духовной и материальной культуры аборигенного населения.

Методика проведения работ соответствовала действующим рекомендациям Института археологии РАН и включала в себя: визуальное обследование, фотографирование, съемку топографических планов, сбор подъемного материала и шурфовку.

Обследование проводилось пешим маршрутом с использованием надувной резиновой лодки для переброски водным путем. Протяженность маршрута составила более 60 км. Всего было зафиксировано 8 местонахождений артефактов эпохи средневековья – Нового времени. Под местонахождением в археологии принято подразумевать места находок артефактов без обнаружения культурного слоя. Причины отсутствия культурного слоя могут быть разными: предметы могут быть случайно либо преднамеренно оставлены в данном месте. Возможно слой, изначально не имеющий большой мощности, был разрушен вследствие ветровой эрозии, что в тундровых районах это весьма распространенное явление, и артефакты или же часть из них залежали рассеянно на поверхности выдувов-яреев.

Уместно остановиться подробно лишь на двух наиболее интересных из обнаруженных местонахождений.

Местонахождение № 1 стало весьма неожиданным для исследователей и располагалось непосредственно на территории геокриологического стационара «Парисенто», работавшего в 1980–1990-х гг. Этот участок расположен на небольшом удалении к северу от оз. Парисенто, на берегу оз. Круглое. По-видимому, вещи оказались обнажены вследствие ветровой эрозии относительно недавно, уже после закрытия стационара. На дневной поверхности ярея был обнаружен крупный фрагмент бронзовой чаши, под которым находились предположительно кусок черепной крышки человека с пучком волос и, по-видимому, небольшая часть волос от шкуры (меховой одежды ?) северного оленя. Органические материалы в настоящее время находятся в работе у специалиста-антрополога.

На месте обнаружения был заложен небольшой археологический раскоп размером 4x4 м. Несмотря на все предпринимаемые усилия, не удалось обнаружить остатки сохранившегося культурного слоя или каких-либо границ объекта, связанного с предметным комплексом. Ничего не дала и дополнительная шурфовка на близлежащих участках террасы.

В процессе расчистки супеси и остатков дернового слоя были найдены еще несколько небольших по раз-

мерам фрагментов от той же чаши. Изделие имело полусферическую форму, выполнено из бронзового сплава. Такие чаши изготавливались иранскими мастерами, начиная с VIII в. н. э., наиболее массовый характер их производство приобрело в IX–XI вв. [Сокровища Приобья, 1996. С. 122]. Благодаря особому составу сплава цвет этих изделий был светлозолотистым. Поверхность чаши полированная, на внутренней стороне процарапан орнамент в виде маленьких кружочков с точкой, на бортике — орнитоморфные изображения, на дне — вписанная в круг шестилепестковая розетка.

Находки похожих чаш и их фрагментов на севере Западной Сибири не редкость и значительная часть их происходит именно на территории современного ЯНАО – Шурышкарского и Приуральского районов, а также с южных территорий полуострова Ямал [там же; Зеленый Яр..., 2005. С. 141]. Чаще всего находки чаш ассоциируются с погребальным инвентарем (поминальными комплексами) средневековых захоронений [Гусев, 2015. С. 27. Рис. 3:4].

Бронзовые рукоять ножа и ножны соответствуют между собой по размерам и, по-видимому, составляли единый комплект. Значительно хуже сохранилось железное лезвие самого ножа, представленное лишь небольшим фрагментом. Рукоять и ножны отлиты в двусторонних формах с сердечником, поверхность покрыта зеленой патиной. Такого рода находки относятся к группе изделий, выполняемых приобскими или приуральскими мастерами-литейщиками [Сокровища Приобья, 1996. С. 58–65. Кат. 13–18]. Предметы богато украшены: на навершии рукояти изображена хищная птица с характерным клювом и когтистыми лапами, ниже орнамент, имитирующий выпуклые лепестки. На ножнах петля для подвешивания выполнена в виде головы грифона.

Аналогии таким изделиям хорошо известны в северо-таежном Приобье и южной части полуострова Ямал. Кроме современной территории ЯНАО, они представлены в Сургутском Приобье и отчасти в Верхнем Прикамье [Зыков и др., 1994]. Многочисленная коллекция таких изделий хранится в фондах ГБУ ЯНАО «МВК им. И. С. Шемановского».

Учитывая состав предметов местонахождения № 1, наличие предположительно человеческих останков дает основания видеть здесь остатки разрушенного средневекового захоронения кон. I — нач. II тыс. н. э.

Все остальные местонахождения были обнаружены на значительном удалении к югу от озера Парисенто, на краях террас рек Юрибей и Торамюяха. Выявленные пункты приурочены к приподнятым песчаным кромкам террас и старичным озерам, богатым рыбой. Такие закономерности уже были отмечены применительно к географии расположения археологических стоянок эпохи средневековья в Ямальской тундре [Плеханов, 2015. С. 314].

Еще один объект, заслуживающий внимания, представлен местонахождением, получившим порядковый № 5. На краю террасы, частично разрушенной ветровой эрозией, первоначально был обнаружен железный

наконечник стрелы, а заложенный на этом месте разведочный шурф размером 2x2 м дал находки еще двух наконечников и лезвия крупного железного ножа. Все предметы залегали в переотложенном вследствие ветровой эрозии слое. Датировать комплекс можно только в широких пределах эпохи средневековья.

На других обнаруженных в 2016 г. местонахождениях были собраны фрагменты керамической посуды средневекового облика, два вильчатых железных наконечника стрел, куски стенок кованых медных котлов.

Наиболее важные результаты, полученные в ходе археологического обследования:

1. Даже небольшая археологическая разведка позволяет говорить о достаточно интенсивном освоении

центральных районов Гыданской тундры (на широте оз. Парисенто) в эпоху средневековья.

2. Система планиграфического расположения археологических объектов (местонахождений) во многом повторяет ситуации, прослеженные на территории соседнего полуострова Ямал. Это служит важным индикатором сходства хозяйственного типа освоения территорий, ассоциируемого с культурой оленеводов-кочевников [Гусев, Плеханов, Федорова, 2016].

3. Характер обнаруженного в 2016 г. археологического материала позволяет также говорить о схожести средневековой материальной культуры тундрового населения Гыдана и Ямала и, вероятно, о родственности оставившего его населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гусев Ал.В. Поминальные действия на могильниках у пос. Зеленый Яр // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2015. Вып. 1(86). С. 25–30.

Гусев Ан.В., Плеханов А.В., Федорова Н.В. Оленеводство на севере Западной Сибири: ранний железный век — Средневековье // Археология Арктики / науч. ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Калининград: ИД «РОСДО-АФК». Вып. 3. 2016. С. 228–239.

Департамент культуры. Перечни объектов культурного наследия: Сайт. – URL: <http://культураямала.рф/kulturnoe-nasledie-dr/spiski-ob-ektov> (дата обращения 20.11.2016).

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / коллектив авторов под. ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург — Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.

Лашук Л.П. Историко-этнографические исследования на Крайнем Севере Сибири // Вестник МГУ, 1965. Сер. VIII, № 5.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1986. № 185. С. 43–49.

Плеханов А.В. Стойбища оленеводов на полуострове Ямал — этноархеологический подход // IV Северный археологический конгресс / отв. ред. Н.М. Чаиркина. Материалы. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2015. С. 314–316.

Сокровища Приобья / ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. Санкт-Петербург: Формика, 1996. 228 с.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 248–257.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE PARISENTO LAKE AREA (THE GYDAN PENINSULA)

The article presents new data which were obtained during archaeological research near Parisentolake in August 2016. This area is located in the central part of the Gydan Peninsula, administrative part of the Tazovsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District. As a result of the initial survey 8 locations of archaeological objects (from the Middle Ages to modern times) were found. These locations had no cultural layer — the artifacts only, but collected data are of interest as the first successful survey in the middle part of the Gydan Peninsula. The artifacts give us general introduction to the material culture of the nomadic population, which have explored the tundra areas in the Middle Ages.

Keywords: the North of Western Siberia, Gydan Peninsula, Tazovsky region, Yamal-Nenets Autonomous District, the Middle Ages.

О СООТНОШЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛА

Идентичность человека имеет много составляющих, каждая из которых может выходить на первый план в конкретных ситуациях. Сообщение посвящено соотношению этнического и регионального компонентов идентичности многонационального населения Ямала. Особая роль отводится сохранению культурно-хозяйственного уклада аборигенных народов, что важно для формирования региональной идентичности ямальцев других национальностей.

Ключевые слова: этническая и региональная идентичность, Ямал, сохранение культурно-хозяйственных традиций аборигенных народов.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

В современной антропологии изучение идентичности в ее разнообразных проявлениях является сложной междисциплинарной проблемой, в разработке которой участвуют специалисты самого разного профиля. В основе идентичности лежит осознание принадлежности к определенным сообществам, имеющим разную природу: половым, возрастным, этническим, конфессиональным, гендерным, субкультурным и т. п. Для каждого человека самоидентификация является частью упорядочивания знаний о мире и определения своего места в нем. Многообразные явления окружающей действительности требуют систематизации путем группировки по степени сходства и различий с целью свести всю сложность мироздания к более простым и удобным схемам, облегчить ориентацию, закрепить социальный опыт. Создаваемые при этом классификации основаны на дихотомии — природном свойстве человеческого разума, которое является результатом эволюционного развития [Алексеев, 1984. С. 254, 255]. Поскольку все познается в сравнении, выстраивание всевозможных противопоставлений происходит постоянно, но всякий раз относительно новых центров и осей симметрии, в разных ракурсах и плоскостях. Любой социум не является гомогенным, и соотношение входящих в него группировок определяется на самых разных уровнях, что обуславливает многоликость и многокомпонентность идентичности, причем в различных ситуациях на передний план по значимости может выходить то одна, то другая ее составляющая. При этом деление на «своих» и «чужих» не только упорядочивает представления об окружающих, но и создает ощущение защищенности в своем кругу. Все это позволяет считать, что идентичность выполняет адаптивные функции.

ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ

Составляющие идентичности имеют разные механизмы формирования. Так, если пол и раса обусловлены биологически, то языковая, культурная, этническая принадлежность являются не врожденными качествами, а результатом социализации, которая на начальном этапе жизни происходит на бессознательном уровне. В зрелом возрасте осознанным может быть выбор религии, профессии, места проживания, политических приоритетов, подданства.

Компоненты идентичности обладают неодинаковой устойчивостью и способностью к изменениям. Казалось бы, наиболее фундаментальными в силу своей биологической основы являются пол и раса. Однако половая принадлежность индивида, определяемая по объективным физическим признакам, может не совпадать с его субъективной сексуальной ориентацией, что иногда приводит к операциям по смене пола. Границы между расовыми группами не всегда бывают четкими, а исследования ДНК показывают, что генетическое сходство между представителями разных расовых типов может быть значительно выше, чем между людьми одного и того же типа [Тишков, 2003. С. 67]. К тому же субъективные представления о расовой принадлежности порой зависят не только от реальных антропологических признаков, но и от социального статуса. Так, отмечались ситуации, когда представители темнокожего населения по мере успешного карьерного роста «светлеют» в глазах окружающих и в своих собственных [Шандыбин, 1998. С. 26, 30].

Языковая принадлежность, формирующаяся с раннего детства, также отличается устойчивостью, хотя в многонациональных районах и контактных зонах люди могут свободно владеть несколькими языками. В то же время, известно немало случаев, когда россия-

не различных национальностей говорят только на русском, считая его родным.

Помимо естественных возрастных изменений, человек в течение жизни может менять социальные, профессиональные, политические, религиозные, субкультурные группы, переходя из одних в другие. Гораздо сложнее сменить этническую идентичность, которая в норме начинает неосознанно формироваться с детства, а ближайшее семейное окружение с присущим ему комплексом антропологических, языковых, культурных, религиозных особенностей становится своего рода эталоном «своих». В силу особой восприимчивости и устойчивости детской памяти, сложившийся образ на подсознательном уровне сохраняется на протяжении всей жизни, влияя на самоидентификацию человека [Данченко, 2011. С. 44, 45]. В дальнейшем, при общении с людьми, которые в чем-то не соответствуют сложившемуся стереотипу, срабатывает механизм, устанавливающий границу между «своими» и «чужими», причем это может происходить на разных уровнях: суперэтническом («россияне»), этническом («татары»), субэтническом («сибирские татары»), региональном («сибиряки»). Так под влиянием этнокультурной среды индивид на каком-то этапе осознает себя ее частью. Однако подобную ситуацию нельзя понимать односторонне: жители крупных мегаполисов сохраняют этническое самосознание, несмотря на, казалось бы, усредненную социокультурную среду. В таких случаях национальная идентичность формируется и сохраняется не благодаря, а скорее, вопреки окружающим условиям жизни, нередко основываясь не на собственном опыте общения с людьми той или другой национальности, а на стереотипных и во многом мифологизированных представлениях о народах, включая свой собственный. Такие этнические стереотипы необыкновенно устойчивы и существуют вполне автономно, поскольку без критики воспринимаются последующими поколениями подобно тому, как усваивается родной язык, а значит, на первый план здесь выходит сфера подсознания, связанная с традиционными коллективными представлениями.

Примером того, как идеи обретают материальную силу, может быть «конструирование» этничности в бывших советских республиках. После развала Советского Союза с его интернационалистской политикой, для местных элит модель строительства национальных государств стала наиболее логичной. Этому сопутствовало то, что незащищенность населения в условиях кризиса порождает особую потребность в адаптации и, как правило, сопровождается ужесточением границ между «своими» и «чужими», «коренными» и «понаехавшими», приводя к росту национализма, обострению межэтнической розни, вспышкам насилия [Данченко, 2011. С. 43].

Таким образом, в процессе формирования этнической идентичности на одних этапах решающую роль могут играть объективно сложившиеся условия социокультурной среды, на других — конструктивистская

реализация идеологических доктрин. При этом этническое самосознание, сформировавшееся под воздействием таких объективных факторов, как общность происхождения, территории, языка, культуры, религии, с какого-то времени начинает существовать достаточно автономно от изменяющихся внешних условий, смены политического курса или общественного строя.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО.

Групповая солидарность людей, относящих себя к одному этносу, скрепляется представлениями об общности исторической судьбы, героических деяниях предков, культ которых, вместе с почитанием «исконной» территории, является одним из универсальных проявлений архетипических структур. Этническая идентичность, по сути, означает принадлежность к общности, которая уже перестала существовать, претерпев значительные изменения в языке, культуре, верованиях, антропологическом составе, территории. Поэтому сформировавшийся в обыденном сознании обобщенно-стереотипный образ своего народа порой не соответствует современным реалиям и оказывается ретроспективным, мифологизированным и субъективным [Данченко, 2015. С. 56].

Для предания легендарным генеалогическим сюжетам большей «достоверности», как правило, допускаются субъективизм, избирательность в отборе исторических фактов и их произвольная интерпретация [Данченко, Грачев, 2014. С. 287]. Создаваемые обыденным сознанием схемы корректируются с учетом насущных интересов представителей этноса, а также сиюминутной позиции стороннего наблюдателя. При этом окружающий природный фон и элементы имеющегося «культурного фонда» всякий раз по-новому обыгрываются в различных «презентациях», цель которых — продемонстрировать свою этническую группу в наиболее выгодном свете [Данченко, 2011. С. 41].

Подытоживая сказанное, можно охарактеризовать идентичность как внутренне присущее человеку стремление упорядочить представления об окружающем мире и определить свое место в нем через осознание своей принадлежности к различным сообществам. Подобная систематизация облегчает ориентацию в биологическом, этнокультурном, социально-политическом, конфессиональном многообразии человечества и, следовательно, выполняет адаптивные функции. Поскольку в повседневной практике людям приходится приспосабливаться к самым разнообразным ситуациям, определяя свою позицию и модели поведения, идентичность многолика, а ее составляющие могут проявляться явно или иметь скрытый, латентный характер, обладая большей или меньшей устойчивостью.

ЗЕМЛЯКИ РОДОМ ОТОВСЮДУ

Показательный пример «многоэтажности» идентичности дает соотношение ее этнического и регионального компонентов.

Так, в национальном составе населения ЯНАО представители коренных и малочисленных народов составляют около 8 %. Значительная их часть сохранила традиционное хозяйство, несмотря на вошедшие в повседневную жизнь японские снегоходы, лодочные моторы, планшеты, сотовую связь — все, что имеет отношение к наиболее динамично развивающейся *технологической* сфере культуры. Что касается так называемых *коллективных представлений* (традиционные религиозные верования и обряды; народная медицина; всевозможные заговоры, приметы, суеверия; мифология, в том числе генеалогические легенды), то они обладают особой «живучестью», обусловленной характером передачи от поколения к поколению. Эта часть культуры неосознанно впитывается с детства и благодаря особенностям ранней памяти способна сохраняться до конца жизни.

Большая часть многонационального населения ЯНАО своим *этническим* самосознанием связана с этнокультурными традициями, сформировавшимися на других, порой очень отдаленных территориях. При этом даже те, кто родился и вырос на Ямале, вправе считать себя по национальности русскими, татарами, аварцами и т. п. Иная ситуация складывается, если речь идет о *региональной идентичности*. Слоган «Мы —ямальцы!» применительно к собирательному образу земляков нуждается в обосновании и подкреплении с помощью набора стереотипных «брендов», ассоциирующихся с местной спецификой: Полярный круг; северное сияние; экстремальные природно-климатические условия; мерзлота, хранящая туши мамонтов и уникальные археологические находки; традиционный хозяйственно-культурный уклад аборигенов: олени, чумы, нарты, малицы; орнаменты, в том числе украшающие флаг ЯНАО; косторезное ремесло и изделия из бересты; оленина, строганина, морошка; нефтегазовое богатство России... Все перечисленное, символизируя территорию, в той или иной степени служит маркерами принадлежности к ней, а значит признаками региональной идентичности ямальцев, подавляющее большинство которых не имеет отношения ни к малочисленным этносам, ни к их традиционному образу жизни. В итоге, из природных особенностей края и хозяйственно-культурного комплекса, лежавшего в основе формирования этнического самосознания

коренных народов, отбираются отдельные элементы, которые со временем становятся *символами региональной идентичности* жителей полуострова независимо от их национальной принадлежности.

Принципиально важно, чтобы популяризация упомянутых «брендов» и производство эффектной рекламно-сувенирной продукции не отвлекало от проблемы сохранения подлинного историко-культурного наследия коренного населения в ходе хозяйственного освоения Ямала.

Культура местных аборигенов имеет глубокие исторические корни, вобрав в себя выработанный множеством поколений уникальный опыт выживания в самых экстремальных условиях. В настоящее время различные ее составляющие, хотя и в неодинаковой степени, подвержены опасности исчезновения. Если традиционные оленеводство и рыбный промысел вполне могут трансформироваться в перспективные с экономической точки зрения отрасли, ориентированные на поставки продукции на внутренние и зарубежные рынки, то духовная культура оленеводов и промысловиков, проникнутая особым сакральным отношением к окружающей природе, оказывается гораздо более уязвимой. В силу объективных социальных процессов представители коренных народов находят себя в самых разных сферах, включая управление, предпринимательство, науку, искусство, и потому бессмысленно ожидать от них полной приверженности традиционному образу жизни — это удел далеко не каждого.

Традиционная культура не является чем-то застывшим и неизменным, поскольку главная ее функция — адаптация к меняющимся природным и социально-историческим условиям, что подразумевает своевременное реагирование на смену обстановки. Подобные качества в особенности присущи кочевникам, передвигающимся налегке и выживающим не за счет многочисленного снаряжения и провианта, а благодаря выработанному умению правильно оценивать ситуацию и действовать в соответствии с ней. Эта неотъемлемая часть «живой» культуры существует, пока живы ее *носители*, и заменить ее не могут ни самые скрупулезные научные описания, ни снятые фильмы, ни застывшие под стеклом витрин музейные экспонаты, выпавшие из историко-культурного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Изд-во политической литературы, 1984. 464 с.

Данченко Е. М. Идентичность и мифологизация прошлого // XI конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв. — Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. — С. 56

Данченко Е. М. Об адаптивной функции этничности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. С. 34–44

Данченко Е. М., Грачев М. А. Прошлое в преломлении идентичности // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования: программа и тезисы. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2014. С. 286–288

Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Шандыбин С. А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // ЭО. 1998. № 1. С. 14–30.

ON RATIO OF ETHNIC AND REGIONAL IDENTITY OF THE YAMAL POPULATION

Human identity has a lot of components and each of them can come to the fore in concrete situations. The paper is devoted to ratio between ethnic and regional identity of the multinational Yamal population. The preservation of cultural and economic traditions of indigenous peoples takes special role in forming of regional identity of the representatives of different nationalities.

Keywords: *ethnic and regional identity, the Yamal Peninsula, preservation of cultural and economic traditions of indigenous peoples.*

РАССУЖДАЕМ О ДОБРОМ И ВЕЧНОМ. СОХРАНЯЕМ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ

В статье представлен ряд важных проблем, связанных с формированием нравственных начал личности, сохранением духовно-нравственного здоровья нации. Автором сделана попытка акцентировать внимание читателя на возможности формировать подрастающее поколение средствами литературы и современной публицистики.

Ключевые слова: *духовность, мораль, нравственность, формирование духовно-нравственного здоровья.*

Общеизвестно, что любые социально-экономические и политические преобразования в стране или в отдельно взятом ее регионе напрямую связаны с тем, насколько люди, управляющие этими процессами, способны здесь и сейчас не только ставить глобальные цели и задачи, но и решать их сообразно традициям, духовным и нравственным ценностям.

Не претендуя на исчерпывающую полноту и глубину исследования проблемы, в своем докладе я хотел бы остановиться на некоторых важных аспектах представления ДОБРОГО и ВЕЧНОГО в литературных и публицистических источниках и возможностях социума формировать у подрастающего поколения духовно-нравственную культуру.

Святейший Патриарх Алексей, ссылаясь на святителя Василия Великого, говорил: «Встает вопрос: а для чего нужно учить? Отвечая на него, святитель Василий Великий свидетельствует: «Учить не затем, чтобы только знали, но наипаче для того, чтобы и жили сообразно с учением». Отсюда главная задача образования – научить каждого человека следовать указаниям совести. Это дает возможность укрепить в обществе духовно-нравственные нормы» [Слово Святейшего патриарха Алексия ...].

Сказанное в 2007 г. актуально и сегодня, ибо Слово не должно расходиться с делом, иначе мы взрастим лицемеров и фразеров. Однако нельзя воспитывать качества, которыми не обладаешь сам, ценность которых не разделяется во взрослом обществе. Именно поэтому очень важно проектировать деятельность по духовно-нравственному воспитанию с учетом программы формирования особой духовной культуры самой образовательной организации, если мы говорим о воспитании общественном, либо о самосовершенствовании, если речь идет о родительском воспитании детей в семье.

Преобразование базовых ценностей общества или семьи в личностные ценностные смыслы и ориенти-

ры для конкретного человека требует от государства в целом и образовательной системы, в частности, соблюдения простых правил. **Во-первых**, включение ребенка в процесс открытия для самого себя смысла той или иной ценности, **во-вторых**, определение собственного отношения к ней и, **в-третьих**, формирование опыта созидательной реализации формируемых ценностей на практике. Без этой триады мы не можем сегодня говорить о целостном духовно-нравственном воспитании.

Говоря и далее языком современной педагогической теории и практики, подкрепленных законом об образовании и Федеральными образовательными стандартами, все содержание образования включает в себя три компонента: **формирование знания о мире и о себе** (когнитивная компонента: каков мир? кто я в этом мире?), **становление отношения к миру и к себе** (ценности, чувства, эмоции — эмоционально-чувственная компонента: каково мое отношение к миру и к себе?), **обретение опыта и себя** (деятельностно-практическая компонента: что я сделал для мира, его сохранения и для саморазвития).

Александр Проханов — известный писатель и публицист, с политическими воззрениями которого бывает трудно согласиться, в статье «Русь соборная» газеты «Известия» от 03.11.15 г. пишет: «У нашего народа есть четыре верования, четыре исповедания. Главное из них — это возвышенная вера в силы небесные, божественную правду. Изложена ли эта правда в православном Новом Завете, или в Коране, или в Библии, Ветхом Завете — не важно. Мы верим в торжество божественного промысла, верим в праведность и добро. *(Как хорошо это вписывается в рамки сегодняшних мировых и российских событий — курсив Паршуков В.Г.)*

Второе верование — в нашу божественную природу, в наши реки, земли, в зимние снега, в ветра и цветущие поля, в наше звездное небо, которое покрывает

нас всех единым сверкающим драгоценным ковром — от Дальнего Востока до Балтийского моря.

И еще — верование в наше государство. Государство для нас — высшая ценность. Если есть государство, пусть строгое, иногда суровое, тогда мы защищены, тогда есть коллективная воля, которая соединяет нас в единое целое, направляет в историческое творчество. Падает государство — наступает тьма. И мы, россияне, не раз вкусили страшную горечь распадающегося государства. И как зеницу ока храним эту высшую ценность...» [Проханов].

Добавим к этому: и верование в себя, в собственные силы... Но, чтобы прийти к пониманию глубины смысла приведенной фразы, человек должен пройти сложный путь проникновения в таинство СЛОВА, как это прекрасно показал наш некогда гонимый русский писатель конца XIX — начала XX в. Иван Шмелев в своем откровении «Лето Господне», которым, как сказал его современник И. А. Ильин, «надо утешаться, очищаться и лечиться». В этой повести автор показывает лицо святой Руси, которую носит в своем сердце... Россию, которая «заглянула в... детскую душу» писателя. Хотелось бы, чтобы взрослые люди (педагоги, родители, воспитатели) помогли растущим гражданам, у которых только-только формируется либо в какой-то степени сформировалось духовно-нравственное самосознание, осознать эти духовные ценности через любовь «к родному пепелищу», отчому дому, дорогим и близким людям — родителям, братьям и сестрам, а также к окружающему миру.

Давайте откроем некоторые страницы этого чудного произведения и насладимся ими, чтобы потом прочесть их вместе с детьми. Вот, к примеру, описание предпасхальных дней: «Прошла "верба". Вороха роз пасхальных, на иконы и куличи, лежат под бумагой в зале. Страстные дни. Я еще не говею, но болтаться теперь грешно, и меня садят читать Евангелие...

Я несу от Евангелий страстную свечку, смотрю на мерцающий огонек: он святой. Тихая ночь, но я очень боюсь: погаснет! Донесу — доживу до будущего года...

Великая Суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед заутреней. Я пробираюсь в зал посмотреть, что на улице. Народу мало, несут пасхи и куличи в картонках. В зале обои розовые — от солнца, оно заходит. В комнатах пунцовые лампадки, пасхальные: в Рождество были голубые?.. Постлали пасхальный ковер в гостиной...» [Шмелев, 1991].

Мы с вами прочувствовали взвешенную тональность статьи Александра Проханова и красоту откровения повести Ивана Шмелева, но взрослеющий юный читатель должен быть готов к восприятию и иной информации.

В том же номере газеты «Известия» журналист Максим Соколов в статье «Синайский День всех святых» пишет: «Катастрофы имеют не только практическое — усилить, повысить, удвоить бдительность, — но и духовное измерение. Государственный траур, объявляемый по случаю бед народных, — это светский аналог

молитвы и поста, предполагающий временное воздержание от публичных увеселений. Случилось так, что синайская катастрофа произошла 31 октября — в самый канун католического Дня всех святых. В таком виде совпадение не представляет никакой сложности. Ежели кто католик, так помолится синквиту святых об упокоении безвинных жертв, если не католик — так что ему вообще дело до римских праздников.

Что же до начальствующих лиц, то они тоже стремятся произвести разборки, дать ЦУ, отрубить виновные головы etc. Но в ходе культурных трансформаций 1 ноября стало на североамериканском континенте Хэллоуином, праздником, когда изначально, чтобы отпугнуть злых духов, рядились нечистой силой, а затем о злых, а равно и добрых духах более не думают, но просто рядятся в костюмы нечисти. Из США глобальный праздник пришел на глобальные просторы, в том числе и в Россию (по крайней мере, к публике, глобально настроенной).

Можно было бы отнестись к импортной американской забаве со снисхождением — «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы вешалось», но Хэллоуин 2015 г. в России получился какой-то злокачественный. Московские ночные клубы не стали отменять празднование Хэллоуина из-за траура по поводу синайской катастрофы. «Мы не будем отменять Хэллоуин на сегодня, поскольку столики забронированы на 1000 человек», — сообщили в LookinRooms. В другом заведении выразились еще лучше: «Клуб не имеет отношения к этим событиям и будет работать по графику» [Соколов].

Что происходит в наших головах? Как пустота в голове рождает черствость сердца и пустоту души?! Эти и другие вопросы можно задавать по поводу случившегося год назад. А ответ прост: не сформировано духовно-нравственное начало личности. Дельцы от культуры, от увеселительных учреждений попросту продали душу «золотому тельцу», который в подобных ситуациях сродни, простите, дьяволу.

Теперь обратимся к взвешенной позиции знатока древнерусской литературы и одновременно замечательного публициста академика Д. С. Лихачева. В качестве примера возьмем письмо пятое «Цель и самооценка»: «Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то Цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке — низкой или высокой. Если человек ставит перед собой задачу приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и по-

лучить настоящую радость. Да, радость! Подумайте: если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, какие неудачи могут его постигнуть?» [Лихачев, 1988. С.16–17].

Дело в том, что литература — это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой «легкости» от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную» [Там же].

Размышляя над прочитанным, эмоционально переживая изображаемое писателями и публицистами, юные граждане нашей страны начинают осознавать

окружающий мир, себя в нем; ценить жизнь, понимать и принимать скорби и радости, поступать сообразно с высшими человеческими ценностями. А обретя Божественный смысл слова, укрепляются силой Божьей, которая поможет победить все лукавое!

Вслед за Аристотелем смею утверждать, что природа дала человеку в руки мощное оружие — интеллектуальную моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону. Поэтому человека без нравственных устоев, как своеобразных ограничителей для безнравственных поступков, можно назвать нечестивым и диким существом, подверженным низменным инстинктам. Обратимся к понятийной стороне вопроса.

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «МОРАЛЬ»

Философский словарь под редакцией М. М. Розенталя	Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля
«Мораль (латинское „mores“ — нравы) — одна из форм общественного сознания, социальный институт, выполняющий функцию регулирования поведения людей во всех без исключения областях общественной жизни».	Мораль — «нравственное учение, правила для воли, совести человека». Воля — «данный человеку произвол действия, свобода, простор в поступках».

Философские словари понятие «нравственность» приравнивает к понятию «мораль». «Мораль (латинское mores — нравы) — нормы, принципы, правила поведения людей, а так же само человеческое поведение (мотивы поступков, результаты деятельности), чувства, суждения, в которых выражается нормативная регуляция отношений людей друг с другом и общественным целым (коллективом, классом, народом, обществом)» [Даль].

Хотел бы обратить внимание на понятийный ряд, представленный В. И. Далем: мораль — учение, воля, совесть. Без ограничений воля — это произвол действия. Именно по этой причине автор толковал слово мораль как «нравственное учение, правила для воли, совести человека» [1]. Для популярного объяснения сути этого высокого понятия он использовал прилагательные синонимичного и антонимичного рядов: «Нравственный — противоположный телесному, плотскому, духовный, душевный. Нравственный быт человека важнее быта вещественного» [Там же].

Продолжая сопоставление прилагательных, В. И. Даль пишет о нравственном начале в личности человека: «Относящийся к одной половине духовного быта, противоположный умственному, но составляющий общее с ним духовное начало: к умственному относится истина и ложь, к нравственному — добро и зло. Добронравный, добродетельный, благонравный, согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека с долгом честного и чистого сердцем гражданина. Это человек нравственный, чистой, безукоризненной нравственности. Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести» [Там же].

Надо помнить, что здоровье как педагогическая и социально-психологическая категория либо формируется и развивается, либо расстраивается и утрачи-

вается в процессе воспитания человека. Последнее становится главной причиной нездоровья нации, поскольку это полностью зависит от способа или системы воспитания детей как в семье, так и в современных образовательных учреждениях.

Именно воспитательная система, а скорее всего, ее отсутствие либо уродливое состояние порождают эволюционную цепь телесной, психической и духовно-нравственной деградации сменяющих друг друга поколений не только у нас в стране, но и практически во всей современной цивилизации. В результате большинство детей сегодня уже рождаются с ослабленными жизненными силами. А родители и воспитатели еще более усугубляют их состояние.

На наш взгляд, современная система образования в содружестве с семьей, Русской Православной Церковью (мощная воспитательная триада) через сотрудничество, как проявление любви и заботы по отношению к подрастающему поколению, способны исправить сложившуюся в социуме ситуацию. Рискнем утверждать, что именно любовь в воспитательной триаде, — главное и единственное средство воспитания, способное не просто подчинить себе душу ребенка, а дать возможность раскрыться ей. Послушание же нашего воспитанника, завоеванное любовью к нему, возникает не само по себе или из боязни взрослого, а как знак благодарности в ответ на тепло, понимание и ласку со стороны домочадцев, Святых отцов, благородных и мудрых педагогов.

Защитить молодое поколение от пагубного влияния средств массовой информации, интернета, пропаганды чуждых ценностей, несвойственных традиционной российской культуре, нравственности, морали, и выработать у него иммунитет к разрушительной пропаганде современных растлителей — важнейшая задача воспитательной триады.

Основываясь на категориях *культуры* как ценностной основы жизни, *нравственности* как внутреннего регулятора отношений человека с внешним миром и самим собой, духовной основы, развивающейся в процессе жизни, *морали* как системы норм регуляции отношений и поведения определенной социальной группы, *здоровья* как состояния полного телесного, душевного и социального благополучия — формулируем понятие «духовно-нравственного здоровья», столь необходимое нам сегодня для деятельности.

Под духовно-нравственным здоровьем мы понимаем способность человека *сохранять* соответствующую возрасту *устойчивость* в условиях резких изменений количественных и качественных параметров триединого потока сенсорной, знаковой и структурной информации. Из этого определения следует, что духовно-нравственное здоровье отражает состояние *ценностно-мотивационной* сферы человека, характеризующейся способностью *сохранять* устойчивость (адаптивность) в условиях нравственного выбора. Именно духовно-нравственное здоровье обеспечивает *состояние жизнедеятельности*, определяемое потребностями, информационной и мотивационной сферами и выражается в умении человека находиться в *гармонии* с собой (своим внутренним миром) и природой, социумом (внешним миром).

Для того чтобы наша воспитательная деятельность была продуктивной, а также для определения степени сформированности духовно-нравственной личности подрастающего поколения, назовем некоторые маркеры:

- направленность мотивов человека (отсутствие безнравственных помыслов и поступков, постоянное его стремление к духовному самосовершенствованию);
- высокая степень сопротивляемости по отношению к нравственно-неблагоприятным воздействиям (оптимальная реакция на неблагоприятное воздействие социума и быстрое самоопределение в ситуациях нравственного выбора);

- уровень знаний о нравственной стороне деятельности;

- достаточная социальная адаптация (толерантность по отношению к социуму. Здесь поясним чуждый по сути российской коммуникации термин «толерантность». Мы имеем в виду не смирение, **не просто терпимое отношение** ко всему, что нас окружает, а **осознанное признание** этнической, культурной, религиозной самобытности, различия в воззрениях, учета мнения других и одновременно **не допускать** дискриминации одних интересов в угоду другим. К достаточной социальной адаптации мы относим **адекватное поведение в семье и обществе**);

- нравственно-ценностное переживание объектов окружающего мира.

Последнее достижимо посредством включения личности в активную деятельность по осмыслению мира.

Нас должно заботить сохранение духовно-нравственного здоровья современной молодежи, **именно сохранение, а не поддержание его** на определенном статическом уровне. А для этого необходимо непрерывное развитие ценностно-мотивационной основы, укрепление духовных сил молодого человека посредством накопления им нравственных знаний и нравственного опыта путем включения в повседневную деятельность, что является главной задачей процесса воспитания на современном этапе. Именно сформированные и укрепленные деятельностью педагогикой любви духовно-нравственные начала личности помогут обогатить в сознании молодежи понятия Отечества, Родины, наполнят их смыслом нравственной общности в вере и высокой духовности.

В заключение хотелось привести припомнившиеся слова академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, остающегося честью, совестью, нравственным мериллом и для современного российского гражданина: «Есть свет и тьма, есть благородство и низость, есть чистота и грязь: до первых надо дорасти, а до вторых стоит ли опускаться? Выбирай достойное, а не легкое».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 6 томах [Текст]: Т. 1, 2. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1955. С. 238, 345.
- Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном [Текст]: М., Детская литература, 1988. 207 с.
- Проханов, А. Русь соборная [Текст] // Газета «Известия» от 03.11.2015 г.
- Слово Святейшего Патриарха Алексия на открытии XV Рождественских образовательных Чтений [Текст] // Сибирская православная газета. 2007. № 1.
- Соколов, М. Синайский День всех святых [Текст] // Газета «Известия» от 03.11.2015 г.
- Философский словарь [Текст] /под ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е. М.: Политическая литература, 1975. С. 282.
- Шмелев, И.С. Лето Господне [Текст]. М.: Молодая гвардия, 1991. 653 с.

TALKING ABOUT THE GOOD AND ETERNAL.
SAVING SPIRITUAL AND MORAL HEALTH OF THE NATION

The article raises a number of important issues related to the formation of moral principles of personality, preservation of spiritual and moral health of the nation. The author made an attempt to focus the reader's attention to the possibility of forming the younger generation by means of modern literature and journalism.

Keywords: spirituality, moral, formation of spiritual and moral health.

КОЧЕВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОЗДАНИЮ ШКОЛЫ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ФАКТОРИИ ЛАБОРОВАЯ ПРИУРАЛЬСКОГО РАЙОНА

— Отсутствие педагогического образования у кочующих женщин, которые работают в качестве помощников педагога в кочевых детских садах и школах.

— Недостаточная насыщенность социокультурной среды по сравнению с крупными культурно-научными центрами.

— Дефицит специалистов, обладающих компетенциями для работы в суровых климатических условиях, способностью к нестандартным решениям.

— Взаимодействие с руководителями кочевых школ Финляндии, Якутии, Ханты-Мансийского округа, Красноярского края и Таймыра должно быть постоянным.

— Для написания учебников нового поколения, создания электронной библиотеки (образовательного портала), включающей научную, учебно-методическую и справочную литературу, периодические издания по проблемам образования с этнокультурным компонентом, разработка и издание мультимедийной продукции для образовательных программ по родным языкам (План по реализации комплекса мер, направленного на эффективную реализацию проекта программы социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа «Кочевая школа» на 2016–2020 гг.) требуется создание творческой группы из числа ведущих ученых РФ, в ГАОУ ДПО ЯНАО «РИПО» практически нет профессионалов по этому направлению.

— Практика преподавания родного языка в школах является по большей части малоэффективной, ориентированной на репродуктивные способы усвоения. Одной из актуальных проблем в данной сфере является проблема подготовки и переподготовки специалистов, владеющих различными образовательными технологиями, методикой обучения родным языкам лиц, не владеющих ими.

— Все преподаватели и воспитатели кочевых школ должны в обязательном порядке пройти курсы повышения квалификации в ГАУ ДПО ЯНАО «РИПО», г. Салехард.

Ключевые слова: кочевая школа, социокультурная среда, этнокультурный компонент, методика обучения родным языкам.

Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, коснулись и системы образования. В последние годы проводятся исследования по вопросам образования, профессиональной занятости населения, развития этнических процессов в ЯНАО. Общим лейтмотивом выступления ученых на конференциях, посвященных проблемам коренных народов Крайнего Севера является то, что проникновение индустриальной культуры в жизненный уклад народов Крайнего Севера имеет ощутимый эффект, так или иначе влияющий на проблему сохранения культуры малочисленных народов Крайнего Севера. Этнические и социально-демографические процессы в разных районах Ямала развиваются по-раз-

ному и зависят от численности этносов, проживающих в каждом поселке, степени сохранности особенностей национальной культуры, быта, хозяйственных занятий.

Сотрудниками ГАУ ЯНАО «РИПО» и Информационно-методическим центром управления образованием Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа был разработан учебный план, в котором при изучении предметов федерального компонента выделяются часы на изучение регионального компонента. Родной язык и литературное чтение включены в число обязательных предметов.

В соответствии со стандартом на ступени начального образования осуществляется духовно-нравствен-

ное развитие и воспитание школьников, становление основ гражданской идентичности и мировоззрения.

Опытно-экспериментальная работа в Лаборовской школе (5 этапов) развивалась в рамках широкомаштабного инновационного процесса с 1992 г.

Первый этап — обоснование необходимости эксперимента.

Второй этап — апробация на практике идеи соединения традиционного обучения с профессиональным образованием и семейно-родовой государственной этнической школой. На протяжении нескольких лет руководитель эксперимента этнопедагог Неркаги А. П. организовывала занятия по этнокультурным традициям и уроки нравственности. Эти уроки проводились не только в школе, но и в чуме, в музее, этностойбище «Земля надежды», в походах по Байдарацкой тундре.

Третий этап — школа утверждена как окружная экспериментальная площадка. Были сформулированы проблема, цели и другие компоненты методологического исследования.

Четвертый этап — внедренческий, обобщение инновационного опыта (2012–2015 гг.) Уроки Неркаги Анны Павловны, этнопедагога школы, отличаются прежде всего тем, что каждый ребенок формируется как творческая личность. Педагог помогает детям найти себя в окружающей среде, определиться в жизни, быть профессионалом.

По канонам народного воспитания А. П. Неркаги проводит «сквозные» факультативные занятия в школе и этностойбище. Темы: «Жизнь в лесу», «Женщина — хранительница очага», «Священные места Лаборовской тундры»; «Я и мои игрушки», «Я дежурный в стаде», «Этика и этикет гостевания (постоянного проживания) в чуме (стойбище)», «Оленеводческое стойбище и его архитектура», «Философия кочевья», «Как я умею слушать и рассказывать сказки своей семьи (своего рода, этноса)», «История одного тынзьяна», «Ловля оленей для дальних поездок из школьного ученического стада», «Аргиш, уходящий за синеву Уральских гор...», «Мой личный ручной олененок», «Как я умею беречь свою одежду», «Я — ученик кочевой школы» и т. д. Уроки и внеклассные мероприятия в поселке Лаборовая и в условиях кочевья основываются на этнокультурных и этнопедагогических традициях ненцев.

На этом траектория развития Лаборовской школы не обрывается. Ценностью образования становится нравственное развитие личности. Поэтому **пятый этап** (2016–2018 гг.) — это создание инновационных экспериментальных площадок по подготовке учителей, освоивших новый ФГОС, педагогическую методику кочевого образования, а также программы «Этнотуризм в тундре», «Хранительница семейного очага», «Философия и этика будущих оленеводов», «Общение с особенными, «солнечными» детьми» и др. на базе Ямальского многопрофильного колледжа, г. Салехард. Второй базовой площадкой будет являться Аксарковская школа-интернат Приуральского района.

Стажировка студентов должна проводиться на базе фактории Лаборовая под руководством А. П. Неркаги, руководителя эксперимента, владеющего специальны-

ми православными технологиями и глубоким знанием мифологического контекста Байдарацкой тундры.

Аксарковская школа будет осуществлять кураторство над одним из пятых классов для подготовки учащихся в качестве этнотуристических менеджеров. Разработчик маршрутной карты и туристическо-экскурсионных программ — младший научный сотрудник сектора экономической географии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» Локтев Ростислав Игоревич.

В стадии разработки находится программа «Реабилитация людей с наркотической и алкогольной зависимостью» путем приобщения к христианским традициям, использования природных ландшафтов, народной психотерапии и трудотерапии, основанных на житейской практике ненецкого кочевья».

АПРОБАЦИЯ ПРОЕКТА МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ КОЧЕВОГО, ЭТНОТУРИСТИЧЕСКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Апробация проекта модели подготовки педагогических кадров для работы в системе кочевого, этнотуристического образования детей коренных малочисленных народов ЯНАО требует разработки системы методов оценки ее внедрения, которая осуществляется путем мониторинга основных направлений реализации проекта:

- мониторинг готовности к школе детей-тундровиков;
- мониторинг программно-методического обеспечения образовательного процесса (учебного плана, учебных программ, основной образовательной программы и др.);
- мониторинг использования современных образовательных и информационно-коммуникационных технологий в работе воспитателей (учителей), работающих в условиях «кочевой школы»;
- мониторинг внедрения учебно-методических рекомендаций в образовательный процесс «кочевой школы»;
- психолого-педагогическая диагностика готовности вожатых, воспитателей (учителей) к работе в условиях «кочевой школы».

Следует продолжить работу над созданием системы методов оценки внедрения кочевого этнотуристического образования с написанием рецензий ведущих специалистов.

С этой целью создано положение о сетевом взаимодействии педагогов образовательных учреждений, организующих альтернативные формы обучения детей кочевников. Продуктом сетевого взаимодействия являются: электронная почта, социальные сети, скайпы, сайты образовательных учреждений, сайт Департамента образования ЯНАО, сайт ГАУ ДПО ЯНАО «РИРО», форумы, семинары профессиональных сообществ.

РАЗРАБОТКА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

С целью оптимизации учебного процесса на фактории Лаборовая Приуральского района сотрудниками ГАУ ДПО Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный ин-

ститут развития образования», ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Управления образования Администрации муниципального образования Приуральского района, педагогами муниципального общеобразовательного учреждения «Лаборовская начальная общеобразовательная школа» разработаны следующие учебные пособия:

1. Цымбалистенко Н. В., главный научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», доктор филологических наук — «Рабочая учебная программа учебной дисциплины Этнология региона (ЯНАО)» для специальности 050704 Дошкольное образование, Салехард.

2. Неркаги А. П., педагог муниципального общеобразовательного учреждения «Лаборовская начальная общеобразовательная школа», ненецкая писательница — «Методические рекомендации по работе с афоризмами», Салехард — Аксарка.

3. Макеев А. Ф., кандидат педагогических наук, Урукова Л.А., кандидат филологических наук — «Русский язык для кочевой школы». Салехард — Аксарка.

4. Макеев А. Ф., педагог дополнительного образования, кандидат педагогических наук, Шушарина Н.П., педагог дополнительного образования — «Краеведам о Ямале». Салехард — Аксарка.

5. Кочевая школа — АНСКУЛИНГ современного северного образования (№1, №2), Салехард.

6. Шушарина Н. П., педагог дополнительного образования МОУ ДОД ЦДТ, с. Аксарка — Программа дополнительного образования детей «Играем в национальные игры Севера».

7. Вашуркина А. А., методист информационно-методического центра — Коррекционно-развивающая программа «Ханико» 1 класс, с. Аксарка.

8. Вашуркина А. А., методист информационно-методического центра — Исследование психологической готовности к школьному обучению детей 6-7 лет коренного и некоренного населения Крайнего Севера, с. Аксарка.

9. Горбунова Н. Д., кандидат педагогических наук, Шушарина Н. П., педагог дополнительного образования МОУ ДОД ЦДТ, с. Аксарка — Методические рекомендации по работе с учебным пособием «Тундровичок — нулевичок» для педагогов предшкольной подготовки детей кочевой школы.

10. Горбунова Н. Д., кандидат педагогических наук, Шушарина Н. П., педагог дополнительного образования МОУ ДОД ЦДТ, с. Аксарка — Рабочая тетрадь для учащихся предшкольной подготовки кочевой школы.

11. Горбунова Н.Д. Кандидат педагогических наук представила рабочую программу по предмету «Этнический мир ненцев Байдарацкой тундры».

12. Неркаги А. П., руководитель проекта, Горбунова Н. Д., кандидат педагогических наук, Макеев А. Ф., кандидат педагогических наук, Шушарина Н. П., педагог дополнительного образования МОУ ДОД ЦДТ, с. Аксарка — Программа «Этнический мир ненцев Байдарацкой тундры» для учащихся 1-9 классов.

13. Авторским коллективом разработаны: Книга для чтения 1-4 классы по этопедагогике «Тундровичок — трудовичок», рабочие тетради для учащихся 1,

2, 3, 4 классы, методические рекомендации по работе с книгой и тетрадями (всего 6 изданий).

14. Неркаги А. П. Загадки моей бабушки, Лаборовая, Приуральский район ЯНАО, 2014.

15. Кочевая школа — инновационные проекты Часть 1. / Сост.: Вануйто Г. И., Няруй В. Н., Лымар Г. В., Салехард, 2014.

16. Кочевая школа: программы и учебно-тематические планы по отдельным предметам / Сост. Гасюк Н. Н., Пасынкова М. В., Окоэтто Л. В., Яптик Н. Н. — Салехард, ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2014.

17. Вануйто Г. И., Няруй В. Н., Лымар Г. В. Методические рекомендации по организации альтернативных форм обучения дектей кочевников. — Салехард, ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2014.

18. Организация деятельности кочевых дошкольных групп кратковременного пребывания для детей, ведущих с родителями кочевой или полукочевой образ жизни, как одна из новых форм образовательных услуг населения. Сост.: Воронина Г. Л. — Салехард, ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2014.

19. Неркаги А. П. Песнь творцу, Салехард-Санкт-Петербург, 2015.

20. Неркаги А. П. Мудрые изречения ненецкого народа, Лаборовая, Приуральский район ЯНАО, 2015.

21. Рачинская М. А., Возелова Л. Г. Учебно-методические комплекты на хантыйском языке для дошкольников, 2014, 2015.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ ЗОН И РИСКОВ.

— Отсутствие педагогического образования у кочующих женщин, которые работают в качестве помощников педагога в кочевых детских садах и школах.

— Недостаточная насыщенность социокультурной среды по сравнению с крупными культурно-научными центрами.

— Дефицит специалистов, обладающих компетенциями для работы в суровых климатических условиях, способностью к нестандартным решениям.

— Взаимодействие с руководителями кочевых школ Финляндии, Якутии, Ханты-Мансийского округа, Красноярского края и Таймыра должно быть постоянным.

— Для написания учебников нового поколения, создания электронной библиотеки (образовательного портала), включающей научную, учебно-методическую и справочную литературу, периодические издания по проблемам образования с этнокультурным компонентом, разработка и издание мультимедийной продукции для образовательных программ по родным языкам (План по реализации комплекса мер, направленного на эффективную реализацию проекта программы социально-экономического развития Ямало — Ненецкого автономного округа «Кочевая школа» на 2016–2020 гг.) требуется создание творческой группы из числа ведущих ученых РФ, в ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО» практически нет профессионалов по этому направлению.

— Практика преподавания родного языка в школах является по большей части малоэффективной, ориен-

тированной на репродуктивные способы усвоения. Одной из актуальных проблем в данной сфере является проблема подготовки и переподготовки специалистов, владеющих различными образовательными технологиями, методикой обучения родным языкам лиц, не владеющих ими.

— Все преподаватели и воспитатели кочевых школ должны в обязательном порядке пройти курсы повышения квалификации в ГАУ ДПО ЯНАО «РИРО», г. Салехард.

РЕКОМЕНДАЦИИ

ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «КОЧЕВАЯ ШКОЛА». ВЫРИСОВЫВАЕТСЯ РЯД СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ:

Отсутствие учебников современного поколения, адаптированных для преподавания в местах кочевий. За последние три года были опубликованы только методические разработки, кроме УМК «Ямалко», «Тундровичок Ямала» (СПб, филиал изд-ва «Просвещение», 2012), УМК на хантыйском и селькупском языках (СПб, изд-во «Алмаз-Граф», 2014–2015 гг.).

Все методические разработки и учебники обязательно должны иметь внешних рецензентов.

До сих пор не создан интерактивный учебник «Русский язык для учащихся первого класса», разработанный на основе принципов методики и технологий преподавания русского языка как иностранного.

Должна осуществляться серьезная, подкрепленная методическими материалами, переподготовка тьюторов кочевого образования, тьюторов паломнического туризма и этнотуризма (курсы, научное руководство).

Следует продолжить издание серии сборников «Научно-методическое обеспечение кочевого образования на Ямале».

Пока еще недостаточно развито сетевое взаимодействие образовательных организаций и учителей округа, участвующих в проекте «Кочевое образование». В связи с этим следует рассмотреть возможность открытия региональной инновационной площадки на базе пяти центров по организации дистанционного обучения.

Рекомендовать муниципальным образованиям обеспечивать контроль за реализацией плана мероприятий проекта «Кочевая школа», включенного в Программу социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012–2020 гг.

Продолжить организацию в рамках конкурсов инновационных проектов конкурсы по организации лучшей модели кочевого и этнокультурного образования на уровне начального и общего образования.

Рассмотреть возможность организации первого высшего образования для выпускников Ямальского многопрофильного колледжа с дополнительной квалификацией «Кочевой учитель», «Кочевой воспитатель», «Менеджер паломнического туризма» и «Менеджер этнотуризма».

Продолжить организацию работы по реализации заказа на основные виды и формы обучения детей, чьи родители ведут кочевой или полукочевой образ жизни.

Должно быть организовано более тесное взаимодействие с руководителями кочевых школ Финляндии, Якутии, Ханты-Мансийского округа, Красноярского края, Чукотки.

Следует изучить инновационный проект Международной школы Арктики в «Сосновом бору», Якутия.

Рекомендуется познакомиться с учебными планами Музея кочевых культур, г. Москва и школой дистанционного образования детей-инвалидов, г. Москва.

В плане научно-методическом необходимо выстроить отношения с ЮНЕСКО.

В то же время промежуточные итоги реализации проекта «Стационарная и кочевая школа — школы нравственного развития» позволяют сделать вывод о положительных эффектах. Благодаря этому проекту на практике реализуется индивидуальный подход к воспитанию ребенка, особенно если речь идет о детях, проживающих в местах, где нет не только дошкольных образовательных учреждений, но и других социокультурных центров.

Значимость проекта «Кочевая школа — школа нравственного развития» для развития системы образования Ямало-Ненецкого автономного округа не вызывает сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кочевая школа: программы и учебно-тематические планы по отдельным предметам / Гасюк Н.Н., Пасынкова М.В., Окоэтто Л.В., Яптик Н.Н. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2014. 91 с.

Кочевая школа: инновационные проекты. Часть 1 /

Сост.: Вануйто Г.И., Няруй В.Н., Лымар Г.В. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2014. 57 с.

Кочевая школа: инновационные проекты. Часть 2 / Сост.: Вануйто Г.И., Няруй В.Н., Лымар Г.В. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО», 2015. 83 с.

NOMADIC EDUCATION. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF EXPERIMENTAL ACTIVITIES FOR THE ESTABLISHMENT OF THE SCHOOL OF MORAL DEVELOPMENT IN LABOROVAYA TRADING POST OF PRIURALSKY DISTRICT

— *Nomadic women working as teachers' assistants in nomadic schools and kindergartens haven't got pedagogical education.*

— *Lack of saturation of the social and cultural environment in comparison with the major cultural and scientific centers.*

— *Deficit of specialists qualified to work in harsh environments, with the ability for non-standard solutions.*

— *Interaction with the heads of nomadic schools in Finland, Yakutia, Khanty-Mansiysk region, Krasnoyarsk territory and the Taimyr should be constant.*

— *To write the textbooks of a new generation, to create an electronic library (educational portal) including research, educational and reference literature and periodicals on education with ethno-cultural component, to develop and publish multimedia products for educational programs in native languages (Plan for the implementation of measures aimed at effective implementation of the draft program of socio-economic development of the Yamal-Nenets Autonomous Region "Nomadic school" for the years 2016–2020) creation of a creative team consisting of leading scientists of the Russian Federation is required. There are practically no professionals in this area in Regional Institute of Education Development.*

— *The practice of teaching a mother tongue in schools is mostly ineffective, focused on reproductive methods of acquisition. One of the most pressing problems in this area is the issue of training and retraining of specialists capable of applying a variety of educational technologies and methods of teaching native languages to those who do not know them.*

— *All teachers and tutors of nomadic schools should undergo training courses at Regional Institute of Education Development (Salekhard).*

Keywords: *nomadic school, socio-cultural environment, ethno-cultural component, methods of teaching native languages.*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются условия реализации Основ государственной культурной политики на федеральном и региональном уровнях. Ее наиболее актуальными задачами являются: укрепление гражданской идентичности, сохранение культурного наследия, обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям.

Рассматривается проблема сохранения нематериального культурного наследия и подчеркивается необходимость сохранения культурной самобытности народов в Ямало-Ненецком автономном округе.

Ключевые слова: государственная культурная политика, нематериальное культурное наследие, ценности культуры, этническая культура.

Проблеме нематериального культурного наследия сегодня уделяется серьезное внимание.

Его сохранение приобретает социальное, экономическое, культурное и политическое значение. Нематериальное культурное наследие — это то, что обеспечивает духовный стержень человеческого сообщества, основу взаимоотношений наций и государств.

Говоря о материальном культурном наследии, мы имеем дело с памятниками, достопримечательными местами, историко-культурным обликом территорий, т. е. исторические территории человечества воплощены историческими памятниками культуры.

Нематериальное же культурное наследие — это нечто иное, понятие весьма сложное и неоднозначно воспринимаемое, его невозможно подсчитать и в каких-либо единицах определить степень его сохранности.

Когда мы говорим о нематериальном культурном наследии, мы понимаем под этим душу народа, его ментальность и идентичность. Поэтому мы считаем эту проблему очень тонкой. А ее сложность заключается в том, что черты нематериального наследия невозможно однозначно увидеть и понять.

Важность сохранения духовного опыта народа, отразившего не просто историю предков, но и их нравственные ценности нет необходимости доказывать.

Процесс стремительной модернизации и глобализации общества, когда в нем исчезают необходимые для существования традиции, приводит к тому, что многие формы нематериальной культуры обрекаются на забвение и гибель. Проблемы сохранения фольклора, народных традиций — это серьезные темы обсуждения мирового сообщества.

17 октября 2003 г. на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «Конвенция по вопросам охраны

нематериального культурного наследия», являющаяся дополнением к принятой в 1972 г. «Конвенции ЮНЕСКО по вопросам охраны мирового культурного и природного наследия». Цель принятия Конвенции: охрана нематериального культурного наследия; уважение нематериального культурного наследия соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц; привлечение внимания на местном, национальном и международном уровнях к важности нематериального культурного наследия и его взаимного признания; международное сотрудничество и помощь.

В Международной конвенции использовано следующее определение термина «нематериальное культурное наследие» — обычаи, формы, представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [Конвенция об охране нематериального культурного наследия ...].

В понятие нематериального культурного наследия входят определенные области.

Устные традиции и формы выражения. Включает пословицы, поговорки, загадки, сказки — все, что используется для передачи знаний, норм и ценностей. Язык выступает как носитель и средство передачи нематериального наследия, но сам не является объектом охраны.

Исполнительские искусства варьируются от вокальной или инструментальной музыки до театра, танца, перфомансов. В данном случае в нематериальное культурное наследие включаются музыкальные инструменты, костюмы, реквизит, используемый в процессе действия, а также определенные места, если они имеют большое значение.

Обычаи, обряды, празднества являются привычными действиями, которые структурируют жизнь общества и групп, являются общими и актуальными для многих ее членов. Они являются значимыми, так как подтверждают идентичность тех, кто практикует их; отмечают наступление определенных этапов в жизни сообщества и ее членов.

Знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной. Область включает множество сфер, таких как традиционная экологическая мудрость, знания о местной флоре и фауне, традиционные системы целительства, космология, шаманизм. Эти практики тесно связаны с окружающей средой, и изменения в среде ведут к изменениям в самой сфере.

Знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. Является самым материальным проявлением нематериального культурного наследия. Тем не менее, Конвенция главным образом связана с навыками и знаниями именно процесса. То есть внимание должно быть направлено не на результат, а на саму технологию производства [Там же].

Эти области нематериального наследия раскрывают объем содержания понятия и показывают специфическую особенность этой формы этнокультурного наследия, а именно ее живой характер. Это означает, что главное отличие нематериального культурного наследия в ее изменчивом характере. Оно возникает, развивается в ответ на потребности сообщества, изменяется и зависит от внешней среды.

Разделяя подходы международного сообщества к проблеме охраны и развития нематериального культурного наследия, наша страна в числе первых государств-членов ЮНЕСКО создала в 2003 г. на базе Государственного Российского Дома народного творчества общественную организацию — Российский Комитет по сохранению нематериального культурного наследия. Его цель — активизация работы по своевременному выявлению и защите объектов нематериального культурного наследия, выявление и поддержка подлинных мастеров-носителей традиционной культуры, сохранение и развитие культурного разнообразия народов России.

Участие России в проекте способствовало появлению целого ряда нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность в этом направлении в Российской Федерации и во многих субъектах страны.

Приказом Министерства культуры России за № 267 от 17 декабря 2008 г. была утверждена и, начиная с 2009 г., успешно реализуется Концепция и план мероприятий по сохранению и развитию нематериального культурного наследия народов Российской Федерации.

В Концепции определены цели, основные задачи и механизмы реализации государственной политики по сохранению нематериального культурного наследия, а также приоритеты в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации,

органов местного самоуправления, органов и учреждений культуры, общественных объединений и граждан в сфере нематериального культурного наследия.

Важным фактором, определяющим государственную политику по развитию культуры, сохранению культурного наследия народов Российской Федерации, явились принятые в стране: Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

В Концепции используются следующие определения: «Каталог объектов нематериального культурного наследия народов РФ» — информационная система, включающая в себя банк данных объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации (идентификация, документирование, исследование), единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования, методов и формы ведения каталога.

«Носители нематериального культурного наследия народов РФ» — сообщества, в частности коренные сообщества, группы и, в некоторых случаях, отдельные лица, играющие важную роль в создании, сохранении и воссоздании нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, обогащающие культурное разнообразие и способствующие развитию творческих способностей человека [Экспертный центр «Наследие»].

В соответствии с программой реализации Концепции в 2009 г. Государственный Российский Дом народного творчества совместно с Национальным информационно-библиотечным центром «ЛИБНЕТ» разработал электронный Каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации.

Цели создания реестра объектов нематериального культурного наследия: декларирование имеющихся зафиксированных объектов нематериального культурного наследия; оптимизация возможностей выявления, поиска, отбора, систематизации имеющихся материалов об объектах нематериального культурного наследия; обеспечение государственной поддержки в сохранении и дальнейшем изучении объектов нематериального культурного наследия, включенных в реестр.

Электронный Каталог объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации размещен на ресурсах ГРДНТ www.rusfolk.ru и www.rusfolknasledie.ru [Козлова].

Ямало-Ненецкий автономный округ, как и многие субъекты Российской Федерации, — многонациональный регион. Сегодня на его территории проживают представители более 115 народностей и национальностей, достойно представляющих культурное

многообразии нашего округа. Мы с гордостью называем Ямал регионом согласия, мирного сосуществования представителей различных конфессий.

Нематериальное культурное наследие народов, проживающих на территории Ямала, является важнейшей составной частью национальной культуры Российского государства в целом. Его роль в общественной жизни округа неизменно возрастает, т. к. становится единственным средством сохранения языка и уникальных, самобытных традиций, культурного разнообразия.

Сохранение нематериального культурного наследия требует создания определенных условий, при которых это «неосязаемое» может приобретать материальную форму в виде нот, аудио- и видеозаписей, что позволит нам сохранить для потомков все это как культурное достояние.

Нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа является частью мирового и российского культурного наследия, фактором национальной идентичности коренных народов Ямала. Его роль неопределима в развитии межкультурного диалога. Оно богато и многогранно, является основой национального самосознания, обеспечивает чувство идентичности и принадлежности, способствует формированию толерантности, укрепляет духовную связь поколений, связывает прошлое через настоящее с будущим. Именно поэтому оно требует пристального внимания и заботы со стороны региональных властей с целью сохранения и популяризации.

Ямал остается одним из немногих регионов, в котором этнокультурное наследие сохранилось и представлено действующими объектами. Оно является неотъемлемой частью жизнедеятельности проживания коренных малочисленных народов, которые создали свои неповторимые уникальные культуры, приспособленные к суровым экологическим условиям. Их самобытность наиболее полно и ярко проявляется в духовной культуре. Это область религиозно-мифологических представлений и различных религиозных культов, менее всего подвергшаяся воздействию извне. Духовные традиции лучше сохраняются у пожилых людей, однако многие обряды, хотя и в трансформированном виде, бытуют более широко. Богат и разнообразен фольклор коренных малочисленных народов, представленный такими жанрами, как сказки, песни, героические сказания, мифы.

Передаваемые из одного поколения к другому эти древние традиции определяют настоящее и будущее духовной составляющей коренных народов Севера. Поэтому главным хранителем и ревностным приверженцем сохранения традиций выступает сам народ. Исполнители и носители этих культур являются истинными патриотами, передают свои знания молодому поколению, которое растет и гордится своей причастностью к истории своего народа. Известные сказители, певцы пользуются большой популярностью и почитанием.

Разрушение традиционной культуры коренных малочисленных народов Ямала происходило на протяжении длительного периода времени и по разным причинам. Культурные объекты начали разрушаться еще в XVIII в. во время христианизации. Социалистические преобразования привели к значительной трансформации как традиционных способов хозяйствования коренных малочисленных народов, так и их культуры.

В 1990-е гг. значительно усилился интерес коренных малочисленных народов к собственной самобытной истории и культуре. Особенно большой интерес отмечается к духовной культуре, что выражается в возрождении многих традиционных праздников, проведении фольклорных фестивалей.

Коренные малочисленные народы и их этнокультура стали своеобразным индикатором региональной специфики автономного округа. При этом активно протекают процессы утраты этнической специфики коренных малочисленных народов. Результаты переписи населения 2012 г. показали, что среди них сокращается число лиц, считающих родными языки своих народов. В такой ситуации утраты языковой самобытности, большое значение приобретает сохранение культурных традиций. Уход из жизни непосредственных носителей и хранителей нематериального культурного наследия влечет за собой безвозвратные потери некоторых видов нематериального культурного наследия народов Ямала.

Проблема популяризации нематериального культурного этнокультурного наследия народов Ямала требует особого внимания. Региональными властями предусматривается финансирование издательской деятельности, проведение различных выставок, конкурсов, фестивалей, съездов, традиционных обрядов; съемок видеофильмов о коренных малочисленных народах, участие в этнографических и фольклорных экспедициях и т. п. В настоящее время у коренных малочисленных народов Севера действуют различные общественные объединения (ассоциации, общественные движения), которые многое делают для сохранения и развития самобытной культуры и языков своих народов — проводят фольклорные фестивали, семинары по родным языкам, проводят работу по сбору и фиксации фольклорных материалов и пр.

Закрепленность вопроса региональными нормативно-правовыми актами, направленными на сохранение и развитие национальной культуры, доказывает, что нематериальное культурное наследие Ямала играет ключевую роль в формировании культурной политики нашего региона и страны в целом, способствует формированию толерантности, является основой национального самосознания, укрепляет духовную связь поколений. Региональные нормативно-правовые акты охватывают историко-культурное наследие народов округа, которое распространяется на памятники интеллектуального и духовного назначения (фольклор, обычаи и обряды, формы общения

и праздники, традиционные и старинные технологии, виды и формы хозяйствования, быта и природопользования, языки, местные говоры, исторические топонимы, религиозные культы и верования, виды и формы традиционного образования).

1. Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа 14 ноября 2007 г. принят Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 03.12.2007 № 110-ЗАО «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», где охрана фольклора коренных малочисленных народов Севера определена одной из приоритетных задач органов государственной власти ЯНАО и органов местного самоуправления.

2. Законодательным Собранием Ямало-Ненецкого автономного округа 20 апреля 2011 г. принят Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.04.2011 № 38-ЗАО «О культуре в Ямало-Ненецком автономном округе», в котором: определены задачи органов государственной власти автономного округа в сфере культуры и полномочия указанных органов, предоставляемые им для выполнения поставленных задач.

3. Постановление Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.07.2011 № 475-П «О правовом режиме объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» регулирует отношения, возникающие в связи с определением статуса, использованием, охраной, хранением объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера.

4. В целях сохранения и развития национально-культурной самобытности, защиты, восстановления и сохранения исконной историко-культурной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, развития живых фольклорных традиций данных народов издано Постановление правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 23.07.2012 № 580-П «О государственной поддержке фольклорной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе».

Все эти нормативно-правовые акты регулируют отношения по выявлению, сохранению и использованию духовного наследия, передаваемого от поколения к поколению и свидетельствующего о культурном разнообразии народов Ямала. Древние традиции и обряды коренных малочисленных народов, уникальные традиции народов, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, фольклор, национальные праздники — все, чем так знаменит и притягивает Ямал, относится к объектам нематериального культурного наследия и защищено законом.

Обычаи, формы, представления, знания и навыки, а также связанное с ними культурное пространство, признанное обществом как духовное и культурное наследие, важно и сохранить, и зафиксировать. Поэтому Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа

принято решение о формировании каталога объектов нематериального культурного наследия Ямала. В рамках этого решения представлен проект Постановления «О каталоге объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», Положение о каталоге объектов и Положение об Экспертном совете по формированию каталога.

Основной целью создания каталога является сохранение глубинных, базовых основ культуры, национальных языков и литературы, значимых традиций, защиты культурной самобытности народов, проживающих на территории округа, создания условий для популяризации нематериального культурного наследия Ямала. В едином электронном банке данных будут систематизированы сведения об имеющихся на территории округа объектах нематериального культурного наследия.

Необходимость создания электронного каталога вызвана также тем, что при быстро меняющихся социально-экономических условиях, в связи с уходом из жизни непосредственных носителей и хранителей нематериального культурного наследия существует угроза безвозвратной утраты значительной части духовного наследия народов. Создание электронного каталога объектов нематериального культурного наследия позволит не только сохранить образцы самобытной и уникальной культуры народов Ямала, но и заложить основы для выработки комплексных мер по их дальнейшему развитию.

Электронный каталог — это информационная система, включающая в себя базу данных объектов нематериального культурного наследия (аннотация, описание, исследование, документирование, реферат, примечание, цифровое отображение). Он создан с учетом разработанной анкеты — паспорта объекта, на основе, которого в настоящее время ведется формирование и пополнение региональных банков данных во многих субъектах Российской Федерации.

Объекты, включаемые в каталог, будут сгруппированы по четырем направлениям: устное народное творчество; исполнительские искусства; празднично-обрядовая культура; техники и технологии, связанные с традиционными ремеслами, народными музыкальными инструментами, традиционным народным костюмом, традиционной хозяйственной и бытовой культурой. Сами объекты будут описаны с помощью различных текстов, содержащих необходимую информацию, представлены в различных формах, жанрах и выражениях традиционной народной культуры. Несмотря на трудность определения унифицированных или стандартных параметров, которые одинаково бы подходили для их описания объекта, считаем, что для составления электронного каталога это совершенно необходимо.

К формированию каталога предполагается привлечь заинтересованных исполнителей органов государственной власти Ямало-Ненецкого автономного

округа, органов местного самоуправления, государственные учреждения, юридические и физические лица, зарегистрированные на территории округа и занимающиеся сбором, хранением, изучением, использованием объектов нематериального культурного наследия Ямала.

Конечно, при этом возникает вопрос: как и какими институтами будут регулироваться процессы определения того или иного явления традиционной культуры как объекта нематериального культурного наследия. По опыту многих субъектов Российской Федерации этим институтом будет являться Экспертный совет. Экспертный совет нашего региона будет сформирован из числа представителей исполнительных органов государственной власти округа с привлечением экспертов-консультантов (представители учреждений культуры и искусства, образовательных организаций, деятели культуры, науки и образования, квалифицированные специалисты в сфере истории, этнологии и этнографии, фольклористики, искусствоведения, музыки, хореографии, культурологи, истории культуры и иные лица, работающие в области охраны, сохранения и использования объектов, представители этнокультурных общественных организаций инационально-культурных автономий автономного округа).

Разработчиками электронной версии каталога (Государственное казенное учреждение «Ресурсы Ямала») подготовлена технологическая документация по эксплуатации каталога (Руководство пользователя), проведены консультации по ведению электронного каталога со специалистами Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики». Нами уже начата работа по систематизации собранного материала. В 2016 г. в электронном Каталоге объектов нематериального наследия народов Ямала проведена работа над некоторыми объектами устного народного творчества — сказками народов ненцы, ханты и коми.

Наполнение информационной системы, безусловно, невозможно без участия и скоординированных усилий специалистов, а также без подготовки квалифицированных кадров, способных проводить работу

по выявлению и представлению объектов нематериального культурного наследия для включения в региональный электронный каталог.

Государственным казенным учреждением Ямало-Ненецкого автономного округа «Научным центром изучения Арктики» разработан проект очно-заочно-семинара-практикума «Пополнение электронного каталога объектов нематериального культурного наследия ЯНАО», направленный на повышение качества знаний специалистов, занимающихся выявлением, сбором, хранением, изучением фольклорных материалов в их работе, связанной с оформлением, записью и обработкой образцов фольклора, предоставляемых для внесения в электронный каталог. К организации работы будут привлечены ученые-практики.

Существует ли сегодня потребность в сохранении нематериального культурного наследия? Да, существует. Во-первых, нематериальное культурное наследие является этнообразующей частью национальной истории и наследия; во-вторых, сохранение нематериального культурного наследия означает сохранение национальной культуры; в-третьих, нематериальное этнокультурное наследие, составляет мозаику сокровищницы культурного многообразия человечества; в-четвертых, сохранение нематериального культурного наследия означает сохранение ценностного источника, откуда люди черпают идеи и вдохновение для существования и сохранения как вида на планете.

Новое время требует новых собирательных образов и имиджей регионов России, которые должны смотреться как стабильные, успешные, гармонично встроенные в общероссийскую действительность. Особенности нашего региона уже стали привлекательными и для его жителей, и для «внешних» наблюдателей. Но одновременно мы должны сохранять, развивать и представлять окружающему миру себя как уникальное образование с большим историко-культурным прошлым, настоящим и будущим.

Потери культурного наследия в принципе невозможны. Исчезнувшие культурные традиции и культурные артефакты не появятся вновь, народные традиции и языки не будут жить в другой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козлова И.В. Российский каталог нематериального культурного наследия / И.В. Козлова // Дом культуры. 2010. № 12. С. 26–28.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. // Сайт правозащитного центра Всемирного русского народного собора [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravovrns.ru>.

Слобцова С.И. Сохранение культурного наследия как составляющая региональной культурной поли-

тики / С.И. Слобцова // Вопросы культурологии. 2013. № 5. С. 78–81.

Шевченко И.В. Традиционная народная культура как условие сохранения культурной идентичности в современном обществе / И.В. Шевченко // Философия и культура. 2014. № 9. С. 1298–1303.

Экспертный центр «Наследие» [Электронный ресурс]. — URL: www.ecnasledie.ru.

THE PROBLEMS OF PRESERVATION
OF NON-MATERIAL ETHNO-CULTURAL HERITAGE
IN TODAY'S ENVIRONMENT

The article discusses the conditions for the implementation of the Fundamentals of the state cultural policy at the federal and regional levels. Its most urgent tasks are: strengthening of civic identity, preservation of cultural heritage, ensuring public access to knowledge, information and cultural values.

In the paper the problem of preservation of non-material cultural heritage is considered and the need to preserve the cultural identity of the peoples of the Yamal-Nenets Autonomous District is emphasized.

Keywords: state cultural policy, non-material cultural heritage, cultural values, ethnic culture.

ФОЛЬКЛОР КАК ТРАНСЛЯТОР ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Статья посвящена процессам формирования, закрепления и транслирования гендерных стереотипов в ненецкой картине мира. Автор рассматривает этнические стереотипы как важнейший устойчивый компонент традиционной культуры, поддерживающий ее выживание и сохранение в процессах глобализации. Наиболее полно гендерные стереотипы ненцев отражены в фольклоре: ярабцах (эпосе), нюкубцах (детских песнях), в личных песнях. Так как именно фольклор является важным средством и фактором сохранения гендерных стереотипов, а также важнейшим источником для их исследования. Несмотря на то, что многие современные ненцы отходят от традиционных сфер деятельности, традиционные представления о женственности и мужественности продолжают сохраняться, выполняя важнейшую функцию — поддержки этнической идентичности ненцев.

Ключевые слова: гендер, стереотипы, ненцы, традиционная культура, женственность, мужественность, гендерные роли, фольклор.

Формирование гендерной идентичности является важным процессом включения индивида в гендерную иерархию, ведущую роль в которой играют гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы, то есть представления о женственности и мужественности, закладываются с самого детства и тесно связаны с ментальностью народа, закрепляясь в картине мира. Сам народ является создателем гендерных стереотипов и транслирует их через материальную и духовную культуру.

У. Липпман под стереотипами понимал «создаваемые культурой образы людей из других групп, которые призваны объяснить их поведение и дать ему оценку; при этом он трактовал стереотипы как избирательный и неточный способ восприятия действительности, ведущий к ее упрощению и порождающий предрассудки» [Рябова, 2008. С. 9]. Некоторые авторы гендерные стереотипы рассматривают как «схематизированные, нормативные, обобщенные представления о мужских и женских ролях, образах мужественности и женственности согласно общественным ожиданиям» [Шумкова, 2009. С. 107]; или «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Кирилина], а некоторые и вовсе рассматривают их «как особые формы обработки информации, облегчающие ориентацию человека в мире... они выполняют обобщающую функцию, состоящую в упорядочивании информации: аффективную функцию (противопоставление «своего» и «чужого»); социальную функцию (разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»)» [Бутаева]. Отметим, что данные определения не противоречат друг другу, но подчеркивают разные стороны феноме-

на гендерного стереотипа, особенности его генезиса и функционирования.

Исследованию гендерных стереотипов и ролей в отечественной гуманитарной науке посвящены работы Т. Б. Рябовой (2001; 2003; 2008), А. В. Кирилиной (2003), Н. А. Коноплевой (2003), Д. Мацумото (2003), М. А. Шумковой (2009), И. С. Клециной (2009), М. А. Бутаевой, В. С. Романовской и др. Гендерные стереотипы в традиционной культуре рассмотрены в диссертационной работе С. А. Сорокиной (2005), на примере якутов в работе А. И. Макаровой (2003). В то же время практически отсутствуют исследования, посвященные гендерным стереотипам и ролям коренных народов Западной Сибири, отличающихся особым языковым и культурным многообразием.

Отметим, что ненецкая семья по своему укладу была в целом патриархальной. Главой семьи считался мужчина, а женщина во многих отношениях подчинялась ему, при этом каждый имел свои обязанности, функции, благодаря чему регулировались межличностные отношения. Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, ограниченность женского пространства, границы функционирования женщины в традиционной культуре намного шире, чем у мужчин. Согласно ненецкой мифологии, женщина выступает праматерью-прародительницей мира, в отличие от мужчин деятельна в разных мирах. Женщина связывает «этот мир» с «иным миром»: миром духов. Именно детородная функция обуславливала ее особое положение в традиционном обществе. Выступая, как представительница сакрального мира она наделена огромными разрушительными и созидательными функциями, т. е. она давала новую жизнь, но могла и уничтожить. Об этом говорит в своей работе и А. В. Головнёв:

«Женщина, источник крови, обладает способностью не только прервать жизнь человека (как и дать ее), не только отнять священную силу у шеста сымзы (как и укрепить ее), но и противостоять (как и потворствовать) темным силам, заслоняя собой порог жилища [Головнёв, 1995. С. 216]; или: «женщине, наделенной свойством рожать, принадлежит и способность умерщвлять. Этим даром обладает ее настолько же детородный настолько и жизнеубивающий орган» [Там же]. Предполагаем, поэтому в фольклоре ненцев женщина представлена в двух ипостасях: парнэ (ведьма) — отрицательные качества, являющейся антиподом ненэй не (настоящая женщина или ненецкая женщина) — положительных качеств.

Действительно, положение женщины, особенно в рамках семьи, было довольно высоким, это отражалось, в первую очередь, в ее экономической независимости от супруга. Если женщины и не допускались на общественные советы, где обсуждались вопросы, касающиеся рода в целом, это, тем не менее, не служило препятствием мужчине обращаться за советом к супруге, к матери. В фольклорных произведениях мужчина, прежде чем начать разговор, начинает трогать накосные металлические украшения жены и только потом советуется с ней о своих намерениях.

Наиболее ярко представления о женственности и мужественности отражены в фольклоре ненцев: нюкубцах, ярабцах, сказках, в личных песнях. Подробно рассмотрим их.

1. Детский фольклор нюкубц Е. Т. Пушкарёва переводит как «детские песни» [Пушкарёва, 2001. С. 23]. *Нюкуць* — ласкать, *нюкубц* — ласкательные песни, то есть песни ласкательного содержания, сочиняемые родителями для детей. Посредством *нюкубц* родители закладывали в детей гендерные стереотипы, какими качествами те должны обладать в соответствии со своим полом и каким должно быть их поведение в соответствии с требованиями общества. Мать сочиняет песню для каждого ребенка индивидуально.

Теда' Неко тамна нюдя,
 Пыда мерэй ңарамдаңа,
 Хоей' нимня сюрбертаңа,
 Хакэмда нядабаңгу –
 Нибян' тэмбойм' паклеңгу,
 Нерта, сэдораңгу, поерта...
 Спи, малышка, баю-бай,
 Поскорее засыпай!
 Незаметно подрастешь,
 С мамой по воду пойдешь,
 В тундре ягод наберешь,
 В чум дровишек принесешь,
 Будешь бабе помогать
 В ушко нитку продевать...

[Няруй, 2012. С. 10].

Из текста нюкубц видим, что предназначение женщины в традиционной культуре — хранительница очага, хозяйка чума. К выполнению подобных гендерных ролей девочек готовят с детства через систему традиционного воспитания.

Тексты песен для мальчика похожи по содержанию. «Сёбям' мэтакоми ңацям' нядаңгу, нохоком' хадаңгу» — «Носящий капюшон папе поможет, песца добудет» или «...таррем' маманодо»: «Нюдякоця Яптикава', / Яптикава' таявонда. / Яптика' на мебетадо' / тикынядо' хад' нгэнгу. / Хой' тэва ёряхавам' нява' / пыдаханоманда. / Падвы ты' на" ерв, / хунананда нгэнгодакэ» — «Молва идет, / что у нас родился маленький Яптик. / Среди наших Яптиков / он будет самым сильным. / Он будет добывать много песца / и станет хозяином оленей пестрой масти» [Сусой, 1994. С. 95].

2. Личные песни ненцев также содержат примеры гендерных стереотипов. Ненец в личной песне воспевает умелость и красоту своей супруги. Как правило, песня начинается: «Сэрой сядота (Лантэй)...» — «Красавица из рода Сэротэтто (Лаптандер)». Далее в тексте описываются умения женщины. Например, в песне, записанной Е. Г. Сусой, мужчина выражает нежность и преданность женщине, дающей возможность гореть родовому огню: «Не' Тадебу' небями сядвэ тет лы нгэсоми нин ёциту. Вы' Паюте' сада малха"на мат" нюни небя, не' Тадебу' мат" ю" тэмда харта пэръда. Си" ми нгатерись сидя" нёнэхэт пынгэртакы» — «Моя мама из рода Тадебе крепко поставила меня на ноги — я никогда не падаю. У истоков реки Северная Ольховая моя жена из рода Тадебе, мать моих шестерых детей сама пасет наших шестьдесят оленей. Ожидая меня, она, наверное, стоит у выхода из чума, держась за шесты, она словно качается на качелях, не зная покоя» [Сусой, 1994. С. 97]. Женщина в свою очередь поет о том, какой смелый и сильный отец ее детей.

2. Ярабц", сюдбабц, сказки. В них ярко представлены стереотипы красоты, являющиеся немаловажной составляющей представлений женственности и мужественности. Например, в работе А. В. Головнёва находим следующие метафоры красоты: «Снег на сажень вокруг светится от ее лица» [Головнёв, 2004. С. 151], «откинул полог, там сидит женщина — красивая, будто в ней солнце отражается» [Головнёв, 2004. С. 196] или «Глянула я на крайний чум Младшего смертоносного. Из него вышла дочь Младшего Смертоносного — красивая, как светящееся солнце [Головнёв, 2004. С. 105, 106]. Лицо красивой женщины сравнимо с солнцем «Тю'уй' сюрням' ядэланараха» — букв. «как будто солнце водит» или «тю'уй' сюрням' янхамола» — «солнце на землю роняет». У хантов находим аналогичные сведения «...красоту девиц сравнивают также с восходящим солнцем стоящим на небе месяцем» [Патканов, 1891. С. 51]. В сказках коми при описании женской красоты проводится чёткая параллель между красотой и светом, прозрачностью: сказочная красавица «как горящая свеча блистает своей красотой, так красива, что сквозь тело кости видны, сквозь кости — костный мозг, а сквозь него — все, что делается на вольном свете», «глаз от нее невозможно отвести — блистает красотой, как солнце» [Ильина, Уляшев, 2009. С. 89].

При этом мы никогда не видим буквального образа. Но она непременно мастерица, о чем свидетельствует расшитая орнаментом одежда. Наблюдается

преобладание гендерной роли над физической красотой тела. В сказке «Нум' мядота вэсако» («Соломенно-го чума старик») старшие дочери старика, выполняя задание Хозяина Ветров шить за ночь одежду, склеили шкуры рыбьим клеем, но их обман был раскрыт. И только младшая дочь справляется с этой задачей, вследствие чего Хозяин Ветров женится на ней [Ненецкая народная сказка].

О красивом молодом человеке в фольклоре сказано — «сэвхаюда" ябта' ня'хар еналмэрха"» — его глаза подобно тонким лезвием ножа прорезаны». В хынабце «Четверо Ыйвай (Тет Ыйвай)», где повествование идет от лица героини, видим следующее описание: «Глаза у него узкие, будто тонким ножом прорезаны, а нос маленький, вздернутый. Действительно, Младший Ябтоңэ красив» [Головнёв, 2004. С. 157] или в сказке «Охотник Марендя»: «Вдруг послышались шаги, и заходит в чум молодой мужчина. Лицо у него красивое, глаза узкие, будто острым ножом прорезаны» [Головнёв, 2004. С. 247]. Герой непременно обладает ловкостью, смелостью и силой, что позволяет ему в конце повествования победить врагов.

Как мы можем заметить, что сюжет многих сказаний, сказок «вертится» вокруг женщин. Например:

— **поиск жены** в фольклорных произведениях оканчивается одним из главных мотивов похождения и подвигов героя. Хынабц «Тет Ыйвай (Четверо Ыйвай)» начинается следующими словами: «Где-то по слухам, живут трое Вэнга, у них есть сестра, ее мы возьмем в жены нашему младшему брату» [Головнёв, 2004. С. 156]. Походы за женщинами А. В. Головнёв называет «идеологической формой» борьбы за власть. Иначе говоря, тот, кто в силах «взять» (сосватать, захватить) женщину, оказывается властелином земли и своей собственной, и той к которой принадлежит избранница [Головнёв, 1995. С. 111];

— **женщина как «разменная единица»**. В фольклоре часто женщина выступает в качестве залога выполненного обещания или как платы за жизнь, или как объект брачной сделки [Пушкарёва, 2000. С. 35–39];

— женщины в **роли спасителей героев**. Например, героиня в самый решительный момент боя перерезает тугую петлю аркана противника, сужающуюся над головой ее мужа, брата, отца, сына или прячет последнего из рода мальчика (будущего героя) в яму под очажный лист – *тюмю*;

— **противопоставление женского начала мужскому**. При победе над врагом женское начало, как отрицательная сакральная сила, имело разрушительную силу: женщина (чаще сестра героя) трижды перешагивала через побежденного, в результате чего он уже не мог воскреснуть.

Таким образом, отметим, что фольклор является важным средством и фактором сохранения и межпоколенной трансляции гендерных стереотипов, а также важнейшим источником для их исследования. Наиболее полно, как мы заметили, гендерные стереотипы ненцев сохранены в *нюкубцах* (детских песнях), личных песнях, сказаниях (*ярабцы, сюдбабцы, хынабцы*). Хотя социально-экономические трансформации, происходящие в обществе в целом, разрушительно сказываются на традиционном ненецком обществе, оно продолжает сохранять четкое разграничение «мужской» и «женской» сфер. Несмотря на то, что многие современные ненцы отходят от традиционных сфер деятельности, традиционные гендерные стереотипы продолжают сохраняться, выполняя важнейшую функцию — поддержки этнической идентичности ненцев. Этнические гендерные стереотипы таким образом могут рассматриваться как важнейший, устойчивый и незаменимый компонент системы традиционной культуры этноса, поддерживающий, несмотря на нарастание модернизационных процессов, ее выживание и сохранение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутаева М. Функционирование гендерных стереотипов. [Электронный ресурс] / URL: <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения — 11.05.2015).
- Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
- Ильина И.В., Уляшов О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар: Коми научный центр, 2009. 224 с.
- Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке / Тезаурус терминологии гендерных исследований. Под ред. А.А. Денисова. М.: Восток — Запад: Женские Инновационные Проекты. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения 11/05/2016).
- Няруй В.Н. Неко' нюкубц: Њарка ненэця" нюху" толабада книжкаця = Колыбельная Неко: Книга для чтения взрослыми ненецким малышам. СПб: Просвещение, 2012. 23 с.
- Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 74 с.
- Пушкарёва Е.Т. Ненецкие песни-хынабцы. М.: Восточная литература, РАН, 2000. 200 с.
- Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван.гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Сусой Е.Г. Из глубины веков. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1994. 173 с.
- Фольклор ненцев / Сост.: Пушкарёва Е.Т., Хомич Л. В. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.
- Шумкова М. А. Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов // Вестник удмуртского университета. 2009. Вып.1. С. 107–116.

**FOLKLORE AS A TRANSLATOR
OF GENDER STEREOTYPES**

The aim of the article is to examine the processes of formation, consolidation and transferring of gender stereotypes in the Nenets worldview. Based on the previously published works of gender researchers and her own ethnographic material, the author examines the ethnic stereotypes as an important component of sustainable traditional culture. These stereotypes support the cultural survival and conservation of traditional culture in the processes of globalization. These gender stereotypes are reflected at the most in the Nenets folklore: yarabts (epos), nyukubts (children's songs) and personal songs. Since the folklore is an important tool and a factor in the maintenance of gender stereotypes, it is also the most important source for research of gender issues. Despite the fact that many modern Nenets are now leaving the traditional way of life in tundra, their traditional notions of femininity and masculinity are remain. So do gender stereotypes, which perform an important function — to maintain the ethnic identity of the Nenets.

Keywords: gender stereotypes, Nenets, traditional culture, femininity, masculinity, gender roles, the status of folklore.

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

В статье анализируются соматические фразеологические единицы в хантыйском языке. В результате проведенного анализа было установлено, что наиболее употребительными соматическим компонентом в составе фразеологизмов являются лексемы: сям (сердце), йош (рука), ох (голова), кўр (нога), венш (лицо), пӓл (ухо), пецк (зуб).

Ключевые слова: *соматические фразеологические единицы, хантыйский язык, шурышкарский диалект, фразеология, лексическое значение.*

Фразеология является одной из самых интересных и вместе с тем самых мало изученных областей языкознания. Она помогает глубже понять культуру и историю страны сквозь призму национального языка. В связи с этим исследование фразеологического состава языка представляет особый интерес.

Рассматривая фразеологический состав любого языка, можно заметить, что значительное количество фразеологизмов формируется из компонентов слов, соотносимых с названиями частей человеческого тела, так называемых соматизмов. Человеческий фактор играет в словообразовании огромную роль, так как большинство фразеологизмов имеет антропоцентрическую направленность. Человек стремится наделять человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные.

В данной работе мы рассмотрим соматические фразеологические единицы (включая пословицы и поговорки) с выделением наиболее частотных компонентов на материале хантыйского языка шурышкарского диалекта.

Экспериментальным материалом исследования послужили фразеологические единицы с компонентами-соматизмами, которые были отобраны методом сплошной выборки из научных диссертаций, из статей по хантыйскому языку, по этнографии, из фольклорных материалов, из различных словарей хантыйского языка, из периодической печати и из многих других источников.

Соматические фразеологические единицы (далее — СФЕ) становятся объектом глубокого изучения в конце XX в.

Термин «соматический» используется в биологии и медицине в значении «связанный с телом человека, телесный» и противопоставляется понятию «психический».

Соматические фразеологизмы (от греч. soma — тело) — это такие устойчивые единицы языка, в состав которых входит соматический компонент. Соматическим компонентом может служить название части человеческого тела (*рука, нога, голова*) или веществ и жидкостей (*кровь*, в чешском языке *míza*). Соматические фразеологизмы «являются ярким выразителем антропоцентризма и антропоморфизма человеческого сознания и самого языка» [Горды, 2010. С. 364].

Впервые понятие «соматический» в финно-угроведении было введено Ф. Вакком. Рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в своем составе названия частей тела человека, Ф. Вакк дал им название «соматические»: *рука, нога, голова, палец* и др. Исследуя фразеологический состав эстонского языка, он пришел к выводу, что соматизмы составляют один из древнейших пластов фразеологии и образуют наиболее употребительную часть фразеологического состава данного языка [Вакк, 1968. С. 23].

Интерес исследователей к этой группе лексики определяется тем, что процесс осознания себя как личности человек начал с ощущений, которые возникают непосредственно через органы чувств и части его собственного тела. «Человек эгоцентричен, — пишет В. Г. Гак, — он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» [Гак, 1997.], человек ранее всего облакал в слова и выражения те понятия, которые были наиболее близки ему. Возможно, поэтому названия частей тела являются одними из наиболее часто участвующих слов в образовании фразеологизмов. В. А. Власова отмечает: «До сих пор не обнаружено народа, который не умел бы называть некоторых частей тела: голову, руку, ногу, глаз, ухо, рот. Соматизмы представляют собой круг необходи-

мых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь», и отмечает, что соматическую лексику отличает «высокая частотность употребления и развита полисемия» [Власова, 1997. С. 15].

В. А. Яшманова справедливо подчеркивает следующее: «части тела человека, несомненно, принадлежат к группе «первичных инструментов», так как очевидна их тесная связь с субъектом» [Яшманова, 1992. С. 178]. Ученые признают, что проведение параллелей между реальным миром и отражением его языковыми средствами через соматизмы не случайно, поскольку семантическая информация, передаваемая изучаемыми словами, является указанием на определенные объекты из окружающего нас реального мира. При помощи языка, слова человек не только отображает процессы реального мира и мира субъективной оценки, эмоций и чувств, но и сам выступает одним из звеньев этого мира [Яшманова, 1992. С. 178].

Фразеологизмы с компонентом — соматизмом на материале хантыйского языка рассматриваются во многих научных исследованиях. Однако специальных исследований по СФЕ (включая пословицы и поговорки) в хантыйском языке рассматривались лишь в научных статьях.

М. П. Баландина [Баландина, 1965. С. 20] рассматривала соматическую лексику на материале мансийского языка. Анализировалась формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики.

Исследование соматической лексики проведено З. С. Рябчиковой в монографии «Соматическая лексика хантыйского языка». Автор пишет, о том, что соматическая лексика, занимающая особое положение в лексическо-семантической системе любого языка, обладающая большой частотностью употребления.

В научной литературе до сих пор нет специального исследования по описанию системы лексических значений хантыйских сомонимов и их употребления в составе других тематических групп слов хантыйского языка, выявлению многозначности хантыйских слов и их переносных значений.

Сомонимы хантыйского языка, как и у других языков, могут входить в состав разнообразных устойчивых словосочетаний, фразеологических единиц, которые не изучены, не описаны и даже не собраны в каком-либо более или менее репрезентативном объеме [Рябчикова, 2008. С. 6].

На материале хантыйского языка сомонимам посвящены статьи В. Н. Соловар. Она сделала попытку рассмотреть структуру и семантику соматических фразеологизмов хантыйского языка на материале казымского диалекта [Соловар, 1998. С. 51–56], [Соловар, 1997. С. 81–87], [Соловар, 1999. С. 286–290].

М. Е. Серахова в статье «Фразеологические соматизмы в хантыйском (Приуральский диалект) и английском языках» рассматривала фразеологические соматизмы с компонентом «рука» в хантыйском языке, а также сопоставляла их по объему с аналогичными ФЕ в английском языке.

Автор приходит к выводу, что фразеологические соматизмы хантыйского и английского языков с компонентом «рука», несмотря на различия типологических структур, при построении конструкций проявляют одинаковую сочетаемость [Серахова, 2007. С. 75–80].

А. А. Сязи в статье «Лексико-семантические отношения сомонимов *ох* «голова» в хантыйском языке (шурышкарский диалект). Автор рассмотрел лексико-семантические группы с сомонимом *ох* «голова» [Сязи, 2007. С. 90–93].

А. Д. Каксин в статье «Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики». Автор рассматривает семантическую структуру устойчивых сочетаний хантыйского языка, сформировавшихся на базе соматической лексики (сочетаний типа *самем вохла* «есть хочу», буквально: сердце мое просят). Цель данной статьи — структурировать представления о семантической структуре устойчивых словосочетаний [Каксин, 2011. С. 11–15].

Все соматизмы мы ранжировали с точки зрения их частотности (по мере убывания).

Сам (сердце) — 67: *самем нох алэмла'тошнит* (букв.: сердце=мое вверх поднимает); *самем ал тэрийал 'тахикардия* (букв.: сердце=мое просто трясется); *самэу йох 'усидчивый в работе человек* (букв.: с сердцем мужчина); *самэл шовэр хорпи 'трусливый* (букв.: сердце=его как у зайца); и *самэн, и мохэлэн уллэнэн 'о семейной паре, которая живет дружно, без ссор и любят друг друга* (букв.: одним сердцем, одной печенью живут) и др.

Йош (рука) — 35: *воллы йош-кур сохлы питты 'обессилеть* (букв.: без рук-ног стать); *йош катэлты 'поздороваться* (букв.: руку держать); *йош катна тувемэты 'растеряться* (букв.: руку в две стороны нести); *йошнэлэм нэмолты тэхайа ант пелэнэн 'расстройство* (букв.: мои две руки никуда ни укальваются); *йошлэм ант хуллэтлэт — 'онемели* (букв. руки = мои не слушаются); *йошэу ны 'мастерица* (букв.: с рукой девушка); *йошлэл-күрлэл нох пэватсэллы' выздоровлении кого-либо* (букв.: руки-ноги поднял) и др.

Ох (голова) — 27: *охен атма йис'с ума сойти* (букв.: голова=твоя плохой стала); *поталэн ох 'о небрежном виде, о прическе* (букв.: голова=его в шишках); *охэл сэхэт 'самостоятельный* (букв.: он со своей головой сам); *пулэн ох 'небрежная прическа* (букв.: голова=его в кудрях); *охэл вевтам 'сумасшедший* (букв.: голова его плохая); *охенена щищьки ши латэл 'о аккуратной прическе* (букв.: на голову=твою птичка сядет) и др.

Күр (нога) — 24: *күрнэлэл рата ворэтмэн омэсэл 'бездельничает* (букв.: ноги=свои уперев в очаг, сидит); *күр таллэмэн йахты 'ходить бесцельно, не спеша* (букв.: ходить, волоча ноги); *күрлэл кутна-кутна питэмтылэт 'о пьяном человеке* (букв.: ноги едва-едва попадают); *йошнэлэл йоша йисэнэн, күрнэлэл күра йисэнэн 'стать взрослым, стать самостоятельным* (букв.: две=его руки руками стали, две=его ноги ногами стали) и др.

Венш (лицо) — 14: *кат венши хойэт* 'двуличный человек (букв.: у человека два лица)', *венш ант тайты* 'бессовестный (букв.: лица = у него нет)'; и *венш пундэлэн тылэщ*, и *венш пундэлэн хятэл* 'о добром, сердечном, правдивом человеке (букв.: на одной щеке — месяц, на другой щеке — солнце)'; *пунэң венш* 'наглый (букв.: мохнатое лицо)' и др.

Пал (ухо) — 8: *паллы шуп* 'глухой (букв.: без ушей)'; *паллэм воллы лоп монтсэт* 'глухой (букв.: уши=мои совсем закрылись)'; *а мул пал ант тайэл*, 'глухой, или о том, кто не реагирует на обращенную к нему речь из-за глухоты или притворяется, что не слышит (букв.: разве ушей не имеет)' и др.

Пеук (зубы) — 5: *пеука порэматы от ант тайэл* 'быть голодным (букв.: зубам=его укусить нечего)', *пеуклы-куншлы няврэм* 'младенец (букв.: без зубов, без ногтей ребенок)', *пеуклэм ал торылэт* 'замерзнуть (букв.: зубы =мои трясутся)', *пеуклы-кырлы* 'не иметь снаряжения (букв.: без зубов, без ног)' и др.

Рассмотрим конативные оттенки наиболее частотных из них в хантыйском языке.

Сердце издревле осознавалось как место нахождения души и чувств. В сердце живут разные эмоции, как и все противоположные чувства — любовь, ненависть, доброта, злость, доброжелательность, зависть, честность, лживость и т. п. Люди считают, что сердце — во-первых, — источник всех чувств, а во-вторых, — хранилище всяких эмоций.

Фразеологические образы связаны с различными параметрами этого органа: **массой**: *кен сэм*, *кен йошэн ула* 'пожелание здоровья (букв.: с легким сердцем, с легкими руками живи)'; **материалом**, из которого оно якобы сделано *кев сэмю нау ищипя понтсэян* 'бессердечный, так говорят о человеке, который живет только для себя, его не интересует судьба родных, близких и других окружающих людей (букв.: каменное сердце=тебе положили)', *карты сэмпи ху* 'жестокий, бесчувственный человеке (букв.: с железным сердцем человек)'.
Многочисленны фразеологизмы с отрицательной оценочностью, среди которых можно выделить СФЕ, выражающие, **бесчувственный**, например, *сэмлы от* '(букв.: без сердца); *сэмлы — мохеллы*' (букв.: без сердца, без печени)'; **трусливый**, например, *ухэл сэмпи* '(букв.: с тонким сердцем)'; **вредный, злобный**: *питы сэмпи* '(букв.: человек с черным сердцем)'.
Особенно часто сердце олицетворяет собой любовь, соединяющую в себе самые разнообразные переживания, например, и *сэмэн*, и *мохалэн уллауэн* 'о семейной паре, которая живет дружно, без ссор и любят друг друга (букв.: одним сердцем, одной печенью живут)', *нау ма сэмема мослэн* 'я тебя люблю (букв.: ты-я-сердцу=моему нужен)', *ма сэмема логэс* 'полюбил, понравилась' (букв.: я=в сердце=мое вошел)'.
В образовании фразеологизмов используются названия цветов. Количество «основных» цветов у каждой культуры может быть разным. Черный цвет в хантыйском языке, как и во многих культурах, вос-

принимается как символ несчастья и также используется для описания характера человека, например, *питы сэмпи хойат* 'злобный (букв.: с черным сердцем человек — плохой человек)'.
Тело человека выполняет инструментальную функцию в его многообразной деятельности. Эту функцию в большей и полной мере выражается рукой: это главное орудие жизнедеятельности, самых насущных действий. С руками связаны представления об активности, конкретных действиях, ориентации, мере, общении, многообразных отношениях, шире — деятельности в широком ее понимании. Это символ власти, любви, дружбы, заботы, искренности и т. д. Это слово употребляется в разных значениях, например, **мастерство** 'йошэу нэ (букв.: с рукой девушка)', *ма йош верэм еллы туви* 'продолжить мастерство (букв.: моей руки дело дальше неси)', *йошэл хун хыщэс* 'вор (букв.: рука=его разве там осталась)'.
Особое место занимают фразеологизмы со значением, бездельник, бездельничать, например, *йош йовэлмэн йауэхэл* (букв.: ходит, машет руками)', *йош понмэн* '(букв.: сложа руки)', *йошнэлэл шанша йармэн уллэуэн* '(букв.: руки=его к спине привязаны)'.
В хантыйском языке особое место занимают фразеологизмы со значением пожелания, например, *тэлэн йош*, *тэлэн кыр* 'пожелание здоровья (букв.: целой руки, целой ноги)', *кен сэмэн*, *кен йошэн ула* '(букв.: с легким сердцем, с легкими руками живи)', *ой-ауа пищауа уллэты* 'пожелание благополучия (букв.: с счастьем, с везением живите)'.
Голова по праву считается самой главной частью тела. Ведь в черепе находится головной мозг, а на лице располагаются основные органы чувств (глаза, уши, нос и язык). В представлении современного человека голова — прежде всего центр переработки информации, от ее избытка может голова идти кругом, кружиться, например, *охем мулмэс* '(букв.: голова=моя одурела)', *охем ал сыйэл* '(букв.: голова =моя кружится)'.
Хантыйские фразеологизмы с компонентом «голова» обозначают различные функции этой части тела и через эти функции дают характеристику человека вообще. Состояние преклонного возраста выражают фразеологизмы: *охэл навийа вотэм* 'седой (букв.: голова его белая)'.
Голова человека отвечает за мышление, т. е. основное значение СФЕ — ум или его отсутствие, например, *охэл атэм* 'сумасшедший человек (букв.: голова =его плохая)', *охэл шув ант тайэл* 'глупый (букв.: в голове = его нет мозгов)'.
Многие фразеологизмы с соматизмом *ох* (голова) характеризуют качественные данные человека, они могут быть как положительными, так и отрицательными, например, *поталэу ох* 'о небрежном виде, о причёске (букв.: голова=его в шишках)', *охенена щи щищы-ки лятэл* 'аккуратная причёска (букв.: на голову=твою птичка сядет)', *охен тарэу пай хорпи* 'о небрежной причёске (букв.: голова=твоя как стог сена)'.
51

Также высмеивается глупость человека, например, *охлы от* 'глупый (букв.: безголовый предмет)', *ох шув а́нт тайэл* 'глупый (букв.: мозгов не имеет)', *ошлы от* (глупый) (букв.: предмет без ума)'.

Ноги подчеркивают фундаментальное биологическое отличие человека от животных — его прямохождение. Слово «нога» в хантыйском языке — основное слово для обозначения нижней конечности целиком *күр пат* (пятка), *күр сур* (голень), *күр луй* (большой палец на ноге), *күр лон* (сухожилие ноги), *күр йа́т* (сустав ноги), *күр ломп* (нижняя часть взъема ноги).

Общеизвестно, что пословицы и поговорки отражают мудрость, ум, мировоззрение, опыт народа. Они занимают значительное место и в фольклоре хантыйского народа. Пословицам и поговоркам свойственна бытовая, обрядовая, трудовая тематика; в них находят отражение семейные, родственные отношения, нравственные нормы, черты характера людей, а также размышления о жизни, судьбе и т. д. Через пословицы и поговорки мы получаем сведения о духовной культуре, обычаях, повседневных заботах того или иного народа.

В хантыйском языке довольно много поговорок и пословиц, в которых встречается соматизм «күр», например, *йоша́н-күрау вой на́нен хун лйа́лэл* 'зверь охотника не ждет (букв.: с передней лапой, с задней лапой зверь тебя, что ли ждет)', *тохлэ́н вой кү́рлэл эва́лэт хун катэ́лла* '(букв.: крылатую птицу за ноги не поймашь)', *йошен-күрен нёхэл ки, верты отэн велци тыйэл* 'если ты трудишься, то дело получится (букв.: если ноги-руки шевелятся)'.

СФЕ обозначающие возраст, например, *йошнэлэл йоша йиснэн, күрнэлэл күра йиснэн* 'стать взрослым, стать самостоятельным (букв. две его руки руками стали, две его ноги ногами стали)'.

Фразеологизмы со значением «обессилеть» *йошлэм-күрлэм щайшли питсэт* '(букв.: руки, ноги=мои онемели)', *йошлы-күрлы* '(без рук, без ног)', *волды йош-күр сохлы питты* '(букв.: без рук-ног стать)'.

В системе соматизмов, обозначающих голову и ее части, особого внимания заслуживает лицо.

Под действием испытываемых индивидом чувств рождаются скоординированные сокращения и расслабления различных лицевых структур, которые определяют выражение лица, отражающего переживаемые эмоции. При этом положительные эмоции — радость, удовольствие и т. п. — передаются, как правило, с помощью рта и глаз. А отрицательные эмоции, такие как печаль, стыд, отвращение, выражаются в целом лицом.

Особой эмоциональной выразительностью отличается цвет лица. Например, *веншал пуййа хйтцэмэл* 'расстройство (лицо=его почернело)'.

Лицо в хантыйской фразеологии является своего рода символом репутации человека, его имиджа, отсюда: *сыста́м вешан шушилйа́* '(букв.: с чистым лицом ходи)'.

Очень широко представлен в хантыйской фразеологии **лицо как отражения зла**: *вени сохэл а́нт ларпилыйэл* 'у нее злое лицо (букв.: кожа лица не рас-

правляется)'; *лув вени сохэл лик, а́л па́рыйэл* 'у нее злое лицо (букв.: кожа ее лица злая, просто сыпется)'; *вени сохэл а́нт ларпилыйэл* 'у нее злое лицо (букв.: кожа лица не расправляется)'; **признак «наличия/отсутствия» лица**: *вени а́нт тайэл* 'бессовестный (букв.: не имеющий лица)', *кат вешпи хойа́т* 'двуличный человек (букв.: у него (нее) два лица)'; **лицо как отражение неискренности**: *ка́т вешпи хойа́т* 'двуличный, лицемер (букв.: имеющий два лица)'; так говорят, когда мысли и поступки человека расходятся с его словами или когда человек старается создать для окружающих ложный образ себя («ложное лицо»), имея при этом иную сущность («истинное лицо»).

Про человека, который отстаивает неправду, говорят *ма́ты веншлов* '(букв.: какая лобная кость)'.

Ухо — орган слуха, а также наружная часть его (у человека — в форме раковины). Внутреннее, среднее, наружное [Ожегов, Шведова, 1990. С. 939].

Фразеологизмы с компонентом – ухо, как отмечают многие отечественные исследователи, так или иначе связаны со способностью слушать и слышать: *па́лэл хуллэл* '(букв.: ухо=его слышит)', так говорят когда слушающий понимает о чем или ком идет речь на каком-либо языке. Следующие выражения со словом *па́л* (ухо) означает положительное качество человека: *са́мэтэл- па́лэтэл* 'так говорят об очень смелом человеке с положительными человеческими качествами (букв.:бросается в глаза, бросается в ухо)'.

Слово «ухо» входит во фразеологизмы, так или иначе связанные со слухом, например, *па́ллы шуп* 'глухой- (букв.: без ушей)', *па́л а́нт тайэл* 'глухой (букв.: ушей=у него нет)', *па́ллэм воллы лон ма́нтсэт* 'глухой (букв.: уши=мои совсем закрылись)'.

Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом «па́л» также используются для описания внешних данных человека, например: *ай па́ллыит* 'аккуратные (букв.: маленькие уши)', *ун па́лэт* 'лопоухий (букв.: большие уши)'.

Как и многие народы, ханты носили разнообразные украшения. Так, для обозначения серьги используется СФЕ *па́л рут* '(букв.: родственники ушей)'.

Со словом «зуб» в хантыйском языке имеется довольно большое количество устойчивых выражений. Встречается слово «зуб» во фразеологизмах, обозначающих различные плачевные состояния человека. ФЕ, которые показывают человека, дрожащего от холода *пе́нклэм а́л торылэт* '(букв.: зубы=мои трясутся)'.

Показывать зубы *пе́нкэ́н акэр хорпи* 'злая (букв.: похож на зубастую собаку), данный пример показывает злобную натуру, желание враждовать.

СФЕ демонстрируют человека, которому нечего есть, то говорят, *пе́нка порыматы от а́нт тайэл* '(букв.: зубам=его укусить нечего)'. Также СФЕ могут использоваться в прямом значении: *пе́нклы от* '(букв.: беззубый)'.

Стоит отметить, что употребление слова «пе́нк» в хантыйском языке связано со значением «челюсть» *пе́нклов*.

Таким образом, из 180 исследованных соматических фразеологических единиц наиболее частотными соматическими компонентами по фразеологической активности в составе хантыйского языка являются такие лексемы, как *сам* (сердце) 37, 2 %, *йош* (рука) 19,4 %, *ох* (голова) 15 %, *кёр* (нога) 13,3 %, *вениш* (лицо) 7,8 %, *пэл* (ухо) 4,4 %, *пенк* (зуб) 2,8 %.

Эти СФЕ относятся к высокочастотной зоне лексического состава хантыйского языка. Их многочисленность объясняется ясностью функций частей тела. Они используются как в прямом, так и в переносном значе-

нии. СФЕ обладают большой долей образности и выразительности.

Также во всех фразеологизмах присутствует оценочность. Соматические фразеологические единицы могут нести либо положительную, либо отрицательную коннотацию. Исследуемые соматические фразеологические единицы (далее СФЕ) в большинстве случаев имеют отрицательную окраску.

В заключение следует отметить, что хантыйский язык богат фразеологизмами, так как в них находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баландина М.П. Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики: автореферат. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1965. 20 с.

Вакк Ф.О. Соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: сб. науч. ст. Баку, 1968.

Власова Н.А. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах: автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 1997. 15 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. В.Г. Гак. М.: Указ. соч., 1998. 15 с.

Горды М. Соматическая фразеология современных русского и польского языков. Щецин, 2010. с. 364

Каксин А.Д. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики. Научный журнал Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1(13) С. 11–15.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1990. 939 с.

Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2008. С. 6.

Серасхова М.Е. Фразеологические соматизмы в хантыйском (Приуральский диалект) и английском языках // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. Екатеринбург, 2007. С. 75–80.

Соловар В.Н. Соматическая лексика в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Финно-угроведение. Х-Мансийск, 1998. С. 51–56.

Соловар В.Н. Соматическая фразеология в хантыйском языке // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении. М.: Диалог — МГУ, 1997. С. 81–87.

Соловар В.Н. Соматические фразеологизмы хантыйского языка // *Linguistika Uralika*. Tallin, 1999. С. 286–290. № 4.

Сязи А.А. Лексико-семантические отношения соматических ох «голова» в хантыйском языке (шурьшкарский диалект) // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. Екатеринбург, 2007. С. 90–93.

Яшманова В.А. Инструментальность и субъективно-объективные отношения // Теория функциональной грамматики. СПб, 1992. С. 178.

WORDS DENOTING PARTS OF THE HUMAN BODY ON THE EXAMPLE OF PHRASEOLOGY OF KHANTY LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF SHURYSHKARSKY DIALECT)

The article analyzes somatic phraseological units in Khanty language. As a result of analysis, it was found that the most useful somatic component in phraseologisms is: tokens sam (heart), josh (hand), okh (head), kur (leg), wensh (face), pal (ear), penk (tooth).

Keywords: somatic phraseological units, Khanty language, shuryshkarsky dialect, phraseology, lexical meaning.

ТРАДИЦИОННАЯ И НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ШАМАНСКОГО КУЛЬТА СЕЛЬКУПСКОГО НАРОДА ИЗ СОБРАНИЙ МВК ИМ. И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Проводится изучение атрибутов шаманского культа, хранящихся в фондах МВК, методом анализа литературы и описания экспонатов представителем культуры.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, МВК, этнография, атрибуты шамана, селькупы.

В фондах музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского насчитывается более 3,5 тысяч экспонатов этнографической коллекции. Особую ценность представляют предметы религиозного культа коренных народов Севера, атрибуты шаманов.

Шаманизм — это ранняя форма религии, в основании которой лежит вера в общение шамана с духами в состоянии транса. Ученые с мировыми именами Дж. Фрэзер, Л. Я. Штенберг, М. Элиаде и многие другие, писали и пишут о шаманизме, как о мистике, магии, религии, мировоззрении, всеобъемлющем мировосприятии.

Согласно представлениям селькупов, шаман (сельк. *тэтыпы*) — это посредник между человеком и сакральным миром. Во время особого ритуала (камлание) шаман вступает в контакт с духами Верхнего, Среднего и Нижнего мира. Большое значение для шамана имели его атрибуты. Это особые предметы, используемые шаманами в их практике и призванные помогать им во время сложных ритуальных действий. Проблема роли и значения шаманских атрибутов в системе шаманского мировоззрения является одной из приоритетных, длительное время разрабатываемых тем в этнографии народов Сибири. Полный комплект атрибутов имели только сильные и опытные шаманы. После смерти шаманов, большинство атрибутов оставляли на их могилах (их запрещалось закапывать в землю или как-либо уничтожать). Поэтому предметы шаманизма селькупского народа являются наиболее редкими в фондах нашего учреждения. К сожалению, большинство атрибутов являются разрозненными, не относящимися к одному комплексу.

Второй проблемой является отсутствие информации о данных экспонатах. Зачастую в музейной документации отсутствуют не только информация о месте и дате изготовления, но порой и имя сдатчика остается тайной. Самая часто встречающаяся информация — из старых поступлений. Вероятнее всего это

связано с тем, что шаманскую атрибутику в музей сдавали люди посторонние, не являющиеся носителями культуры. Это случайные находки или «наследство» от дальних родственников.

Современный исследователь селькупской культуры, к. ист. наук О. Б. Степанова в одной из своих публикаций пишет: «...родовая шаманская нарта селькупов Аркадьевых, которую их зятя — эвенки Оягиры — продали в музей Салехарда в начале 2000-х гг. и не смогли никак прокомментировать ее содержимое. Богатейший по символическому содержанию комплекс предметов, и ни один предмет не описан. Моя позиция — лучше вообще не брать священные вещи у их хозяев, а описывать на месте, делать фотофиксацию и протоколировать всю сохранившуюся о них информацию. Вещи же пусть остаются там, где были, и продолжают поддерживать традицию. Живая традиция лучше мертвой (музейной)» [Степанова, С. 349].

Вместе с тем, в случае отказа принимать на хранение шаманскую атрибутику без должного описания, многие предметы могли бы оказаться в частных коллекциях или вовсе утерянными. Не стоит забывать и о том, что порой отсутствие информации при поступлении предмета не является следствием незнания. Это может быть связано с отношением информанта к данной теме. Сакрализация и табуированность данной темы не позволяет информанту рассказывать музейному сотруднику о предметах.

«... во многих селькупских семьях традиционная вера более чем жива, и именно эта вера не позволяет информантам делиться сакральным знанием с чужими. ...Сакральным, тайным знанием владеют лишь особые категории людей — помимо шаманов, это так называемые "знающие" и "хранители". ...Вне сомнения, за последние десятилетия закрытость сакрального знания селькупов возросла. Тому были объективные причины: агрессивная атеистическая политика советской власти, просто влияние чужой культуры с высо-

ким уровнем естествознания. ...До сих пор временной отрезок 1930–1950-х гг. определяется коренными жителями района фразой: "Это когда всех шаманов отстреляли". Ощущение опасности, исходящей от чужих, приезжих, существует как генетическая память. Можно говорить о том, что закрытость — это в числе прочих причин инстинкт самосохранения традиционной культуры» [Степанова, С. 347].

В связи со сложившейся ситуацией (хранении в фондах музея большого количества предметов шаманского культа и невозможностью найти сдатчиков) остается одно — искать «знающих» людей, приглашать их в музей и просить интерпретировать атрибуты шамана.

В данном случае, фраза «традиционная интерпретация» используется в значении — описание экспонатов представителем культуры, «знающим» человеком. А научная интерпретация — описание музейного сотрудника с помощью этнографической литературы.

Информантом стал Александр Кулиш. Селькуп по национальности, родился в 1987 г. в селе Толька Красноселькупского района. По маминой линии А. Кулиш представляет Ириковых (род Орла) и Боякиных (эвенкийский род). «Бабушка А. Кулиша, Анна Ирикова, была внучкой селькупского шамана, она и сыграла большую роль в появлении у Александра уже в подростковом возрасте интереса к изучению традиционной селькупской культуры» [Карзанова, 2016. С. 20].

Следует отметить, что А. Кулиш делится информацией с этнографами. Ранее он фигурировал в роли информанта в работах О. Б. Степановой и статье Г. А. Карзановой. Совместно же со Степановой была написана статья «Традиционный селькупский игольник мыкай сэкы». То есть опыт общения этнографами, выделение причинно-следственных связей у него, безусловно, есть. Однако А. Кулиш все же остается традиционным представителем своей культуры, обладающим большим объемом знаний, но разделяющим ее условно на категории: «общедоступные сведения о которых можно говорить всем» и «сакральные сведения, о которых не стоит говорить чужакам». Так, при беседе с ним на тему «методы работы шамана» и «личные и семейные духи-покровители» нередко возникали ситуации «ухода от темы», умалчивания, а порой и прямого ответа «об этом я говорить не буду».

Данная статья является небольшой подборкой научного описания автором статьи и интерпретации А. Кулишом предметов шаманского культа селькупского народа из собраний МВК им. И. С. Шемановского.

В 1980 г. у жительницы села Толька Елизаветы Ивановны Чекурминой были закуплены следующие предметы: нагрудник и летняя мужская обувь шамана, колотушка от бубна, шапка и сумка. К сожалению, мы не владеем какой-либо информацией о данных предметах и биографией самой сдатчицы. Первые три предмета были предложены для описания А. Кулишу.

А. Кулиш: «Е. И. Чекурмина была матерью Селантия Васильевича Чекурмина. Его отец (Василий Чекурмин) и дед были шаманами. Селантий был хранителем шаманских вещей своего рода. Насколько я знаю, сам не шаманил. У Селантия было несколько детей. Один из сыновей, ныне покойный, Константин был от рождения слепым. Он знал много песен, в том числе шаманского типа».

В ходе телефонного разговора с Георгием Селантиевичем Чекурминым (1966 года рождения) удалось узнать следующее: «Елизавета Ивановна была моей бабушкой. Не могу сказать ничего конкретного о вещах, сданных ей в ваш музей. Мне бы их посмотреть, может, что и вспомнил бы. В нашем роду было много шаманов. Часть атрибутов была передана в музей Красноселькупа. Некоторые вещи были оставлены у Чертого озера. Я являюсь последним хранителем шаманских вещей нашего рода. Продолжаю жить на родовых угодьях у речки Белый Яр, что возле поселка Толька».

Перейдем непосредственно к самим экспонатам. Шаманский нагрудник — «кутынь» — это первое, что шаман получает из одежды.

Нагрудник (в музейной документации числится под номером ЯНМ-1085/2) имеет лишь краткое описание — шаманский с множеством металлических украшений. Размеры: 111,5х23,0 см. Материалы: мех оленя, металлы и сплавы.

А. Кулиш: «Нагрудник по типу покроя — енисейский, скорее эвенкийский. У селькупского нагрудника другой крой (трапецевидный, расширяющийся к низу). Также в селькупском нагруднике присутствует разделение на зоны посредством соединения нескольких кусков ткани, разделения нитями. В этом нагруднике разделения нет».

В нагруднике просматривается разделение на три зоны — три мира. Только вот подвески перемешаны. Солярные (большие медные пластины напоминающие солнце), должны располагаться наверху, а не внизу, скорее всего это свидетельствует о том, что шаман специализировался по Нижнему миру, поэтому расположение подвесок перевернуто. Но это не говорит о том, что он не мог шаманить в Верхний мир, просто приоритетом был Нижний мир. Детали от часов — как символ солнца и луны. В данном случае детали часов — заменяемые вещи. Когда у шамана не было под рукой необходимых подвесок и металла для их изготовления, он мог использовать то, что было под рукой. Главное, чтобы предметы были металлическими.

В Верхнем мире (в самой верхней части), судя по всему, расположена фигура журавля (об этом свидетельствует длинная шея). Это верховный дух шамана.

Средний мир. Дух-предок, основной дух самого шамана. Длинные скрученные подвески олицетворяют червей. У селькупов черви — злые духи, которые живут в Среднем мире. Для борьбы с ними шаманы "заводят своих червей".

В третьей зоне расположены большие подвески, олицетворяющие солярные знаки. Третья зона отделена фрагментами ножиц, олицетворяющих ключевую кость оленя. К ней должны крепиться небесные тела. Судя по нагруднику, шаман работал как со Средним, так и с Верхним миром. Об этом свидетельствует наличие подвесок из разного металла (медь имеет цвет, подобный человеческой коже, это цвет Среднего мира, железо — цвет Нижнего)».

Информация о подвесках-червях встречается и в статье Прокофьевой: «В борьбе против насылаемых "Кызы", Йовул (сатаной) на человека злых "лоз'ов", часто принимающих вид червя, шаман действует при посредстве "нумыт тук" — небесных червей, которые по призыву шамана забираются в человека и пожирают или выгоняют оттуда "лозыль тук" — злого червя» [Прокофьева, 1949, с. 356].

Судя по рисункам и описаниям Е. Прокофьевой, по покрою нагрудник соответствует селькупскому типу. Вот только отсутствуют основные элементы: изображение скелета грудной клетки птицы, железное изображение грудной кости, изображения перьев птицы, представленные бахромой и железными перьями.

Обувь летняя, мужская, шаманская (ЯНМ-1085/3) Обувь длиной до колена, сшита из ровдуги, подошва из лосиных лап. Голенище заканчивается вздержкой, шириной 4 см, через которую проходит ровдужный ремешок, длиной 1 м. На лодыжке имеется завязка. Вся ровдужная часть сшита сухожильными нитками. Обувь была в употреблении. Размеры: 38,0x27,0 см. Материалы: ровдуга, сукно, камус лося.

"Сомпыль пимы" — шаманские пимы схожи с пимами кетских шаманов. Шьются обычно покровом, как и обычные летние ровдужные пимы селькупов. Материалом для пошивки пимов (шаманских) является шкура дикого оленя-самца. ... Над пальцами прикрепляется изображение "қорқытқаты" — медвежьих ногти. Спереди на голяшке пимов прикреплена железная пластинка "кункы лълэлъ кзы" — голенной кости железо...» [Прокофьева, 1949, с. 367].

А. Кулиш: «Обувь, традиционная, селькупская. Рисунок на обуви символизирует лапы медведя. Но в идеале к обуви должны были быть пришиты подвески — металлические, длинные, олицетворяющие кости ног. Вероятнее всего после смерти шамана подвески сняли».

Колотушка (ЯНМ-1085/5) изготовлена в виде лопаточки. Рукоять округлая, тонкая, рабочая часть уплощена и расширяется к концу. На лицевой части резьба по кости — по краям зигзагообразный орнамент, в центре кружки с отверстием в центре. Размеры: 38,0x8,0 см. Материалы: дерево, мех, кость.

А. Кулиш: «Данная колотушка изготовлена из шкуры со лба медведя. А так как медведь — дух Нижнего мира, колотушка использовалась для камлания в Нижний мир. У сильного шамана было несколько колотушек для камлания в разные миры».

У некоторых шаманов имелись колотушки, сделанные из кедра и обклеенные шкурой со лба медведя (у шаманов рода Орла), или шкурой с лапы медведя (у шаманов рода Кедровки). Они употреблялись шаманом при камлании только в «подземном мире» [Прокофьева, 1949, с. 344].

А. Кулиш: «Основой колотушки является костяная пластина с орнаментом убя (тімы). К сожалению, рукоять отломлена, впрочем, ее могли сломать целенаправленно, после смерти шамана. Или же сам шаман мог испортить после приобретения (изготовления) нового бубна и колотушки. Известно ведь, что шаман с приобретением силы менял их на более «сильные»».

После смерти родственника-шамана колотушка уничтожалась вместе с бубном. С нее снималось и сохранялось лишь металлическое изображение «лоз'а», которое в последствии приделывалось к новой колотушке. Новая колотушка обязательно «оживлялась вместе с бубном» [Прокофьева, 1949, с. 345].

А. Кулиш: «Колотушка использовалась не только для камлания, но и для своего рода гадания. Шаман брал в руки колотушку, не за рукоять, а обратную часть и подбрасывал в воздух. То, как падала колотушка. Говорила о том, может ли шаман приступить к камланию. Если ворсом вверх — нет. Значит, духи чем-то недовольны. Часто так случалось, если в доме находился русский. Можно было перекинуть три раза. Если результат не менялся — камлание откладывалось».

Колотушка являлась главным орудием шамана. В начале сеанса камлания шаман, после призывания духов, желая узнать, какая предстоит ему «дорога», делал перерыв, отдавал бубен греть, а сам в это время кидал колотушку. При этом он брал ее за конец лопасти (не за рукоятку) и подбрасывал таким образом, что она до падения на пол переворачивалась в воздухе. Падение колотушки раскрашенной стороной вверх считалось хорошим знаком, и наоборот, падение стороной, оклеенной мехом, — плохим признаком. Кидали колотушки три раза» [Прокофьева, 1949, с. 345].

Если колотушка падала «плохо» шаман пел и спрашивал духов о причине недовольства. Просил разрешения перекинуть вновь. Порой причинами недовольства духов было присутствие чужаков (юраков, русских), или поза одного из сидящих. Камлание продолжалось только после «исправления ошибок».

Материалы, предложенные в данной статье, не являются попыткой предоставления совершенно новой информации относительно шаманских атрибутов. Безусловно, самыми полными останутся описания советских этнографов. Вместе с тем, это является наглядным примером сохранения (пусть и не в полной мере) у некоторых из представителей народа сакральных знаний об атрибутах шамана. И вполне возможно, что именно совместная работа проводимая сотрудником музея и носителем культуры позволит наиболее полноценно описать экспонаты, восстановить сведения о сдатчиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карзанова Г.А. Мамонт в мифологии селькупов // Научный вестник № 1 (90). История и культура ЯНАО: взгляд из музейных хранилищ. К 110-летию основания музея в Обдорске. Тюмень, 2016. С. 19–22.
- Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана / Е.Д. Прокофьева // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XI. С. 335–375.
- Степанова О.Б. Сакральное знание селькупов: почему молчат информанты. [Электронный ресурс] Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. — http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-260-9/978-5-88431-260-9_31.pdf (дата обращения 10.09.2016).

TRADITIONAL AND SCIENTIFIC INTERPRETATION
OF THE OBJECTS OF THE SELKUP SHAMAN CULT FROM
THE COLLECTIONS OF MUSEUM
AND EXHIBITION COMPLEX NAMED AFTER I.S. SHEMANOVSKY

The study of the shaman cult attributes, stored in the collections of Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky is conducted by the method of literature analysis and description of exhibits by the representative of the culture.

Keywords: Yamal-Nenets Autonomous District, Museum and Exhibition Complex, ethnography, shaman's attributes, the Selkups.

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЗАГОТОВКИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются децентрализованные заготовки продуктов питания в Ямало-Ненецком национальном округе (с 1977 г. Ямало-Ненецкий автономный округ) в период Великой Отечественной войны. На основе документов Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, а именно, фондов Ямало-Ненецкого окружного исполнительного комитета и Плановой комиссии Ямало-Ненецкого окружного исполкома. Децентрализованные заготовки проводились торговыми организациями (местными и областными) и организациями общественного питания и предполагали закупку у предприятий и населения мяса, дичи, рыбы, молока, овощей, дикорастущих растений и грибов. Территориальные рамки статьи определяются границами Ямало-Ненецкого национального округа, образованного 10 декабря 1930 г. с учетом территориально-административной реформы 1944 г.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий национальный округ в годы Великой Отечественной войны, децентрализованные заготовки продуктов питания, заготовительные организации, архивные документы Ямало-Ненецкого государственного архива.

К вопросам состояния и развития различных отраслей экономики Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны историки обращались не раз. Роль Советского севера в целом и рыбной промышленности Обь-Иртышья в частности в годы Великой Отечественной войны изучены в работах Ю. П. Прибыльского. [Прибыльский, 1986. С. 280].

Развитию рыбной промышленности в Ямало-Ненецком национальном округе периода 1941-1945 гг. посвящена монография Л. В. Алексеевой [Алексеева, 2015. С. 169], в которой на основе обработки широкой группы источников подробно изучены особенности рыбной промышленности Ямало-Ненецкого национального округа, на основе этого рассмотрена модель экономики мобилизационного типа. Истории Ямала в годы Великой Отечественной войны посвящен отдельный раздел «Время испытаний: Ямал в годы Великой Отечественной войны» двухтомной «Истории Ямала» [История Ямала, 2010, 368с.] Коллектив авторов рассмотрел особенности перестройки хозяйства округа на военный лад, развитие основных отраслей округа в военное время, состояние сельского хозяйства в условиях военного времени, в том числе оленеводства. Историк Н. В. Гриценко [Гриценко, 2004. С. 336] в своей книге «История Ямальского Севера в очерках и документах» на основе архивных документов проводит исследование экономической и социально-политического состояния округа в военные и послевоенные годы.

Проблема общего состояния и развития экономики и ее отраслей Ямало-Ненецкого национального округа периода 1941–1945 гг. — одна из обширных тем истории Ямало-Ненецкого автономного округа, которая включает в себя множество аспектов и проблем. В сложный период войны, когда основные сельскохозяйственные районы страны были захвачены врагом, природные ресурсы Сибири сыграли важную роль в обеспечении фронта и тыла продуктами питания.

Заготовки продуктов питания для фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны в условиях плановой экономики в Советском Союзе делись на две группы: первая — централизованные заготовки — сельскохозяйственная продукция закупалась государством в соответствии с планом для создания общегосударственного фонда продовольствия и сырья; вторая децентрализованные заготовки — продукция закупалась у населения государственными торговыми организациями и организациями общественного питания.

Цель децентрализованных заготовок, говоря словами документов военного времени, «с максимальным использованием местных ресурсов — больше дать продукции стране» [ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп.1. Д. 51а. Л.41], а именно, обеспечить продуктами питания население округа и области (предоставить возможность проводить закупки на территории округа областными заготовительными организациями).

Цель данной статьи — изучить децентрализованные заготовки продуктов питания в Ямало-Ненецком

национальном округе (с 1977 г. Ямало-Ненецкий автономный округ) в 1941–1945 гг. на основе документов Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, а именно, фондов Ямало-Ненецкого окружного исполнительного комитета [ГА НАО Ф. 3.] и Плановой комиссии Ямало-Ненецкого окрисполкома [ГА ЯНАО Ф. 38.]. Это делопроизводственные документы и статистические материалы, в частности, протоколы заседаний исполкомов, постановления окружных властей, отчеты окр- и облизполкомов о хозяйственной деятельности, справки и обзоры кампании по детализованным заготовкам в регионе.

На начало войны Ямало-Ненецкий округ входил в состав Омской области с административным центром в городе Омск, общая численность населения округа в 1941 г. составляла 46 668 человек [Михайлев, 2010. С. 42.]. В 1944 г. на основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 августа 1944 г. округ вошел в состав Тюменской области. Территория округа и количество населения увеличились за счет присоединения Красноселькупского района (ранее территория Красноярского края, вместе с населением около 2 тыс. чел.) [Корнилов и др., 2013. С. 45.] Кроме того, численность жителей была увеличена за счет эвакуированного из районов военных действий и депортированного населения. Таким образом, в 1945 г. общее число жителей составило 49 175 чел. [Михайлев, 2010. с 42.] Общая площадь округа до 1944 г. составляла 676 000 кв. км, после увеличилась до 780 000 кв. км. [ГА ЯНАО Ф. 3 Оп. 1 Д. 41. Л. 84.]

Площадь округа, количество населения, плотность его проживания, наличие удаленных поселков и т. п., безусловно, влияли на ход и результаты заготовительных мероприятий. Но, прежде всего, содержание децентрализованных заготовок определялось природными ресурсами, сосредоточенными на территории округа и, соответственно, спецификой хозяйственной деятельности населения.

В 40-е гг. XX в. основными отраслями экономики региона были рыбная промышленность (так, только за годы войны округ поставил на фронт 810 000 центнеров рыбы) [ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 82.], оленеводство (округ занимал второе место по поголовью оленей во всем Советском Союзе после Чукотского Национального округа) [ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 103. Л. 208.], охотохозяйство (являлось важной отраслью экономики округа, охота велась бригадами охотников, которые отлавливали и отстреливали пушного зверя, боровую и водоплавающую дичь) [ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д.1 00. Л. 206 об.].

Кроме традиционных видов природопользования (рыболовство, оленеводство, охота) в Ямало-Ненецком национальном округе в первой половине XX в. колхозы выращивали сельскохозяйственную продукцию, развивалось животноводство [ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д. 100. Л. 207 об.]. Ко всему перечисленному необходимо добавить, что на территории округа произрастают дикорастущие растения, которые употребляются человеком в качестве пищевых продук-

тов и в лекарственных целях. К таковым относятся грибы, ягоды и лекарственные травы.

Естественно, что имеющиеся природные богатства стали основой для продовольственной заготовительной деятельности (централизованных и децентрализованных заготовок) на территории округа в годы Великой Отечественной войны. Децентрализованные заготовки предполагали закупку у предприятий и населения мяса, дичи, рыбы, молока, овощей, дикорастущих растений и грибов.

Децентрализованные заготовки проводились торговыми организациями (местными и областными) и организациями общественного питания, кроме того, «прочими децентрзаготовителями» числились больницы, школы-интернаты и другие детские учреждения, которые осуществляли заготовку продуктов питания для собственных нужд.

Руководство потребительской кооперацией на местном уровне с 1938 до 1943 г. осуществлялось Ямало-Ненецким окружным союзом потребительских обществ (Окрпотребсоюз), сеть которого состояла из 6 подведомственных районных потребительских обществ: Надымского, Приуральского, Пуровского, Тазовского, Шурышкарского и Ямальского, а также Салехардского городского потребительского общества, торговой базы, пушной конторы и торгово-кооперативной школы [ГА ЯНАО Ф. 54 Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения].

В 1943 г. Ямало-Ненецкий окружной союз потребительских обществ был реорганизован в Ямало-Ненецкий окружной рыболовный потребительский союз (Окррыболовпотребсоюз), подчинявшийся Омскому областному союзу рыболовецкой кооперации (Облрыболовпотребсоюз), а с 1944 г. — Тюменскому областному рыболовному потребительскому союзу [ГА ЯНАО Ф. 54 Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения].

С изменениями административно-территориального деления округа в 1944 г. расширилась и изменилась торговая сеть, были организованы новые рыболовные кооперативы: Антипаютинский, Гыдоямский, Красноселькупский, Кушеватский, Новопортовский. При Окррыболовпотребсоюзе стали действовать: окружная заготовительная контора, стройконтора, транспортно-экспедиционная база, Халесавинское промыслово-охотничье хозяйство [ГА ЯНАО Ф. 54 Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения].

Окррыболовпотребсоюз выполнял следующие функции: организовывал завозы товаров в округ, координировал действия районных рыболовецких кооперативов, организовывал заготовку сельхозпродуктов, пушнины, мехового сырья, строительство торговых предприятий, контроль над обслуживанием производственных промыслов [ГА ЯНАО Ф.54 Оп.1.Предисловие к описи дел постоянного хранения].

Кроме местных заготовителей в годы войны децентрализованными заготовками продуктов питания на территории округа занимались областные органи-

зации: Транспортная организация питания дорожного устройства Омской железной дороги, Омский трест столовых отдела торговли областного исполкома наркомата торговли РСФСР, Отдел рабочего снабжения Нижне-Иртышского речного пароходства пристани Салехард, Омское отделение Военторга Сибирского военного округа и Тюменское отделение Военторга Уральского военного округа [ГА ЯНАО Ф. 54 Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения].

Транспортная организация питания дорожного устройства Омской железной дороги с 1940 г. проводила децентрализованные заготовки сельскохозяйственных продуктов для общественного питания и снабжения транспортников города Омска, заготовка проводилась собственным аппаратом, а также путем закупок у организаций во всех районах округа [ГА ЯНАО Ф. 3 Оп. 1. Д. 11. Л. 190].

Отдел рабочего снабжения Нижне-Иртышского речного пароходства пристани «Салехард» в 1940–1943 гг. числился заготовителем, но обслуживал лишь работников водного транспорта пристани «Салехард» (была организована молочная ферма и выращивали свиней) [ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 100 Л. 134].

Омское отделение Военторга Сибирского военного округа и Тюменское отделение Военторга Уральского военного округа заготовки проводили с 1942 г. для нужд подведомственных военных организаций.

Омский трест столовых отдела торговли областного исполкома проводил заготовки с 1943 г. для нужд организаций общественного питания города Омска. Действовала организация в Ямальском (севернее Нового Порта), Приуральском и Шурышкарском районе [ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 100. Л. 134].

В октябре 1942 г. Ямало-Ненецкий окрисполком принял решение «обязать все заготовительные организации в основу своей работы положить вылов рыбы в неосвоенных водоемах Омгосрыбтрестом и колхозами округа, а также заготовку мяса диких животных и боровой дичи, считая, эти виды заготовок должны быть преобладающими в общем плане заготовок, обязать исполкомы райсоветов установить строжайший контроль за деятельностью заготовителей, не допуская разбазаривания оленопоголовья, привлекая виновных к суровой ответственности» [ГА ЯНАО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 99. Л. 18].

Заготовительные организации должны были направить в первую очередь свою деятельность на децентрализованную заготовку рыбы. Это решение было связано с тем, что рыбная промышленность являлась ведущей отраслью экономики Ямало-Ненецкого национального округа. Кроме того, в соответствии с нуждами военного времени правительство СССР разработало новую программу освоения восточных водоемов, изложенную в Постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам ... 1968г. С. 61]. Данная про-

грамма послужила фактором существенного увеличения нормы добываемой рыбы в округе [Прибыльский, 2008. С. 93].

Но, несмотря на вышеназванное решение окрисполкома, заготовительные организации в основном проводили закупку мяса. Среди всех категорий заготавливаемых продуктов, заготовки рыбы по объему были на втором месте после мяса (табл.1). Главной причиной было отсутствие технической базы для заготовки рыбы. При этом для заготовки мяса не требовалось дополнительных усилий, достаточно было его просто купить у колхозов и единоличных собственников [ГА ЯНАО Ф. 38 Оп1. Д. 100. Л. 86.].

Таблица 1.

Динамика децентрализованных заготовок по Ямало-Ненецкому округу в тоннах и литрах (для молока) по годам за период с 1941–1945 гг.

Наименование продукта	1941 год	1942 год	1943 год	1944 год	1945 год	Итого
Мясо	766	1014	817	361,1	105,9	3094
Рыба	564	515	456	0	606,3	2141,3
Дичь	27	31	23	29	27,5	137,5
Ягоды дикорастущие	20	61	100	33,9	41,6	256,5
Грибы	1	5	6	0,7	86,4	99,1
Овощи	126	94	425	24,3	26,3	695,6
Молоко, (тысяч) литров	232	136	270	0	118	756

Составлено по: ГА ЯНАО Фонд 38, Оп. 1. Д. 100, Л. 133. Фонд 38. Оп. 1. Д. 101. Л. 61.

Данные Таблицы 1 позволяют сказать, что заготовка по таким категориям продуктов как дичь, ягоды, грибы и дикорастущие растения, производилась заготовительными организациями не качественно, в основном нормы плана по сбору данной продукции не выполнялись [ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 100. Л. 133].

Предпринимаемые окружными властями меры для улучшения показателей закупки дичи, дикорастущих растений и грибов, а именно организация соцсоревнований между бригадами, колхозами, установка палаток, ларьков в местах массового сбора грибов и ягод, привлечение всего свободного от добычи рыбы и сенокоса населения, не помогали [ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51а. Л. 41].

К тому же, как видно из таблицы 1, показатели сбора дикорастущих растений, грибов и дичи значительно менялись каждый год. Это связано со следующими факторами: 1) благоприятные условия для проведения охоты и сбора дикорастущих растений и грибов; 2) наличие технической базы (организация заготовительных пунктов приема сдаваемой продукции, количество боеприпасов и орудий лова у охотников); 3) наличие рабочей силы для организации сборов и охоты.

Заготовки продуктов сельского хозяйства (овощи и молоко) в основном проводились местными заготовительными организациями, так как были направлены

на обеспечение сельскохозяйственными продуктами округа на основе собственной продовольственной базы, в виду того что «в годы войны завоз на Север сельскохозяйственной продукции прекратился. Ресурсы для пополнения продовольственной базы округа приходилось находить на местах» [История Ямала, 2010. С. 289].

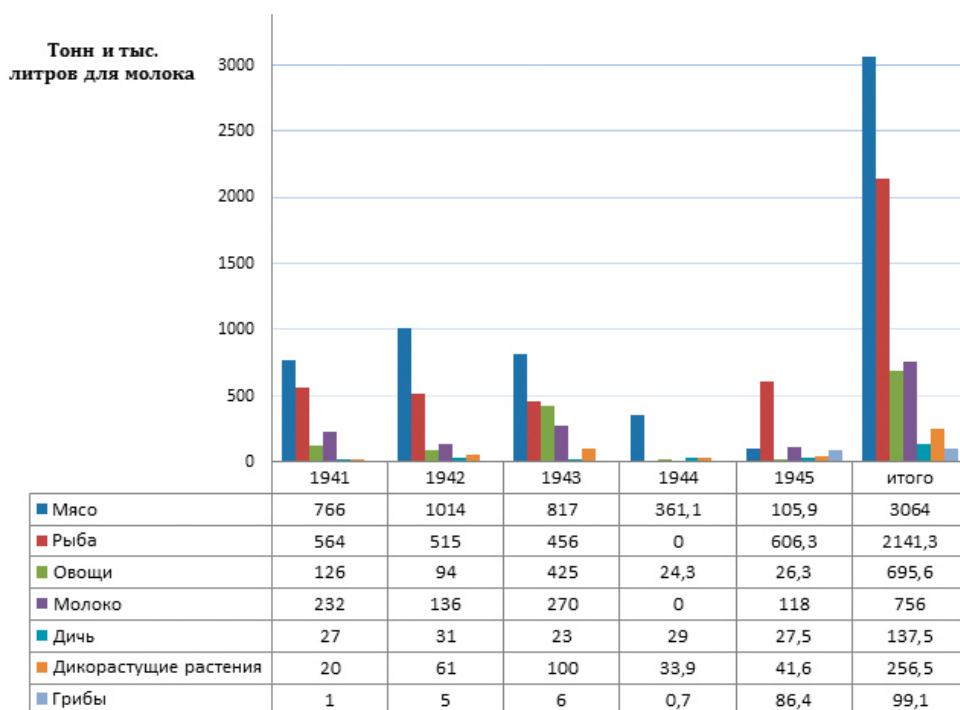
Для улучшения качества и работы децентрализованных заготовителей в округе полномочным представителем окружного уполномоченного наркомата заготовок СССР в 13 февраля 1944 г. [ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 100. Л. 134], были предложены следующие организационные мероприятия: «Снять с заготовок из округа допущенных основным децентразаготовителем Омский и Тюменский Военторги, Омский трест столовых. Считать прочим децентразаготовителем ОРС НИРП пристани Салехард, не считая его основным децентрализованным заготовителем в округе. Оставить ДОРУС Омской железной дороги основным децентрализованным заготовителем в округе. Обязать государственную заготовительную организацию Заготживсырье — вести в округе сеть агентов и заготпунктов в районах, со сдачей — заготавливаемой продукции по указанию местных органов (Округотдела) на месте в округе» [ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д. 100. Л. 134.]. После проведенных изменений в 1944–1945 гг. показатели объемов децентрализованно заготавливаемой продукции уменьшились, ввиду уменьшения количества организаций, считавшихся децентрализованными заготовителями.

В частности, снизились заготовки оленьего мяса, что могло бы стать положительным фактором сохранения поголовья оленей. Но, судя по отчетным документам, этого не произошло: за годы войны «с 1941 по 1944 годы поголовье оленей уменьшилось на 37 %» [ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 95.]. Во-первых, как отмечалось в отчете Ямало-Ненецкого обисполкома, к этому привело «нарушение принципа комплексности ведения хозяйства колхозов, подчинения всей хозяйственной деятельности колхозов задачам развития рыбного промысла, игнорирование в связи с этим других отраслей хозяйства, в том числе оленеводства» [ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41 Л. 95.]. И, как следствие, «переключение лучших кадров оленеводства в рыбный промысел, бесконтрольная и чрезмерная эксплуатация оленей на зимнем промысле и перевозках рыбы, повлекшая за собой массовое истощение и гибель оленей» [ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 95.]. Во-вторых, важной причиной сокращения поголовья оленей в округе в годы войны была децентразаготовительная деятельность, в ходе которой за период 1941–1943 гг. (до введения ограничений деятельности заготовительных организаций в округе) децентрализовано было заготовлено 2 597 тонн мяса.

Лишь в конце войны, весной 1945 г., были приняты меры для восстановления оленеводства в Ямало-Ненецком округе [ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 96]. Итак, диаграмма 1 наглядно демонстрирует соотношение объемов заготовок продукции основных продовольственных категорий, а также итоговые цифры.

Диаграмма 1

Общий объем децентрализованных заготовок по Ямало-Ненецкому национальному округу с 1941–1945 гг. Составлено по: ГА ЯНАО Фонд 38. Оп. 1. Д. 100. Л. 133., Фонд 38. Оп. 1. Д. 101. Л. 61.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Нижневартовск: Изд-во Нижне-варт. гос. ун-та, 2015. 169 с.
- Гриценко Н.В. История Ямальского Севера в очерках и документах. Омск: Книжное изд-во, 2004. 336 с.
- История Ямала: в 2-х томах / под.общей ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Том II: Ямал современный. Кн 1. У истоков модернизации / под. ред. К.И. Зубкова и др. 368 с.
- Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., Оруджиева А.Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург: АМБ, 2013. 356 с.
- Михайлев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (историко-демографический анализ) / Н.А. Михайлев; научн. Редактор Г.Е. Корнилов; Ин-т истории и археологии Уро РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 196 с.
- Прибыльский Ю.П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX веке / Ю.П. Прибыльский [отв. ред. О.Н. Науменко, А.А. Вавилов]. Тобольская биологическая станция РАН. М: Наука, 2008. 235 с.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам Т. 3. (1941–1952гг). Сборник документов за 50 лет. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 11 Л. 190.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 82.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 84.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41 Л. 95.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 41.Л.105.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1. Д. 51а. Л. 41.
- ГА ЯНАО Ф. 3. Оп. 1.Д.51а. Л.41.
- ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д. 100 Л.134.
- ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д. 100. Л. 207 об.
- ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д. 100. Л. 206 об.
- ГА ЯНАО Ф. 38 Оп. 1 Д. 103. Л. 208.
- ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д 101. Л.101.
- ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 100 Л. 133.
- ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 100. Л.86.
- ГА ЯНАО Ф. 38. Оп. 1. Д. 99. Л.18.
- ГА ЯНАО Ф. 54. Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения.

DECENTRALIZED FOOD STOCKING
IN THE YAMAL-NENETS NATIONAL DISTRICT DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with decentralized food stocking in the Yamal-Nenets National District (since 1977 – Yamal-Nenets Autonomous District) in the period of the Great Patriotic War. On the basis of documents of the State Archive of the Yamal-Nenets Autonomous District, namely, the funds of the Yamal-Nenets District Executive Committee and the Planning Commission of the Yamal-Nenets District Executive Committee. Decentralized food stocking was conducted by trade organizations (regional and local) and organizations of public catering and consisted in purchasing meat, wildfowl, fish, milk, vegetables, wild plants and mushrooms from enterprises and households. The territorial scope of the paper is determined by the Yamal-Nenets National District boundaries, established on 10 December 1930, with consideration of the administrative-territorial reform of 1944.

Keywords: *Yamal-Nenets National District during the Great Patriotic War, decentralized food stocking, procurement organizations, archival documents of the Yamal-Nenets State Archive.*

ЧЕЛОВЕК И СИСТЕМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941 – 1945 ГГ.)

В статье исследуется эволюция системы спецпоселений Северо-Западной Сибири в период Великой Отечественной войны. Автор приходит к выводу о трансформации режимного пространства под воздействием обстоятельств военного времени: система режимных поселений перестала существовать в «классическом» виде, поскольку в годы войны был осуществлен вынужденный отход от «поселкового» принципа к дисперсному расселению спецпереселенцев среди местного населения.

Ключевые слова: спецпереселенцы, режимная среда, режимное пространство, депортация, репрессии.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15-31-01231 «а2».

В современной историографии принято выделять войну как особую фазу трансформации режимного пространства. С. А. Красильников, указывая (вслед за В. Н. Земсковым [Земсков, 2005. С. 21]), на постепенное сближение статуса спецпереселенцев и гражданского населения, говорит о «пульсировании режимного пространства», т. к. режим периодически то смягчался, то ужесточался [Красильников, 2010. С. 160].

Рассмотрим трансформацию режимного пространства военного времени на материалах отдельного субрегиона. В 1930–1940-е гг. на территорию Северо-Западной Сибири было осуществлено несколько принудительных миграций. Одним из результатов проведения репрессий стало формирование разветвленной системы спецпоселений.

В начале 1930-х гг. регион принял более 30 тысяч «раскулаченных» крестьян [Брагина, 2002. С. 7]. И к началу Великой Отечественной войны среди различных категорий «спецконтингента» преобладали именно они. Оформившаяся к тому времени система административного контроля над ними именовалась системой трудпоселений, а сами ссыльные — трудпоселенцами¹.

Режим, существовавший на трудпоселении к началу войны, определялся «Временным положением о правах и обязанностях спецпереселенцев» от 25 октября 1931 г. Согласно этому положению, спецкомендант осуществлял на территории поселка административные функции органов советской власти, а спецпереселенцы были обязаны заниматься «общественно полезным трудом», не имея права без его ведома покидать спец(труд)поселок [Политбюро и крестьянство ... С. 536-541, 1040].

Во втором разделе «Временного положения...» отмечалось, что спецпереселенцы и их семьи прикреплены к определенным поселкам и даже домам, что являлось отличительной чертой системы спецпоселений [Политбюро и крестьянство ... С. 537].

«Временное положение ...» утратило силу лишь 8 января 1945 г., когда были приняты постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» и «положение о спецкомендатурах НКВД». Этими актами было унифицировано правовое положение и режим спецпоселения различных контингентов спецпереселенцев, прибывших на спецпоселение в последние годы войны [Ссылка калмыков: как это было, 1993. С. 182–184]. Основные административные функции комендантов и обязанности спецпереселенцев были сохранены, но пункт в котором говорилось о прикреплении спецпереселенцев к конкретному поселку и дому отсутствовал, его сменила расплывчатая формулировка о запрещении покидать «район расселения, обслуживаемый данной спецкомендатурой» [Бугай, 1992. С. 125–126]. Как мы покажем ниже, указанное изменение не было случайным.

На 1 июля 1941 г. система трудпоселений включала 6 районных комендатур (в Ларьякском районе Ханты-Мансийского округа комендатуры не было) и 51 трудпоселок. Под контролем комендатур Северо-Западной Сибири проживало 23 500 трудпоселенцев, что составляло 66 % от общего количества трудпоселенцев на территории всей Омской области [Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1996. С. 284–285].

¹ До 1934 г. «трудпоселенцы» именовались «спецпереселенцами».

Дислокация трудпоселков на территории Северо-Западной Сибири на 1 июля 1941 г.
[Спец переселенцы в Западной Сибири, 1996., С. 284–285]

Наименование трудпоселков	Где работают и в систему какого наркомата входят	Семей	Человек
Ханты-Мансийский округ			
<i>Березовский район</i>			
Ванзетур	с/х артель, ЛПХ, НКЗем и НКЛес ²	134	513
Лопхари	«	67	216
Игрим	«	140	524
Устрем	«	88	312
Итого по району:		429	1565
<i>Кондинский район</i>			
Лиственичный	с/х артели и леспром	192	714
Рябиновский	«	165	479
М. Новый	«	156	503
Ягодный	«	110	333
Сумпанин	«	78	268
Совменаш	«	74	222
Дальний	«	87	266
Итого по району:	«	862	2785
<i>Сургутский район</i>			
Н. Покур	с/х артели и леспром	75	307
Нагорный	«	71	361
Погорельский	рыбтрест, НКРыб	69	313
Черный Мыс	«	180	694
Баннный	«	58	282
В. Мыс	«	109	448
Песчаный ³	«	65	239
Озерный	«	52	258
Заря	«	138	526
Ямской	«	75	321
Итого по району:		892	3749
<i>Самаровский район</i>			
Черемухово	с/х артель, ЛПХ и рыбтрест	128	606
Добрино	«	68	328
Ярки	«	28	137
Нялинское	«	119	547
Луговой	«	184	653
Кедровый	«	73	290
Урманый	«	120	471
Горный	«	45	203
Каменное	«	58	237
Рыбный	«	282	1093
Кирпичный	«	86	453
Реполово	«	106	456

² С/х артель — сельскохозяйственная артель, т. е. колхоз; ЛПХ — леспромхоз; НКЗем — народный комиссариат земледелия; НКЛес — народный комиссариат лесной промышленности.

³ Так в документе.

Дислокация трудпоселков на территории Северо-Западной Сибири на 1 июля 1941 г. (продолжение)

МТФ ⁴	«	23	102
Перековка	«	294	1375
Итого по району:		1614	6951
Микояновский район			
Большой Камень	с/х артель, ЛПХ и рыбрест	142	560
Аидра	«	111	415
Осиновка	«	62	245
Быстрый	«	102	374
Перегребное	«	203	788
Карамкары	«	70	283
Заречный	«	90	373
Подгорный	«	110	434
Итого по району:		890	3472
Итого по Ханты-Мансийскому округу:		4687	18522
Ямало-Ненецкий округ г. Салехард			
Горки	с/х артель, ЛПХ и рыбрест	173	755
Питляр	«	49	260
Комбинат	«	430	1566
Аксарка	«	193	829
Пуйко	«	71	232
Шуга	«	89	341
Новый Порт	«	181	681
Таз	«	77	314
Итого по Ямало-Ненецкому округу:		1263	4978
Итого по Северо-Западной Сибири:		5950	23500
Всего по Омской области		9220	35626

Приведенные данные, однако, не полны, т. к. содержат сведения только о численности контингентов трудпоселков. Но дело в том, что в 1940 г. на территорию области прибывают польские граждане — «осадники» и «беженцы». Они в официальных документах именуется спецпереселенцами II и III категории, и для них в районах лесных разработок Наркомлеса организуются спецпоселки [Игнатова, 2009. С. 84]. Их расселяют на территории Ханты-Мансийского округа: в Самаровском (спецпоселок Сойма), Кондинском (Верхняя Баранка) и Микояновском (Лорба) районах. К 1 января 1941 г., насчитывалось 519 семей (1048 человек) спецпереселенцев-«беженцев», из которых: 99 человек — поляками, а 942 — евреями, 8 — представители других национальностей [ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 122. Л. 202]. Всего в спецпоселках Омской области к 1 апреля 1941 г. находилось 6946 «осадников» и 1592 «беженца» [Земсков, 1990. С. 7].

В результате можно говорить о параллельном существовании в первые месяцы войны труд- и спецпоселков. Главной целью подобного разграничения было отделение польских граждан от ссыльных крестьян. Реальные отличия в статусе труд поселенцев и польских граждан заключались в том, что с последними не заключались индивидуальные договора, им не выдавались кредиты на индивидуальное строительство и приобретение скота [Игнатова, 2009. С. 84].

В сентябре 1941 г. директорам учреждений, использующих труд польских граждан, была направлена информация о том, что в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 12 августа 1941 г. и Омского облисполкома от 29 августа 1941 г. польские граждане имеют право свободного выбора места жительства и работы [ГАХМАО Ф. 58. Оп. 4. Д. 26. Л. 23]. Это означало снятие с учета на спецпоселении.

⁴ МТФ — молочно-товарная ферма.

В результате к концу первого года войны на поселении остались только «бывшие кулаки» и фактически разделение на спец- и трудпоселки перестало существовать.

Необходимо отметить, что каждый поселок имел свою специализацию, так как трудпоселенцы каждого населенного пункта были закреплены за определенным предприятием, с которым отдел спец-трудпоселений областного УНКВД заключал договор на предоставление в его распоряжение рабочей силы (т. е. трудпоселенцев) [ГА ТюмО Ф. 1785. Оп. 5. Д. 182. Л. 2–5]. По состоянию на 1 декабря 1941 г. в 43 трудпоселках Ханты-Мансийского округа трудпоселенцы были распределены следующим образом: в 13 поселках закреплены за Обьгосрыбтрестом; в 6 — часть была передана Обьгостыбтресту, а часть в колхозы; в 12 — за Обьлестрестом; в 2 — часть за Обьлестрестом, а часть за колхозами; в 10 — за колхозами. В поселках Ямало-Ненецкого округа: 6 — за Обьрыбтрестом; 2 (в Шурышкарском районе) — за колхозами [ИсАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 2709. Л. 74–77].

С начала 1942 г. начинается подготовка к приему новой группы депортированных. Все усилия властей были направлены на изыскание свободной жилплощади для новых переселенцев. Не случайно, 17 апреля 1942 г. окружком и окрисполком ходатайствовали о возможности размещения новых «спецконтингентов» в «полностью освободившихся поселках ... построенных в 1941 г., для размещения польских граждан ... выехавших из своих поселков» [ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 633. Л. 54]. Но и обращения к областному руководству не могли исправить сложившееся положение: к моменту начала завоза (по данным на 13 мая 1942 г.) в районах предполагаемого заселения пригодными для проживания были признаны лишь 9 возведенных силами Омгосрыбтреста срубов из 500 (!) запланированных к возведению в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах [ИсАОО Ф. 17. Д. 3207. Л. 17]. Расчеты производственных начальников не оправдались [ГАТюмО Ф. 1785. Оп. 1. Д. 1350. Л. 136]. Так, по Ханты-Мансийскому округу план строительства жилья был выполнен лишь на 34,2 % [ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 633. Л. 28]. Провал «строительной эпопеи» означал, что в условиях войны округ не в состоянии обеспечить строительство новых поселков для прибывающих спецпереселенцев.

Завоз переселенцев производился с конца мая по октябрь, всего на территорию округов в навигацию 1942 г. прибыло 6994 человека, на 6628 человек [ГАХМАО Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 88].

Национальный состав депортированных был пестрым, на Север в навигацию 1942 г. прибыли: немцы, финны, русские, украинцы, молдаване, румыны и др. [ГАХМАО Ф. 118. Оп. 2. Д. 11. Л. 45–54 об.]. Если мы посмотрим на этот вопрос с точки зрения органов НКВД, то получится, что на спецпоселение прибыли два контингента: «спецпереселенцы-немцы» и «ссылнопоселенцы». Но, так как округ не смог изыскать нужного количества жилья, депортантов приходилось селить «где придется» и «на уплотнение», что означало не только

отход от практики разделения на труд- и спецпоселки, но и в целом от «поселкового принципа». Распространяется практика дисперсного расселения депортированных среди «правового» населения.

Помимо дефицита жилой площади этому способствовал и другой фактор. В соответствии с совместным постановлением СНК и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем востоке» [Спецпоселенцы в Западной Сибири, 1996. С. 110–112], спецпереселенцы были переданы предприятиям рыбной промышленности. Поэтому при осуществлении вторичной компенсаторной репрессии, каковой по своей сути являлось переселение 1942 г., представители трестов осуществляли предварительный отбор спецпереселенцев, под их контролем производились все мероприятия по приему, расселению и распределению по объектам работы.

Директора предприятий в отношении прибывших спецпереселенцев руководствовались «указаниями» управляющего Омгосрыбтрестом (в 1943 г. был разделен на Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий рыбопромышленные тресты) В. П. Боганова. Эти «указания» гласили: «... весь контингент, завезенный Вам в порядке переселения, поступает в полное распоряжение завода (комбината) и должен быть использован в первую очередь на лове и, во вторую очередь, на всех остальных работах, связанных с рыбной промышленностью, в основном на обработке рыбы. Учтите, что вся ответственность за завезенных Вам людей ложится полностью на Вас персонально, как директора завода ... без Вашего разрешения ни один из работников, прибывших в порядке переселения, не должен переводиться и использоваться в другом месте. Переводы и перемещения указанных работников должны производиться только с Вашего разрешения с одновременной отметкой в личном деле. Перевод из района в район допускается только с моего (управляющего треста — А. И.) разрешения или разрешения моего заместителя... В тех случаях, когда потребности завода в рабсиле полностью обеспечены, допускается временная передача переселенцев в рыболовецкие колхозы и сельхозартели (рыболовецкие бригады), причем если контингент переселяемых по каким бы то ни было причинам не может быть использован в колхозах на лову, следует произвести замену, снимая работников, занятых на подсобных работах и в сельхозяйстве из основных жителей данного колхоза, переводя их на добычу, и используя переселяемых на вспомогательных и с/х работах» [ГАХМАО Ф. 118. оп. 2. Д. 10. Л. 110].

Об усилении роли руководителей хозяйственных организаций свидетельствуют слова секретаря Сургутского РК ВКП(б) Ужинцева на заседании пленума Ханты-Мансийского окружкома, проходившего 6–7 июля 1942 г. Он говорил о том, что местные органы управления «регулировать рабочей силы передали во власть директора рыбозавода и коменданта» [ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 631. Л. 9].

Война продолжалась, и округ продолжал испытывать острейший дефицит трудовых ресурсов. Потребность в очередном завозе была особенно велика, ведь 11 апреля 1942 г. ГКО было принято постановление о призыве в действующую армию «бывших кулаков», не являвшихся на момент выселения главами семей. К 1 ноября 1942 г. мобилизация трудпоселенцев в армию завершилась. Известно, что за этот период с территории округа было призвано не менее 1200 трудпоселенцев.

Из 13 Героев Советского союза мобилизованных с территории Ханты-Мансийского округа двое были спецпереселенцами (!) Сургутской спецкомендатуры — это Тулебай Ажимов, получивший высокое звание за форсирование Вислы и Иван Васильевич Корольков, удостоенный награды за подвиг при форсировании Днепра [Серазетдинов, С. 193, 195, 201].

Приказом НКВД от 22 октября 1942 г. члены семей трудпоселенцев, призванных в Красную Армию снимались с учета трудссылки [Земсков, 1992. С. 19–20; Петрушин, 2005. С. 48]. Таким образом, освобождению из ссылки на территории округа подлежало несколько тысяч «бывших кулаков». В середине апреля 1943 г. начальник окружного отдела НКВД Куликов сообщал, что «в связи с освобождением из трудссылки ряда трудпоселенцев ... ряд поселковых комендатур рабочую силу согласно договору поставить не могут» [ГАХМАО Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 133].

В этой ситуации предприятия в серьез рассчитывали на новое спецпереселение. Оно проводилось для нужд рыбной промышленности в мае–октябре 1944 г. Анализ переписки по переселению убеждает в том, что именно приведенными выше «указаниями» управляющего рыбтрестом руководствовались производственные начальники при расселении и трудоустройстве калмыков на территории Ямала и Югры. На территорию Ханты-Мансийского округа были депортированы 5999 калмыков; Ямало-Ненецкого — 1467 [ГАТюМО Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161; ГАХМАО Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 1].

Между тем Приказом НКВД СССР от 17 марта 1944 г. на базе ОСП ГУЛАГа НКВД СССР был образован Отдел спецпоселений (ОСП) НКВД СССР. С этого времени трудпоселенцы стали официально именоваться «спецпереселенцами контингента "бывшие кулаки"», калмыки обозначались как «спецпереселенцы-калмыки» и др.

После двух масштабных переселений для нужд рыбной промышленности (1942 г. и 1944 г.) именно в рыбопромышленных организациях округа было трудоустроено подавляющее большинство спецпереселенцев. Не практиковавшаяся ранее передача депортантов в «полное распоряжение» предприятий (договора о предоставлении рабсилы между отделом спецпоселений и промышленными организациями больше не заключались), означала возрастание роли производственных организаций в организации быта и труда спецпереселенцев.

В августе 1944 г. Ханты-Мансийский округ принял 664 человека, выселенных из Рязанской и Орловской областей. Это были представители одного из течений

катакомбной церкви — «истинно-православные христиане». Попав на спецпоселение, они в документах получили наименование «спецпереселенцы-сектанты» или «спецпереселенцы-ИПХ». В соответствии с указанием НКВД СССР расселение было произведено в Березовском, Самаровском и Микояновском районах в существующих спецпоселках, где проживали спецпереселенцы-«бывшие кулаки» [ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 264].

На наш взгляд, приведенные сведения говорят не только о существенном усилении роли хозяйственных органов в отношениях с системой спецпоселений НКВД, но и показывают изменения, которые произошли в этой структуре. Не случайно в распоряжении управляющего трестом нет ни слова о спецпоселках. Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, отмечал: «в абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т. е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171].

Эти слова с полным основанием могут быть отнесены к территории Северо-Западной Сибири. Так, количество спецкомендатур в Югре увеличилось с 5 до 17, при увеличении количества опекаемых населенных пунктов с 43 до 133, что создавало большие проблемы в «оперативном обслуживании», т. к. количество спецпереселенцев в округе возросло не так значительно, на учете спецкомендатур округа (на 1 июля 1945 г.) находился 21 471 спецпереселенец. Это естественным образом приводило к возрастанию дисперсности расселения в несколько раз. Не случайно в официальных сводках теперь говорилось не о «дислокации трудпоселков и трудпоселенцев в них», а о «дислокации спецпереселенцев».

Существенно изменился и состав спецпереселенцев. К 1 июля 1945 г. на спецпоселении в Северо-Западной Сибири находилось несколько контингентов спецпереселенцев: калмыки — 6908 (в Югре — 5700; на Ямале — 1208); ссыльнопоселенцы — 6309 (в Югре — 2885; на Ямале — 3424); немцы — 1597 (в Югре — 953; на Ямале — 644); «бывшие кулаки» — 14273 (в Югре — 11304; на Ямале — 2969); «сектанты» — 629 человек расселенных на территории Югры [ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 260. Л. 92–109].

В результате нескольких волн принудительных миграций количество спецпереселенцев на территории округа изменилось не сильно, но при этом существенно изменился их состав. Если в начале войны практически весь контингент спецпереселенцев составляли «бывшие кулаки» (высланные по социальному призна-

ку крестьяне), то к концу войны в составе спецпереселенцев значительную часть составляли представители «наказанных народов».

Изменилась и система спецпоселений. Она расширилась и охватила все районы округов, но, вместе с тем, перестала существовать в «классическом» виде, поскольку в годы войны был осуществлен вынужденный отход от «поселкового» принципа, т. е. расселе-

ния депортированных в спецпоселки и постройки новых отдельных поселений для них. Война заставила расселять новые контингенты спецпереселенцев дисперсно, среди «правового» населения. В силу этих обстоятельств изменилось и жизненное пространство вынужденных переселенцев, которые получили возможность, как парадоксально это не звучит, свободнее перемещаться в пределах системы спецпоселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брагина Е.М. Предисловие // Политические репрессии 1930–40-х годов в воспоминаниях и личных документах жителей Ханты-Мансийского автономного округа: сб. док-тов. Ханты-Мансийск, 2002. 262 с.
- Бугай Н.Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД — МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 125–126.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 9479. Оп. 1. Д. 122.
- ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161.
- ГАРФ 9479. Оп. 1. Д. 260.
- Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) Ф. 107. Оп. 1. Д. 631.
- ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 633.
- ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 737.
- Государственный архив Тюменской области (ГАТюМО). Ф. 1785. Оп. 1. Д. 1350.
- ГАТюМО.Ф. 1785. Оп. 5. Д. 182.
- ГАТюМО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а.
- Государственный архив Ханты-Мансийского округа (ГАХМАО). Ф. 58. Оп. 4. Д. 26.
- ГАХМАО Ф. 118. Оп. 1. Д. 262.
- ГАХМАО Ф. 118. Оп. 2. Д. 2.
- ГАХМАО Ф. 118. Оп. 2. Д. 10.
- ГАХМАО Ф. 118. Оп. 2. Д. 11.
- Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 3–26.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960 гг.: Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 2005. 43 с.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД — МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
- Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: [б/и], 2009. 192 с.
- Исторический архив Омской области (ИсАОО.) Ф. 17. Оп. 1. Д. 2709.
- ИсАОО Ф. 17. Оп. 1. Д. 3207.
- Красильников С.А. Ссылные крестьяне // Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010. 450 с.
- Петрушин А.А. Цепелин над Югрой // Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения (Ханты-Мансийск, 5-6 мая 2005 г.). Екатеринбург: Волот, 2005. 256 с.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1020 с.
- Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург: ПАКРУС, 2005. 223 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / Сост.: С.А. Красильников, Д.Н. Нохотович, Т.Н. Осташко [и др.]. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 311 с.
- Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. I, кн. 1 / Сост.: П.Д. Бакаев, Н.Ф. Бугай, Л.С. Бурчинова [и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.

THE MAN AND THE SYSTEM OF SPECIAL SETTLEMENTS OF NORTH-WESTERN SIBERIA IN THE YEARS OF WAR (1941 – 1945)

The article examines the evolution of the system of special settlements of North-Western Siberia during the Great Patriotic War. The author comes to the conclusion about transformation of regime space under the influence of circumstances of wartime: the system of regime settlements ceased to exist in the "classical" form, as in the war years a forced departure from the "settlement" principle to disperse resettlement of specialsettlers among the local population was carried out.

Keywords: *specialsettlers, regime environment, regime space, deportation, repression.*

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ В ХОДЕ ПОИСКА ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЕ ТЕРЕНТЬЕВЫХ)

В публикации описан ход поисковой работы по сведениям о семьях Терентьевых, проживавших в Обдорске в первой трети XX в. Раскрыты особенности архивного документа как предысточника, в результате сравнительно-сопоставительного анализа различных источников были установлены сведения о бывших владельцах усадьбы Терентьевых.

Ключевые слова: архивный документ, предысточник, купечество Обдори, жилищное крестьянство, семьи Терентьевых.

Современная цивилизация немыслима без документа и без его функционирования в качестве источника многоаспектной информации. В поиске подтверждения различных событий прошлого, в том числе из жизни конкретных людей, объяснимо стремление общества опереться на достоверные источники. В этом отношении самой обширной частью ретроспективного информационного ресурса на сегодняшний день располагают архивы, т. к. поступление документов в хранилища обеспечивается комплексно и системно.

Пользователи-исследователи, получая доступ к информации, к сожалению, не всегда учитывают особенности архивных документов как «носителей фактографического сопровождения дозированной информации» и их свойств — быть источником оперативной и источником ретроспективной информации на разных этапах существования. По мере отдаления во времени документ из источника оперативной информации постепенно входит в стадию «предысточника». Для понимания текста документа, для того чтобы получить достоверные сведения, каждый факт документа-предысточника требует доскональной проверки. Используя научные принципы и критерии, документ необходимо подвергнуть источниковедческому анализу. Известный методолог-источниковед, изложивший учение об исторической интерпретации источников в наиболее систематизированном и логически обоснованном виде, А. С. Лаппо-Данилевский писал в начале предыдущего столетия: «Источник исторического знания — всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы получить знание о другом объекте, т.е. историческом факте» [Лаппо-Данилевский, 2006. С. 286].

Источниковедческий анализ архивного документа позволяет раскрыть его свойства как исторического источника. Поднять целый комплекс документов и осуществить

необходимый объем работы возможно только при проведении большого предварительного исследовательского труда. Доктор исторических наук, профессор Г. Е. Корнилов обращает внимание, что для полноценного исследования источника, необходимо применить специальные навыки, которые под силу «прежде всего специалистам-источниковедам» [Корнилов, 2004. С. 135]. Уральский ученый, имеющий большой опыт работы с архивными документами, отмечает, что подобный анализ достаточно трудоемкий процесс, на который требуется много времени, и мало кто из исследователей работает в данном направлении.

В качестве примера приведем источниковедческое исследование в ходе поисковой работы по сведениям о владельцах усадьбы Терентьевых. В сентябре 2016 г. открылся памятник архитектуры «Комплекс городской усадьбы: дом, амбар, ворота». Организаторы музея провели огромную работу по выявлению исторической информации о доме, в том числе направляли запросы в архивы в надежде, что именно архивные документы дадут ответ о владельцах усадьбы. Отсутствие фактов принадлежности дома конкретному хозяину, не дали возможности архивистам предоставить полноценную информацию. Поисковая работа конкретных сведений о персоналиях относится к наиболее сложным работам, поскольку фамилии, имена, отчества лиц не всегда правильно записаны. Порой такая информация проявляется только в контексте документа.

Из имеющихся сведений к фактической информации отнесено следующее:

1 — на начало XX в. дом был построен, постройки для этого периода достаточно обширные, указывающие на зажиточность хозяина;

2 — владельцем являлся некто Терентьев, предположительно купец.

На эти факты указывали воспоминания старожилов о «купце Терентьеве», найденная долговая книга с указа-

нием фамилии. Также по сведениям горожан, дом принадлежал «Осиповым». Об этом же свидетельствовал потомок по одной из семейных линий древа Осипа¹, предоставивший фотографии своей семьи. Открытием и загадкой дома Терентьевых послужили найденные 5 икон алтарного типа. Из точных сведений известно только, что дом под номером 1 располагается в начале улицы Ламбиных.

Исходя из данной информации, пожалуй, логично было изучить документы по муниципализации домов в послереволюционный период, учитывая обозначенный адрес, а также сведения об указанных потомках Терентьевых владельцах дома: Макара Осиповича и Анны Николаевны.

Следует сказать, что отнесение Терентьевых к купеческому сословию внесло существенную путаницу в ход поисковой работы. Безусловно, сведения о купечестве как наиболее представительной и динамичной части населения могли проходить по документам в большей степени.

Из документов по муниципализации домов в 1920-е гг. была выделена информация о конфискации у семей расстрелянных Терентьева Арсения Григорьевича и Терентьева Арсения Климентьевича имущества и построек «за участие в контрреволюционной организации» [ГА ЯНАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 38 об., 86]. У Арсения Григорьевича были изъяты:

«Дом большой общий кр[ашенный].

Флигель новый малый

Амбар двухэтажный большой

[Амбар] малый...» [ГА ЯНАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 38 об.].

У Арсения Климентьевича изъятию подлежал:

«Дом новый небольшой

Конюшня с сеновалом...» [ГА ЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 86].

Адреса муниципализированных домов не были указаны. Исходя из полученных сведений, для поисковой работы был выбран владелец первого дома, что больше соответствовало постройкам восстановленного дома-музея. Имя Арсения Григорьевича Терентьева и дом были наиболее известны, как по архивным документам, так из рассказов обдорян. Дом Арсения в 1920 г. одним из первых был отдан под радиостанцию. Сам хозяин считался достаточно зажиточным селянином, жители называли его «купцом». Ряд архивных документов о муниципализации дома А. Г. Терентьева ввел в научный оборот тюменский ученый, изучавший традиционное архитектурное наследие старожильского населения Обдории, С. В. Туров [Туров, 2006. С. 168–187]. Из опубликованных им документов известно, что дом был оценен в 7 800 руб., аренда не оплачивалась. О владельце дома [Арсение Григорьевиче] сказано: «расстрелян — за участие в бандитизме в 1921 г.».

В труде Сергея Викторовича также есть описание дома по улице Ламбиных: «Для селения Обдорского были характерны как обычные, так и развитые шестистенки городского типа ... Один из развитых шестистенков с «при-

рубом» с. Обдорского (Ламбиных, 1) достоял до наших дней. Дом почти квадратный в плане (14,5 x 14,3) м, имеет прирубленные сени с навесом под отдельной двускатной кровлей. Кровля самого дома выполнена в 4 ската. Дом имеет по 5 окон с двух сторон» [Туров, 2006. С. 169]. Указания на принадлежность дома определенному владельцу нет, но в публикации прослеживаются описания домов, в том числе и Терентьевых по территории Обдории.

В ходе поисковой работы сведения о семье Арсения Григорьевича расширились. Были выявлены архивные документы периода 1930-х гг. — периода «чистки» аппарата советских учреждений от чуждых советам классовых элементов, лишения избирательных прав тех, кто каким-либо образом имел отношение к классовому врагу «кулаку». Дети большинства семей Терентьевых были лишены избирательных прав. Прошло десятилетие после расстрела Арсения Григорьевича и Арсения Климентьевича Терентьева, и часто меняющийся аппарат руководящих органов не разбирался, кто из многочисленных потомков Терентьевых не относился к кулачеству как классу. Целый комплекс делопроизводственных документов правового характера, среди которых заявления, решения комиссии, справки как от организаций, так и жителей села Обдорск, свидетельствовали о деятельности того или иного Терентьева.

Среди архивных дел выделилась группа документов, в содержании которых были признаки принадлежности граждан по своему социальному положению к классу «имущих». Так, в заявлении лишённого избирательных прав рабочего Обдорского агентства Уралгосторга Терентьева Тимофея Ивановича следующая информация: «Я хотя и являюсь сыном торговца, но занимаюсь общественно полезным трудом, порвав всякую связь с родными» [ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 281. Л. 323]; в заявлении уроженца с. Обдорска, учителя, выехавшего работать в Уральский областной музей, Терентьева Георгия Ивановича сказано: «Будучи по социальному происхождению я, гражданин Терентьев Георгий Иванович — сыном бывшего предпринимателя — владельца промысловыми песками, занимавшегося рыбной торговлей, в настоящем находящегося в ссылке в сибирских краях ... нахожу совершенно несправедливым, к. т. лишаящим меня в правах гражданства, поэтому прошу Обдорский райисполком восстановить меня в воинских правах, как гражданина, и тем более живущего самостоятельно и порвавшего связь с родителями...» [ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 281. Л. 373].

В сравнении с указанными сведениями текст заявления Федора Осиповича Терентьева заинтересовал менее, так как в нем упоминание о купеческом сословии было противопоставлено его занятиям: «На выборах нынешнего года я был лишен права голоса как бывший торговец, но я лавки не имел, а торговал до революции, так как торговала половина жителей Обдорска, меняли пушнину на хлеб и другие

¹ По устному свидетельству потомков, дом принадлежал сыну Осипа — Макару и его жене Анне Николаевне.

продукты, которые меняли в лавах у купцов» [ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 281. Л. 136]. Документ привлек внимание упоминанием о доме, но на троих хозяев. В целом для Обдорска периода расцвета ярмарочной торговли конца XIX — начала XX вв. строительство добротных домов было типичным явлением.

Есть информация, косвенно касающаяся Терентьевых. В заявлении красных партизан идет речь в семье «кулака Терентьева Арсения Григорьевича... эксплуатировавшего 70–80 человек рабочих в год, выжимая из них последние соки, одурачивая туземную массу в торговом отношении» [ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 309. Л. 270]. Хотелось бы повторить, что в указанных правовых актах фактографические сведения сопровождаются идеологически дозированной информацией.

История семьи Терентьевых, в которой Арсений Григорьевич был старшим среди братьев (Ивана, Архипа, Федора), обострила исследовательский интерес после прочтения протоколов 1930-х гг. — периода классового очищения государственных организаций. Так, в тексте протокола Обдорской районной комиссии по чистке советского аппарата от 29 июля 1930 г. продавец Щучьереченской фактории Терентьев Тимофей Иванович рассказывает о себе: «с 1927 г. живу отдельно от родителей и вполне самостоятельно. В 1918 г. мать умерла, отец женился. Мачеха нас презирала, и мы 5 братьев разошлись ... Отец в ссылке. С отцом ссорился и раньше, потом разорвал» [ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 287. Л. 118]. Свидетели, присутствующие на заседании подтвердили информацию, рассказав о встрече с Иваном Григорьевичем, который сетовал, что сыновья, как не родные, не подали ни одной весточки за годы его ссылки.

Дополнительным источником информации явились сведения Т. В. Гостюхиной, взявшей в 1995 г. интервью у родственницы «купца Терентьева» Валентины Афанасьевны. Татьяна Власовна рассказала, что Валентина была невесткой Арсения, женой младшего брата — Архипа. Прорисовалась ситуация с домом Арсения. Радиостанция, под которую был отдан дом Терентьевых, по словам Т. В. Гостюхиной, находилась на улице Ленина, что впоследствии подтвердилось сведениями, найденными в архивных документах [ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 47]. Не выясненным оставался вопрос о принадлежности семьи к купеческому сословию. Появилась версия о психологическом изменении в сознании обдорчан слова «кулак» на «купец», что в результате политических потрясений эпохи было объяснимо. Следовало отработать этот вариант подмены понятия.

В документах Государственного архива в г. Тобольске есть Список, в котором перечислены владельцы рыбопромышленных предприятий Тобольского округа, в том числе и северных территорий. Список был рассмотрен на заседании Комитета 20 января 1917 года [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-455. Оп. 1. Д. 108. Л. 6 об., 7 об.]. Среди фамилий купцов и мещан Тобольского округа есть сведения и о крестьянах-рыбопромышленниках-владельцах предприятий. Терентьевы

Арсений и Иван Григорьевичи руководили рыбопромышленными предприятиями и принимали участие в обслуживании военной промышленности страны: Арсений Григорьевич сдавал до 800 пудов разных сортов рыбы, Иван Григорьевич — от 4 до 6 тысяч пудов. Терентьевы в документах проходят как крестьяне с Обдорского Березовского уезда.

В документальном фонде ЯНОМВК им. И.С. Шемановского был выявлен еще один список более раннего периода — за 1905 год. В Списке купцов — жителей села Обдорского, «кои занимают землю застройкою домов служб и амбаров» [ЯНОМВК 48ф — 7529. Л. 3–4.] фамилия Терентьев не встречается, однако среди 39 обдорских крестьян 624 квадратных сажени числится за Терентьевым Осипом Наумовичем. Пространство значительное, учитывая, что квадратная сажень — это 2,13 метра. По данному документу среди крестьянских хозяйств это был самый большой участок земли.

Таким образом, выяснилось, во-первых, Терентьевых можно отнести зажиточным поселянам, а не к купцам. Во-вторых, устранено предположение о принадлежности восстановленного дома-музея старшему брату семьи рыбопромышленников Терентьевых по линии Григория Арсения, дом которого находился на улице Ленина. В-третьих, указание на крестьянина-землевладельца Осипа Наумовича Терентьева позволило сосредоточить поисковую работу в большей степени на его потомках.

В ГА ЯНАО находятся на хранении особо ценные документы «Приказы, семейные списки села Обдорск» [ГА ЯНАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.] за 1921 г. и «Общий список села Обдорска на 1921 г.» [ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 20.], ставших ценным историческим источником благодаря С. В. Шулину (в настоящее время — мл. научн. сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»). Сергей Владимирович провел первичный анализ, свел информацию воедино и опубликовал [Шулин, 2005. С. 50–55].

В рамках данного исследования анализ списков был проведен непосредственно по каждому из документов. Списки составлялись с небольшой разницей во времени, но с разными целевыми установками. В первом случае вписаны семьи (Семейные списки), во втором случае жители Обдорска записывались в соответствии с адресом по улицам, подробно описывалось имущество (Общий список). Так, по первому списку зафиксирована 21 семья с фамилией Терентьевы. С отчеством Осипович по улице Рабочей (в настоящее время — Ламбиных) числится Зиновий, проживавший с семьей: по Семейному списку в доме № 11, по Общему — в доме № 12.

Несоответствие номеров обозначило один из этапов работы по уточнению названия и нумерации домов улицы Рабочей. Улица пережила ряд исторических преобразований: в 1939 г. она располагалась «от овощехранилища через овраг на задах Начальной школы до Местпрома» [ГА ЯНАО Ф. 44. Оп. 1. Д. 10], а в 1946 г. в связи с предстоящей планировкой города было ре-

шено: «Из конечных частей ул. Рабочая и ул. Пермькова выделить в самостоятельные переулки, идущие параллельно левой стороны ул. Свердлова между ул. Карла Маркса и ул. Пушкина и присвоить им следующие наименования: переулок № 2 – имени Грибоедова А. С., переулок № 3 — имени Кольцова М. В. ... переулок № 5 — имени Крылова И. А.» [ГА ЯНАО Ф. 44. Оп. 1. Д. 94. Л. 76, 206]. В 1957 г. улица Рабочая была переименована в память семьи Ламбиных. Учитывая выделение начала улицы в переулок, перенумерация домов стала закономерной.

Списки семей 1921 г. [ГА ЯНАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 8] регистраторами были составлены как по Обдорску, так и по Обдорской волости. Список разделен на части, подшит в свободном порядке. Предположительно данный список составлялся на семью для получения номера продуктовой карточки. Колонки в табличной форме расписаны на граждан по «категориям»: количество людей, отнесенных к 1-й категории, детей до 16 лет и детей в возрасте до 1 года. Период был очень сложный, голодный. Каждая семья получала свой номер, вписывался состав семьи, хозяйство (при наличии).

Для конкретизации задачи исследования из этого списка были выписаны семьи, зарегистрированные по адресу: Обдорск, Рабочая, 11. Получены следующие данные:

Терентьева Анна Николаевна (37 лет), учительница, хозяйство: корова 1, лошадь 1; вдова, дети Анатолий (10 лет), Нина (8 лет), свекровь Дарья (87 лет), тетка Матрена (80 лет) — 5 человек, 1 работающий. № 109 [ГА ЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 46].

Новицкая Александра Николаевна (56 лет), домашнее хозяйство, вдова, 1 работающий. № 110 [Там же. Л. 47].

Терентьев Зиновий Осипович (45 лет), рыбак, хозяйство, дом, нетель 1, собак 5; женат, жена Анна (30 лет), дети Иосиф (15 лет), Михаил (13 лет), дочь Иульяния (3 года) — 5 чел., 1 рабочий. № 114. [Там же. Л. 49].

Чупрова Александра Федоровна (27 лет), семья, девица, № 120 [Там же. Л. 49].

Терентьев Федор Иосифович (53 года), рыбак, хозяйство: дом, 3 коровы, лошадь, семья, женат. Жена Матрена (47 лет), дети Анна (24 года), Анфия (18 лет), Агафья (15 лет), Елизавета (12 лет), сын Валериан (7 лет), воспитанник Николай (14 лет). № 121 [Там же. Л. 50].

Хозяинов Ефим Петрович (24 года), плотник, холост. № 269. [ГА ЯНАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 76].

Рочева Анна Осиповна (40 лет) с сыном (7 лет), № 315 [Там же. Л. 37].

Новицкая Екатерина Аркадьевна (25 лет) с мужем Василием Михайловичем — 2 человека. № 450 [Там же. Л. 29].

Выборка семей из списка велась в соответствии с номером полученной карточки в зависимости от порядка записи. Даны сведения о хозяйстве и составе семьи. Степень родства указана не во всех случаях. Семей Терентьевых по данному адресу — три, Новицких — две. Предположительно, список с территориальным охватом всей Обдорской волости не является полным (всего 519 номеров карточек). Рассматривать данный список можно только при сопоставлении с «Общим списком села Обдорска на 1921 г.», составленном в соответствии с названиями улиц и номерами домов.

В Общем списке представители исследуемой семьи (их родственники и квартиранты) распределены по адресам на два дома, номера домов 11 и 12.

На улице Рабочей в доме под номером 11 зарегистрированы:

Таблица 1

Глава семьи (хозяин), сведения о нем	Хозяйство	Члены семьи	Квартиранты
Терентьев Федор Иосипович (54 года) Е.П. [образование епархальное] зыряннин, беспартийный, сельский № труд книжки 200, рыбпромышл[енный] торговец, польз[уется] чужим трудом	Дом – 1 (одноэтажный); комнат – 10, амбар – 4 бетир [слово неразборчиво], хлев – 3, лошадь рабочая – 1, коров – 3, олени – 70 шт., хот – 1 шт., шлей – 1 шт., седел – 1 шт., узд – 1 шт., дух – 1 шт., вож[жи] – 1 шт., темги – 1 одн сан[ей] 1 ед., дровни – 1 ед., нарт 2 шт., невод 1 од. Н/150 саж капл[унов] 1 одн н/400 пуд невод н/100 п, калданок – 1 шт., город 2 ед. н/20 п и 30 п, якорь – 2, снасти – 4/1, песок Тобол: 2 дом, амбар, сарай, 1 сер песок Щучье 1 дом, чанов 12 шт. 4/з – печ м и 4/5 Еп. Е	Жена Терентьева Матрена Федоровна (49 лет) не работает, зырянка, № трудовой книжки 222 Дочь Анна Федоровна (23 года) работает через Комтруд, зырянка малограмотная Дочь Фина Федоровна (18 лет), народное образование, практика, зырянская школа, окончила 2-х классную школу г. Обдорска, № трудовой книжки 276 Дочь Агния Федоровна (15 лет) Дочь Елизавета Федоровна (12 лет) беспартийная Сын Валериан Федорович (7 лет) учится в 1-й группе Мать Терентьева Дарья Меркуловна (76 лет), зырянка, беспартийная	Квартирант Филиппова Матрена Мерку[ло]рьевна, св.-тр. [своим трудом] 20 шт. оленей Квартирант Чупрова Александра Федоровна (28 лет) работает через Комтруд, зырянка, окончила одноклассное епархальное училище Квартирант Конева Елена Иосиповна (33 года) работает через Комтруд зырянка, окончила одноклассную школу г. Обдорска Квартирант Рочева Анна Иосиповна, читает вдова св. тр. [своим трудом] Дочь Рочева Мария Фоминична (15 лет), учиться в 1-й группе Дочь Рочева Наталья (12 лет), не учится [своим трудом] Сын Семен Фомич (7 лет), не учится

Таблица 1. (продолжение)

	<p>Хозяйство снохи: корова – 1, лошадь рабочая – 1, хомут – 1 шт., шлей 1 шт., седел – 1 шт., узд – 1 шт., дуг – 1 шт., нарт – 1 шт.</p>	<p>Сноха Терентьева Анна Николаевна (37 лет), работает в 1-й советской школе, русская, беспартийная, окончила Епархальную школу, учительница</p> <p>Дети: Сын Терентьев Анатолий Макарович (9 лет), зырянин, в г. Тобольске учится во 2-й группе Дочь Терентьева Нина Макаровна (7 лет), учится в 1-й группе</p>	<p>Квартирант Хозяинов Ефим Петрович (24 года) св-тр., ул. приказчика, окончил церковно-приходскую школу, с. Мужы № 447, № 70</p> <p>Квартирант Попов Николай Петрович (58 лет), при школе переписчик, окончил гражд[анское] училище г. Тобольска, заштатн[ый] свящ[енник] и св.-тр. [своим трудом] сетей – 10 шт. на 15 саж., калданка – 1</p>
--	--	---	---

На улице Рабочей в доме под номером 12 «Флигир[ель]. Осипова» зарегистрированы:

Таблица 2.

Глава семьи (хозяин), сведения о нем	Хозяйство	Члены семьи	Квартиранты
<p>Терентьев Зиновий Иосипович (46 лет), раб[отает] через Комтруд</p>	<p>Дом – 1 одноэтажный 3-х комнатный, чум летний – 1 од., телят – 1, олени – 30 шт., ездовые собаки – 3 шт., упряжь оленья Н/1 нарты, якорь – 2 шт., бочек – 3 шт.</p>	<p>Жена Терентьева Анна Ивановна (29 лет) Сын Иосиф Зиновьевич (14 лет) Сын Михаил Зиновьевич (12 лет) учится в 1-й группе Дочь Ульяна Зиновьевна (2 года)</p>	<p>Квартирант Чупрова Евгения Порфирьевна (81 год), зырянка, вдова</p> <p>Квартирант Беляев Алексей Иванович (37 лет) Ревком, должн[ость] зав[едующего] дров[яным] хозяйством, № труд. книжки 266, рыбный промыс. паях, олени – 15 шт. Жена Беляева Ольга Андреевна замужем (27 лет), раб[отает] через Комтртруд, зырянка, № трудовой книжки 243 Сын Беляев Кирилл Алексеевич (6 месяцев)</p> <p>Квартиранты Филиппов Игнатий Федулович зырянин Филиппов ... [текст плохо читаем] Федулович</p>

Сведения списков отличаются, не только постройками по разным адресам, количеством людей, населяющих дома, но и по ряду других параметров. Так, правописание отчества Осипович варьирует: Осипович — Иосифович — Иосипович; имя дочери Федора: Фина — Анфия. Варианты имен, отчеств и пр. сведений о лицах вносят сложность в поисковую работу. Такая ситуация в целом характерна для документов первой половины XX в., и порой невозможно отыскать конкретные сведения о персоналиях, поскольку данные в условиях малограмотности населения в данный период не всегда правильно записаны. Поиск персоналий относится к наиболее трудным работам в архивах.

Кроме того, в большинстве случаев различаются возрастные данные. Есть особенности распределения жильцов к постоянно проживающим и квартирантам. Так, родственница Терентьевых Филиппова Матрена Меркуло[р]ьевна по первому списку и по ряду других выявленных документов проходит как «тетка» и вписана

вместе с матерью братьев Терентьевых Дарьей Меркуловой в числе жильцов дома, во втором же списке числится в «квартирантах».

Дополнительно выявленные документы подтверждают либо дополняют полученную информацию. Так, в справке от 1 мая 1925 г. указано, что на иждивении у Федора Осиповича находится Филиппова Матрена Меркуловна (75 лет), жительница с. Ижмы Печерского уезда Архангельской губернии. В списке же в квартирантах числятся братья с фамилией Филипповы, что тоже может представлять интерес фактографического плана (генеалогическая линия).

Ситуация с «квартирантами» не совсем ясна, возможно, вкладывалось иное значение в слово. Так, из устных источников известно, что отцом Анна Николаевна Терентьевой, работавшей в 1-й советской школе, был священник Николай Попов. В Общем списке Попов Николай Петрович записан квартирантом. Из сведений о нем по документам также известно, что он в доме Терентьевых

имел свое хозяйство в виде лодки-калданки и сетей. Возможно, положение с «квартированием» сложилось в связи с политически напряженной ситуацией 1920-х.

В процессе источниковедческой критики документа перед исследователем стоит задача изучения не только содержания каждого документа, но и всех реквизитов: помет, резолюций, зачеркиваний, почерков, подписей, датировки и т. д. Все это позволяет установить дополнительную информацию. В нашем случае внимание было обращено на вписанную, потом зачеркнутую информацию и пометы синим карандашом. Так, в сведениях о Попове Николае Петровиче зачеркнуто слово «свящ.», записано «при школе переписчик». Данные взяты в квадратные скобки и сверху большими буквами синим карандашом написано «ПОП». Эта информация интересна в рамках поднятия темы о спрятанных в стенах дома иконах алтарного типа. Но также разрабатывается версия о том, что иконы мог спрятать хозяин дома Федор Осипович, который в 1923 г. был избран из числа верующих прихожан в состав совета при церкви св. Петра и Павла для заключения договора с советской властью на право пользования и принятия церковного имущества.

В рамках данного исследования интересовала принадлежность восстановленного дома указанной семье Терентьевых. В ходе работы по результатам подробного изучения и сопоставления выше обозначенных списков вновь было поднято заявление Терентьева Федора Осиповича о восстановлении его в избирательных правах (приложение 1). Содержание документа предстало уже более информативно наполненным. Из заявления следует, что дом был выстроен на доход от оленей, которые три брата Терентьевы получили от отца. Имена двоих братьев известны: сам заявитель Федор и его брат Макара (в заявлении указана «вдова брата моего Терентьева Анна»; дети Анны Анатолий и Нина прописаны Макаровичами). Про третьего брата сказано, что хозяйкой в доме является его дочь Терентьева Фаина.

Проживающей с именем Фаины по данному адресу ни в одном случае не представлено. Созвучное и вариативное имя Фина, дочери Федора, в дальнейшем по документам во всех случаях проходит как Анфия. В справке, выданной Терентьеву Федору Осиповичу от 11 сентября 1926 г. единожды встречается информация о том, что он имеет семью из 8 человек: жены, четырех дочерей и воспитанницы 14-ти лет [ГА ЯНАО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 78]. На данный момент это единичный документальный факт. К числу единичных упоминаний также можно отнести имя одного из братьев — Николая. Николай Осипович Терентьев упоминается в списке верующих села Обдорска, но нет сведений о его семье и адресе проживания.

По одному из первоначальных предположений, отработывалась версия, что третьим хозяином дома является младший из братьев — Зиновий Осипович. Он же указан по данному адресу в первом семейном

списке. По второму списку у него свой дом из 3-х комнат — флигель Осипова, где проживает его семья. В деле за 1931 г. о восстановлении в избирательных правах Терентьева Зиновия Осиповича в документах есть сведения, что он отделился от братьев в 1905 г. Данную информацию Зиновий Осипович указал в личном заявлении от 12 декабря 1931 г. [ГА ЯНАО Ф. 37. Оп. 1. Д. 67. Л. 4]; также в справке Обдорского сельсовета от 26 сентября 1931 г., подшитой в дело, сказано: «живет со своей семьей в количестве 9 человек в разделе с братом Федором Осиповичем с 1905 года долгое время, имущественное положение имеет: дом, хлев, лошадь и корова, оленей 70 голов» [ГА ЯНАО Ф. 37. Оп. 1. Д. 67. Л. 6]. Впоследствии Зиновий Осипович Терентьев был восстановлен в правах «за отсутствием материалов» [ГА ЯНАО Ф. 37. Оп. 1. Д. 67. Л. 7].

В период организации национального округа с увеличением притока населения и острой нехваткой жилья в Обдорске была проведена дополнительная муниципализация строений. В «Объяснительной записке для приложения к списку о дополнительной конфискации строений по Обдорскому району Тобольского округа» сказано: В дореволюционное время Терентьевы занимались торговлей, обдували туземное население, вследствие того, что строение из себя представляет целую единицу, особенно в обдорских условиях, поэтому также вносится в списки дополнительной муниципализации» [ГА ЯНАО Ф. 20. Оп. 1. Д. 25. Л. 23]. Дом, состоящий из 7 жилых комнат и 2 кухонь (5 комнат сдавались в аренду), оценили примерно — в 5–6 тысяч рублей и конфисковали. Владельцами дома указаны Федор Осипович Терентьев и жена его брата Анна Николаевна Терентьева. В документах по конфискации везде указан Федор Осипович. В 1930 г. он умер. Дата смерти точно не установлена, исходя из опубликованного документа это произошло между 6 марта и 27 апреля. К муниципализированным постройкам были отнесены:

«...дом, крытый железом — 202 м,
амбар, крытый тесом — 94 м,
хлев — 91 м,
баня — 30 м» [ГА ЯНАО Ф. 20. Оп. 1. Д. 25. Л. 20].

Таким образом, в процессе источниковедческого исследования выяснилось следующее:

1. Дом был выстроен тремя братьями Терентьевыми на средства их отца Осипа (Наумовича²), зажиточного крестьянина, арендовавшего в Обдорске землю под застройку.

2. Известно имя матери (жены Осипа), состав трех из шести семей братьев Терентьевых по линии Осипа: Макара, Федора и Зиновия (на конец 1921 г.).

3. В 1921 г. в доме проживал священнослужитель Попов Николай Петрович.

4. Дом состоял из 9–10 помещений: 7 комнат, 2 кухни и (предположительно) общей прихожей.

5. Постройки, конфискованные у Терентьевых в на-

² Сведения по отчеству на основании одного документа.

чале 1930-х гг.: дом, амбар, хлев и баня. Из известных владельцев дома: Федор Осипович и вдова его брата Макара — Анна Николаевна Терентьева.

Безусловно, вопросы по ряду моментов остались: дата постройки дома, сведения о третьем брате и его семье, дальнейшая судьба второго дома из 3-х комнат, принадлежащего Зиновию Осиповичу Терентьеву и др. Вместе с тем сделан шаг в прояснении одного из перио-

дов «жизни усадьбы» — замечательного памятника архитектуры прошлого столетия. Предлагая к публикации документ из фондов ГА ЯНАО, хотелось бы вспомнить слова известного в архивоведении ученого В. Н. Автократова о том, что вне глубокого источниковедческого исследования документ – «мертвый» реликт, вещь, ничего не говорящая об отраженных в нем событиях прошлого» [Автократов, 1976. С. 27].

6/III-[19]30

Приложение

В Обдорский сельсовет
от гр. с. Обдорска
Терентьева Федора Осиповича

Заявление

На выборах нынешнего года я был лишен права голоса как бывший торговец, но я лавки не имел, а торговал до революции, так как торговала половина жителей Обдорска, меняли пушнину на хлеб и другие продукты, которые меняли в лавах у купцов. Летом я промышлял рыбу своей артелью, нас было шесть братьев, работали мы вместе. Дом, который я сейчас имею, построен не на доходы от торговли, отец мой имел оленей и получал от них доход, дал на троих сыновей средства для постройки этого дома, Теперь хозяевами в нем являются вдова брата моего Терентьева Анна, дочь второго брата Терентьева Фаина и третью часть дома занимаю сам с семьей. После революции я служил в Хлебопродукте и Сырье, а потом занимался перегоном оленей на Енисей, теперь по болезни работать на стороне не могу. Нынешним летом тоже ездил промышлять рыбу со своей семьей и теперь живу на этот заработок да немного помощь от оленей 20 шт., которых сейчас имею.

Прошу вернуть мне право голоса, т. к. бандитом я не был, а наоборот помогал отступающим красным отрядам в 1921 г. доставал оленей в тундре, рискуя быть расстрелянным белыми бандитами за это.

К сему подписываюсь /подпись/ Терентьев

Резолюция карандашом: К делу за смертью просителя. Подпись неразборчиво. 27/IV-1930

ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 281. Л. 136–136 об. Рукопись. Подлинник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автократов В.Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Тр. ВНИИДАД. Т. 6. Ч. 1. М., 1976. С. 17–73.
- Данковцева С.Г. Купечество в Обдорске в конце XIX — начале XX вв. // Культура Ямала (специальный выпуск). № 3–4. 2002. С. 24–36.
- Иноземцева З.П. Прославление и почитание святых. // XXII Международные Рождественские образовательные чтения, 28 января 2014 г., Храм Христа Спасителя, Москва. [Электронный ресурс]. — <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/problems>. (дата обращения 07.10.2016).
- Корнилов Г.Е. История Югры и Ямала в документах Государственного архива Свердловской области / Ямал в панораме Российской истории. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. С. 132–148.
- Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». С. 504.
- Туров С.В. Традиционное архитектурное наследие старожильческого населения Обдории. // Уральский исторический вестник. 2006. № 13 (Ямальский выпуск). С. 168–187.
- Шулинин С.В. Обдорск и Обдоряне в 1921 г. // Ямальский меридиан. 2005. № 8. С. 50–55. Он же. Первичный анализ семейных списков села Обдорска // Архивы Урала. 2009, № 13. С. 267–274.
- ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в Тобольске): Ф. И-455. Оп. 1. Д. 108. Л. 6 об., 7 об.
- ГКУ «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа» (ГА ЯНАО):
Ф. 1. Оп. 1. Д. 8, 13.
Ф. 2. Оп. 1. Д. 8, 281, 287, 309.
Ф. 5. Оп. 1. Д. 20.
Ф. 20. Оп. 1. Д. 25.
Ф. 37. Оп. 1. Д. 10.
Ф. 44. Оп. 1. Д. 10, 94, 206.
- ГБУК ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского» (ЯНОМВК): 48 ф — 7529. Л. 3–4.

ANALYSIS OF THE SOURCES
IN THE SEARCH FOR HISTORICAL INFORMATION
(ON THE EXAMPLE OF IDENTIFICATION
OF INFORMATION ABOUT THE URBAN HOMESTEAD
OF THE TARENTYEVES)

This article describes the course of a search operation on information about Terentyevs families living in Obdorsk in the first third of the XX century. The features of the archival document as a previous source have been revealed. As a result of comparative analysis of different sources, information on the former owners of the homestead of the Terentyevs has been found.

Keywords: archival document, previous source, merchants in Obdoria, wealthy peasantry, the Terentyevs.

К ВОПРОСУ О РЕАЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ ГОРОДА НАДЫМА

Возраст Надыма его жители исчисляют с 9 марта 1972 г., когда центральная государственная власть присвоила ему статус города. Этот способ исчисления возраста вызывает у нас недоумение по нескольким причинам. Во-первых, известна точная дата основания стационарного поселения «Надым» на том месте, которое сегодня занимает город. Это случилось 22 апреля 1949 г. во время строительства железной дороги Чум — Салехард — Игарка. Во-вторых, точно известно, что с момента основания этот стационарный населенный пункт никогда не запустевал и всегда выполнял роль хозяйственного и политического организатора окружающей его территории. В-третьих, все города Северо-Западной Сибири, как и практически все города мира, исчисляют свой возраст с основания или с первого упоминания в исторических документах. Например, Салехард получил статус города только в 1938 г., но исчисляет свой возраст с момента основания в 1595 г.

В Надыме сохранилось много фотографий, отражающих его жизнь до 1972 г. На них отчетливо видно, что жилые дома и другие сооружения, воздвигнутые еще при Сталине, служили людям до тех пор, пока не были разрушены в связи с новым строительством в начале 1970-х гг.

Ключевые слова: *реальный возраст города, строительство Чум — Салехард — Игарка, статус города.*

Мы полагаем, что региональная история, а точнее ее проникновение в сознание в случае с населением ЯНАО играет весьма заметную роль не только для организации ежедневности, но и для перспектив, в том числе — экономических. Ибо человек, особенно управленец, не знающий глубину истории территории либо пренебрегающий этой историей, вряд ли будет готов к перспективному, с расчетом на долгие десятилетия планированию гармоничной и полновесной жизни региона или его частей. В итоге на любом рабочем месте и вообще на любом месте в северном сообществе такой человек будет временщиком, даже исходя из, казалось бы, благих, а на самом деле ущербных мотивов вечного поиска непременно скорой рентабельности управленческого или какого-либо иного действия.

Между тем, наблюдая, что раз за разом история становится по широко известному определению «политикой, обращенной в прошлое», нельзя не пожалеть о том, что она часто не выполняет роли той самой честной «учительницы жизни», которая «ни слова, ни полслова не соврет». Порою лукавое, недобросовестное применение исторических знаний делается столь тонко, что кажется на первый взгляд вполне добросовестным, стремящимся к объективности. Именно такое положение, на наш взгляд, сложилось с историей города Надыма, а точнее — с исчислением его возраста.

Возраст города Надыма его жители (разумеется, с подачи власти) исчисляют с 9 марта 1972 г., когда Пре-

зидиум Верховного Совета РСФСР присвоил Надыму городской статус. Этот способ исчисления возраста вызывает у нас недоумение по нескольким причинам.

Первая состоит в том, что совершенно точно известны обстоятельства и точная дата основания стационарного поселения «Надым» именно на том месте, которое сегодня занимает город. Это случилось 22 апреля 1949 г., когда сюда пришел санно-тракторный поезд с десантом

Рис. 1. Типовой 4-квартирный дом на станции Надым. 1971 г.

из семидесяти человек и сорока тоннами грузов, необходимых для начала строительства станции «Надым». [Фонд ЦМЖТ. Ед. хр. 7369.: 32]. Шло возведение железнодорожной магистрали Чум — Салехард — Игарка, известной также как Строительство №№ 501/503, и одним из важных ее пунктов должна была стать названная станция [История «Мертвой дороги». 2010].

Во-вторых, доподлинно известно, что с момента основания этот стационарный населенный пункт — пристанционный поселок Надым — никогда не запустевал и все время существования до присвоения городского статуса выполнял роль хозяйственного и политического организатора окружающей его территории. Здесь даже в самые «глухие» годы, т. е. между закрытием железнодорожного строительства в мае 1953 г. и прибытием первых буровиков и строителей газового комплекса в 1966 г. действовали линейно-технический участок связи, фактория, метеорологическая станция, начальная школа. Во время всесоюзных выборов депутатов, здесь также организовывался избирательный участок [Гриценко, 2013].

В-третьих, исчисление возраста города Надыма вызывает недоумение и своей оригинальностью на фоне других городов Северо-Западной Сибири, да и всего мира. Например, Салехард исчисляет свой возраст с 1595 г., с момента основания, хотя статус города он получил лишь в 1938 г. То же самое мы можем сказать про Сургут, Лабитнанги, Ноябрьск или про столицу России — город Москву.

Как мы уже упомянули, город Надым был основан весной 1949 г. как станция строящейся тогда железной дороги от Полярного Урала до Енисея. 22 апреля на берег реки Надым прибыл санно-тракторный поезд с группой заключенных и вольнонаемных из Салехарда для продвижения далее на восток. Но из-за наступившей распутицы люди вынуждены были остаться здесь и начать обустройство.

В фондах ОАО «Ленгипротранс» (г. Санкт-Петербург) — проектного института, сотрудники которого проектировали 501-ю стройку, а затем занимались мониторингом состояния после ее закрытия, нами обнаружен отчет о производстве изысканий в 1949-1951 гг.

Один из фрагментов этого отчета рассказывает о действительно самом первом шаге в истории города Надыма. Конкретно говорится о том, что в 1949 г. из Салехарда «...был организован вывоз грузов и людей тракторами в глубину по целине и неизученной местности через Обскую губу на расстояние свыше 500 км, в район перехода р. Надым. Эта колонна, состоящая из шести тракторов, одним рейсом подняла 70 человек личного состава и 40 тонн груза. Колонна вышла из Салехарда 8 апреля и прибыла в Надым 22 апреля. Колонна имела при себе радиостанцию и за продвижением ее следили самолеты. Энергия и настойчивость командиров этой колонны наряду с хорошей подготовкой обеспечили быстрое продвижение и успех дела. Таким способом были переброшены: одна партия Надымской экспедиции, два отряда Аэрофотосъемочной экспедиции, часть сотрудников дальней партии Обской экспедиции и сотрудники Надымской базы. Вследствие слабости льда на реке Надым и Обской губе, отправить трактора в обратный путь не представлялось возможным, поэтому они были оставлены на месте для работы в различных пунктах, а затем переданы строительству и сыграли роль при прокладке столбовой линии связи».

В тексте «Технического проекта железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка» было пояснено: «Местоположение станции определялось благоприятными природными условиями для заселения, выбранным местом перехода р. Надым и наличием удобной для поселка и станции площадки. Близость к станции крупной реки создает благоприятные предпосылки для развития смешанных железнодорожно-водных перевозок и способствует привлечению местного населения». Строители отмечали, что «ввиду хорошей дренированности грунта (песок) не было необходимости в устройстве водоотводов. Систематические наблюдения показывали, что, не зависимо от выпадения атмосферных осадков, площадка станции не имела поверхностных вод» [Фонд ЦМЖТ «Технический проект железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка. Л. 74].

Судя по письменным свидетельствам, в 1949 г. грузы в район Надыма завозились по воде лихтером

Рис. 2. Типовые 2-квартирные дома сталинского периода в г. Надыме. 1972 г.
Фото А. Витковского

Рис. 3. Один из последних домов времен 501-й стройки в Надыме. 1973 г.
Фото А. Витковского

(очень большой баржей). Выгрузка производилась из-за сложностей навигации и плохой работы лоцмана, которым был некто по фамилии Бондаренко, не только на фактории Ивлевские Пески (около 60 км севернее Надыма), на фактории Хоровая (около 110 км севернее Надыма), а также в Обской губе — в поселке Шуга (около 150 км северо-западнее Надыма). Это вело к потере части грузов (в губе) и усложнению их доставки на трассу строящейся дороги [ГАОПОТО Ф. 1572. Оп. 3. Д. 23 Л. 1]. Впрочем, один из свидетелей событий, бывший охранник на 501-й стройке Виктор Андреевич Маслов утверждал в беседе с нами (г.Ярославль, 2010 г.), что в Шуге был разгружен лишь один пароход, да и то потому, что он попал в ледостав и вмерз там в лед на всю зиму 1949–1950 гг. [Гриценко, 2010].

Свидетельницей строительства станции Надым стала, например, вольная гражданка, учительница О. Н. Кочубей, вспоминая позднее: «Собираю маленький чемоданчик и еду в Надым. Сначала на поезде, потом на мотовозе, который тащит две платформы. Еду я на первой. Дождь, ветер, холодно — все же открыто. ... Потом мотовоз куда-то дошел, нас перегрузили на грузовые машины до Надыма... В учительском общежитии надымском, в комнатах школы-интерната, жили по двое, по трое учительниц, воспитателей. Две комнаты — для детей, родители которых были вольнонаемные и работали на колониях» [Липатова, 2006. С. 98]

Пара фрагментов надымской жизни тех лет освещена в докладе секретаря парторганизации 9-го лагерного отделения 501-го строительства Дерячева:

«У нас в Надыме есть богатая библиотека на сумму около 25 тысяч рублей, но работника нет, и эту работу поручаем случайным людям в порядке общественной нагрузки. В связи с тем, что работают непостоянные работники, которые не могут следить за сохранностью библиотеки, в результате у них получается недостача книг на большую сумму, ... прислан Щербаков на должность экономиста ...» [ГАОПОТО Ф. 1572. Оп. 7. Д. 1. Л. 67].

О надымском участке строительства и о тяжести работ вспоминал в своем очерке «Мертвая дорога» бывший начальник Надымской экспедиции Желдорпроек-

та ГУЛЖДС А. Побожий: «На другой день мы поехали за Надым, где отсыпалась насыпь на пойме реки. Работающие катили по деревянным трапам тачки на высокую насыпь. Они медленно двигались один за другим, низко опустив головы, напрягая все силы. Свалив грунт на насыпи, каждый получал какую-то бирку от учетчика и, засунув ее в карман, спускался по другому трапу вниз. На самой насыпи другие рабочие разравнивали грунт и уплотняли его деревянными трамбовками. В стороне, у дымокуров сидели стрелки. Словом, обычная картина...

— Гражданин начальник! — обратился к прорабу пожилой заключенный. — Подъем положе надо бы сделать, а то последние жилы надорвем.

— Невелика беда, — оборвал его прораб и зашагал дальше.

За поймой реки началась болотистая местность; там тоже возили грунт на насыпь тачками по трапам, но уже издалека.

Мы прошли километров десять, и всюду было одно и то же — сверх меры тяжелый и малопродуктивный труд тысяч людей» [Побожий, 1964 С. 178].

«Технический проект железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка», вышедший в 1950 г., содержит схему станции Надым с прилегающим поселком. На этой схеме обозначено запущенным в эксплуатацию более пяти десятков общественных объектов (школа, клуб, интернат, детсад, баня, столовая, магазины и т. д.), а сверх того — двадцать два четырехквартирных и тридцать три двухквартирных жилых дома. Станцию (без прилегающих лагпунктов) обслуживало 597 работников.

Принятый вариант станции находился на площадке длиной 4000 метров. Пассажирское здание и железнодорожный поселок располагались справа по ходу километров (то есть к югу — юго-востоку от линии). Тяговое хозяйство размещалось в западном конце станции слева по ходу километров. Путевое развитие станции Надым для обслуживания ее работы было запроектировано в количестве 32 путей, в том числе перспективное развитие станции предусматривало увеличение числа путей парка с пяти до восьми и удлинение их в сторону

Рис. 4. Дом сталинского периода под новостройкой в г. Надыме. 1974 г.
Фото А. Витковского

Рис. 5. Дома времен Сталина посреди новостроек Надыма

мостового перехода через р. Надым. Через реку Надым был возведен низководный деревянный мост, пролетные строения которого на период весеннего паводка снимались. По этому мосту поезда ходили до Правой Хетты, где на момент закрытия стройки успели поставить бетонные опоры — «быки» — через реку. [Фонд ЦМЖТ Т. 2. Кн. 2. М. 1950. Л. 74].

С апреля 1949 г. действовала Надымская экспедиция Желдорпроекта ГУЛЖДС МВД. На нее была возложена задача в 1300 километров рекогносцировочных изысканий и большой объем геологических работ. В экспедиции работало пятнадцать бригад. [ГАОПОТО Ф. 1571. Оп. 9. Д. 21. Л. 8]. По словам очевидца, бывшего заключенного на Строительстве 501 (а затем, спустя долгие годы, главного инженера треста «Надымдорстрой») И. Д. Марманова, в основном членами этих бригад были заключенные.

В 1951 г. станция Надым стала местом расположения Штаба 9-го лагерно-строительного отделения, которому были подведомственны 18 лагерных пунктов на протяжении в 178 километров.

В Надыме действовали курсы телеграфистов, сцепщиков вагонов и стрелочников. Запроектированное здание вокзала к моменту закрытия строительства возвести не успели. Под здание вокзала временно использовался перепланированный типовой четырехквартирный дом [Фонд ОАО «Ленгипротранс». Ед. хр. 7369. Л. 1956. С. 32].

В 1967 г. была проведена аэрофотосъемка, объектом внимания которой было в первую очередь железнодорожное полотно. Тем не менее, съемка захватила и часть пристанционного поселка Надым. Материалы этой аэрофотосъемки мы обнаружили в фондах ОАО «Ленгипротранс».

Ранее всегда писалось о прибывших в 1967 г. в Надым сотрудниках Казымской партии глубокого бурения как о пионерах освоения территории и строительства города. Но почему-то неизменно не заострялось внимание на том, что они, прибыв сюда, расположились в домах, выстроенных задолго до их появления. В среде надымчан эти дома по сию пору ошибочно называют «бараками», хотя на самом деле это были дома офицерского состава и общежития вольнонаемных, где каждая квартира имела отдельный вход.

Как вспоминал один из надымчан той поры А. Легашев: «Я хорошо помню, как здесь появились сеймики из партии Володи Авдеенко. И тихая фактория Надым забурлила новоселами. Старожилы встречали людей тепло. Квартиры Мухиных, Миглановых, Сергеевых и Комаровых превратились в общежития». Еще раз обращаем внимание на фразу «**Старожилы** встречали людей тепло» [Легашев].

Протокол № 1 закрытого партсобрании парторганизации строительно-монтажной конторы «Надым» от 15 августа 1949 г. констатировал, что к этому времени на строящейся станции Надым была «... пущена шпалорезка, которая на четвертый день по прибытию стала давать пиломатериалы. Выстроена и сдана 5 ав-

густа в эксплуатацию электростанция мощностью в 48 киловатт. Заканчивается строительство бани, вахты, дезокамеры, дом вольнонаемного состава № 2 — 175 кв. метров, казарма военизированной стрелковой охраны — 210 кв. метров, здание стройдвора — 345 кв. метров и другие помещения» [ГАОПОТО Ф. 1571. Оп. 3. Д. 23. Л. 1].

В 1953 г., когда поезда от Салехарда через Надым ходили уже до Правой Хетты, строительство дороги было остановлено, все сооружения «законсервированы», а заключенные и охранники выведены и вывезены через Салехард в основном на строительство Омского нефтеперегонного завода и на завершение строительства и обустройство Волго-Донского канала.

С ликвидацией стройки часть сооружений была разобрана, основная часть оборудования демонтирована и в мае 1953 г. вывезена в Салехард по железной дороге. Вероятно, разобранные сооружения вывозились в Салехард также водю по траектории река Надым — Обская губа — река Обь — река Полуй. Но основная часть жилого и нежилого фонда поселка Надым сохранялась. Здесь работали сотрудники линейно-технического узла связи на линии Москва — Игарка, сотрудники фактории, действовала начальная школа, в 1954 г. из правобережного поселка Надым (который сейчас называется Старым Надымом) сюда была переведена также метеостанция. Даже к 1969 г., когда уже в течение трех лет на дворе стояла новая эпоха, эпоха газового освоения, и Надым быстро наполнялся своими новыми поселенцами, здесь со времен Сталина еще сохранялось восемь малосемейных общежитий, более десятка двух- и четырехквартирных домов, ежегодно обрабатывались четыре огорода с картофелем и другими овощами [МАУ НиНР Ф. 19. Оп. 3. Д. 12. Схема Генерального плана промышленного узла в г. Надым Тюменской области. Том. 1. Общая часть. Л. 1].

Игнорирование первых 23-х лет существования Надыма — это принципиальное пренебрежением к реальной истории. Такое пренебрежение в нашем обществе распространено и едва ли не господствует. Особенно, когда реальная история не столь парадна, как ее кто-нибудь (чаще — власть) хочет видеть. В таких случаяхписание или устное изложение истинного прошлого становится, якобы, непатриотичным. Во всех слоях общества царит примерно такая формула: «Я лично — умный и ответственный, мне можно и нужно знать в истории все. Прочим всей правды знать не нужно, поскольку они могут неверно ею распорядиться, в том числе они могут в наилучшем виде представить наше прошлое внешнему миру, и от этого пострадает наш образ, наше влияние». Исходя из такой позиции, получается, что часто гораздо патриотичнее и полезнее для отечественного авторитета — лгать. А для этого в свою очередь не обязательно говорить (или писать) неправду, достаточно не сказать (или не написать) правду. В итоге, пытаясь обмануть внешний мир, мы на самом деле обманываем сами себя. В свое время классик русской литературы и фронтовик Виктор Астафьев, говоря о правде истории, с горечью

отмечал, что порою зарубежные исследователи знают наше прошлое лучше нас.

Признание того, что город Надым был основан в апреле 1949 г. как станция на 501-й стройке, естественно, означало бы признание, что он основан преимущественно силами заключенных. Так и было. Но с точки зрения ныне преобладающих у власти бывших комсомольцев и коммунистов признание такой истины не допустимо. Да и местные ветераны часто любят себя в истории гораздо больше, чем саму историю. Потому и забыты слова легендарного надымчанина Аполлона Николаевича Кондратьева, более известного по прозвищу Граф, который отметил в рукописи своих воспоминаний: «Жители Надыма в большинстве своем вряд ли ясно представляют, что этот город возник

именно из-за строительства железной дороги, известной как «Стройка 501».

В связи с этим трудно не вспомнить эпитафию к поэме классика XIX века Н. А. Некрасова «Железная дорога»:

«Ваня (в кучерском армячке):

Папаша! Кто строил эту дорогу?

Папаша (*в пальто на красной подкладке*):

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!»

Но даже эта историко-литературная картинка как метафора не передает степени исторической неправды в случае с исчислением возраста города Надыма. Ведь пока что в Надыме, если и называют персоналию, то не руководителя начального строительства — полковника МВД, а руководителя из следующей эпохи — первого секретаря райкома КПСС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гриценко Н.В. Сколько лет нашему городу? // Надым-ТВ-Информ. 2013. № 34. С. 5.
- Гриценко В.Н., Калинин В.А. История «Мертвой дороги». Екатеринбург: Баско, 2010. 240 с.
- Легашев А. Так начинался Надым // Тюменская правда. 1971. 9 апр.
- Липатова Л.Ф. «И каждый раз навек прощайтесь...». Воспоминания О.Н. Кочубей // Северные просторы. 2006. № 1–2. С. 98.
- Побожий А. Мертвая дорога. Из записок инженера-изыскателя // Новый мир. 1964. № 8. С.178.
- ГАОПОТО Ф.1571. Строительство 501. Оп. 9. Д. 21.
- ГАОПОТО Ф.1572. Строительство 501. Оп. 3. Д. 23.
- ГАОПОТО Ф.1572. Строительство 501. Оп. 7. Д. 1.
- МАУ НиНР Ф. 19. Оп. 3. Д. 12. Схема Генерального плана промышленного узла в г. Надым Тюменской области. Том.1. Общая часть. Л.1
- Фонд ОАО «Ленгипротранс». Ед. хр. 7369. Производство изысканий железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка. 1949–1951 гг. Л. 1956.
- Фонд ЦМЖТ МПС РФ Технический проект железнодорожной линии Чум — Салехард — Игарка. Участок Салехард — Игарка. Альбом чертежей. Т. 2. Кн. 2. М. 1950.

TO THE QUESTION
ABOUT THE REAL AGE OF NADYM

Residents of Nadym calculate its age from 9 March 1972, when the central government awarded it the status of a town. This method of age calculating makes us perplexed for several reasons. Firstly, the exact founding date of "Nadym" stationary settlement in the place that the town occupies now is known. It happened on the 22nd of April in 1949 during the construction of the railway Chum — Salekhard — Igarka. Secondly, it is exactly known, that from the moment of its foundation this stationary settlement was never desolated and always played the role of the economic and political organizer of the surrounding territory. Thirdly, all the towns and cities of the Northwest Siberia, as almost all the world cities, calculate their ages from the dates of founding or from the first mention in historical documents. For instance, Salekhard was granted the status of a town in 1938, but its age is calculated from the moment of its foundation, i.e. 1595.

In Nadym a lot of photos depicting its life until 1972 have been preserved. It is clearly visible in the photos that the houses and other buildings erected during the Stalin era served to people until they were destroyed in connection with new construction in the early 1970s.

Keywords: real age of the town, railway construction Chum — Salekhard — Igarka, town status.

ДИСКУССИЯ О СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ В ГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА В 1960-Х ГГ.

В статье реконструируется дискуссия о системе расселения в Ямало-Ненецком округе в период начального этапа освоения газовых месторождений. В основе статьи анализ материалов конференции 1968 г. по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. Выявляются основные позиции проектных институтов, ведомств и региональной власти в отношении развития городов Ямало-Ненецкого округа.

Ключевые слова: внешнее расселение, внутреннее расселение, централизованное расселение, градостроительное освоение, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, урбанизация.

Изучение истории Ямала является актуальной проблематикой в современной урало-сибирской историографии [Карпов, 2011]. Однако в ямальской истории все еще есть лакуны, связанные в первую очередь с изучением становления и развития газодобывающей промышленности во второй половине XX в. В частности, остается не исследованной проблема расселения и возведения городов в период нефтегазового освоения северного региона.

Открытие и начавшийся ввод в разработку нефтяных, а затем и газовых месторождений, в начале 1960-х гг. послужили первопричиной урбанизации Тюменского Севера. Рост числа предприятий и, как следствие, — числа работающих, обусловили постановку вопроса об их расселении. Тюменская область не обладала большими людскими ресурсами, которые способны были обслужить отрасли нефтегазодобычи. Быстрыми темпами шло заселение региона извне. Около месторождений стихийно создавались неблагоустроенные поселки геологов, нефтяников, строителей и газовиков. В 1964 г. статус рабочих поселков получили поселения Игрим в Ханты-Мансийском округе и Тазовский в Ямало-Ненецком округе, располагавшиеся вблизи открытых газовых месторождений. В результате, во многом из-за стихийности миграций и градообразования в нефтеносных районах Среднего Приобья, перед руководством области встала проблема формирования такой системы расселения, которая способствовала бы экономичному, интенсивному и качественному развитию нефтегазодобывающей промышленности.

Задача усложнялась тем, что промышленное освоение региона продолжало двигаться дальше на север, в Ямало-Ненецкий округ, где были открыты колоссальные по объемам месторождения газа: Тазовское (1962), Новопортовское (1964), Губкинское (1965), Заполярное (1965), Уренгойское (1966), Медвежье (1967). Мировой опыт не обладал знаниями эксплуатации таких

огромных газовых месторождений, которые к тому же располагались в тяжелых природно-климатических условиях. Следовало выработать концепцию освоения северных районов Тюменской области, а также определиться с тактикой расселения рабочих. Решение данной задачи возлагалось на научно-технические конференции по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области, организацию которых во второй половине 1960-х гг. инициировал Тюменский обком КПСС. На этих конференциях и проявилась дискуссия о строительстве городов в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири.

В научной литературе, посвященной истории ЗСНГК, сформировалось мнение, согласно которому, огромное значение в становлении градостроительной концепции и стратегии развития нефтегазоносных районов сыграли три научно-технические конференции. Дискуссия о строительстве городов, проявившаяся на конференциях, отмечается в работах А. И. Прищепы [Прищеп, 2012. № 3. С. 138; Прищеп, 2012. № 4. С. 117–118]. Историк пришел к выводу, что несмотря на высказывание большинства ученых и практиков в пользу «внутреннего расселения» (то есть крупномасштабного городского строительства в регионе), вместо «внешнего варианта» (строительство вахтовых поселков и аэродромов, а все работы выполнять силами прилетающих с «большой земли» специалистов), длительное время определенного стратегического решения не принималось. По мнению Г. Ю. Колевой, после споров и дискуссий возобладала точка зрения, что нужно было строить города из многоэтажных домов из несгораемых конструкций и материалов, а также идея строительства нескольких крупных городов, из которых другие, более отдаленные территории осваивались вахтовым методом [Колева, 2007, с. 237]. Историк Н. Ю. Гаврилова имела иную точку зрения [Гаврилова, 2002. С. 233]. Она считала, что на конференци-

ях предполагалось использование двух типов поселений — традиционных (создание городов в радиусе 40-50 км от месторождений и мобильных поселений) и вахтовых. Н. Ю. Гаврилова отмечала, что сторонники традиционных подходов преобладали, и началось осуществление расселения на традиционных принципах. Видно, что мнения историков разнятся между собой. Причина этого видится не в объекте исследования, который нельзя интерпретировать однозначно, а в недостаточном привлечении источников. Анализ историков базировался либо на основе мемуаров (А. И. Прищепа, Г. Ю. Колева), либо на немногих газетных публикациях (Н. Ю. Гаврилова). Материалы самих конференций не привлекались в исследованиях.

Вместе с тем, следует отметить, что историки анализировали только две тюменские конференции — 1966 и 1969 гг. В то же время конференция, прошедшая в 1968 г. и затронувшая проблемы расселения в газоносных районах, вообще была обделена вниманием историков. В этом контексте данная статья впервые вводит в научный оборот не только материалы конференции 1968 г. по градостроительству, но и в принципе открывает для исследователей севера Западной Сибири сам факт существования этой конференции, которая была важнейшим событием в период дискуссий по поводу строительства городов нефтяников и газовиков Западной Сибири. Возможно, этой статье бы не было, если бы автор случайно не наткнулся на сборник материалов в одной из библиотек г. Тюмени.

Итак, на сегодняшний день наиболее известна конференция по проблемам градостроительства, прошедшая в Тюмени в июне 1966 г. Последние исследования показали, что основная линия противостояния на конференции вырисовывалась между Миннефтепромом СССР и руководством Тюменской области. Руководители области ратовали за централизованное расселение в крупных городах с широким применением вахтового метода в местах нефтегазодобычи, а нефтяники — за метод расселения, предусматривавший возведение небольших городов вблизи месторождений. В конечном итоге на конференции 1966 г. была принята точка зрения Тюменского обкома КПСС, то есть централизованное расселение с преимущественным созданием благоустроенных городов-центров крупных районов и близрасположенных групп месторождений. Несмотря на то, что участники конференции 1966 г. говорили о единой системе расселения в Тюменской области, которая затрагивала и нефтеносные и газоносные районы, основной упор был сделан на градостроительное освоение территории нефтедобычи, то есть на регион Среднего Приобья и Ханты-Мансийский округ. Однако с открытием череды уникальных газовых месторождений на Ямале неожиданно остро встал вопрос о методах расселения в газоносных районах.

В начале 1966 г. в промышленную разработку были введены газовые месторождения Березово-Игримской группы, которые располагались в Ханты-Мансийском округе. Вместе с тем требовался выход на ямальские

запасы газа. Первый секретарь Тюменского обкома Б. Е. Щербина еще в мае 1966 г. в газете «Тюменская правда» призвал «безотлагательно принять программу ускоренного развития газодобывающей промышленности в Тюменской области» [Нефть и газ, 1973. С. 62]. Тем не менее, из-за неясности с объемами запасов газа и отсутствия мирового опыта газодобычи в таких северных широтах, подготовка к эксплуатации газовых месторождений была приостановлена.

Ситуация постепенно стала меняться в конце 1967 г. и начале 1968 г., когда в январе Тюменскую область посетил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, на совещании у которого было отмечено, что по запасам газа область становилась одним из крупнейших районов в мире. На этом совещании Госстрою СССР было поручено «ускорить разработку проектов жилых домов и объектов культурно-бытового назначения для районов Крайнего Севера» [Государственный архив. 4966. Л. 15]. Визит Косыгина подвел конец спорам вокруг ввода в эксплуатацию северных газовых месторождений. Окончательное признание большого народнохозяйственного значения за газоносными районами Тюменской области последовало в постановлении Совета Министров от 17 мая 1968 г. «О мероприятиях по подготовке к строительству мощных газовых промыслов и газопроводов».

Однако руководство Тюменской области не дожидалось решений из центра, а принялось искать варианты стратегии освоения Ямала. Активизация региональных властей была связана с открытием в 1967 г. уникального по запасам газа месторождения — Медвежье. Важнейшей частью этой стратегии являлся подход в градостроительном освоении, для обсуждения которого было решено провести конференцию. 26 декабря 1967 г. вышло постановление бюро Тюменского обкома КПСС и облисполкома «Об организационных вопросах научно-технической конференции по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области» [Государственный архив. 4795. Л. 22–27]. Постановление определяло перечень основных докладов и состав организаций-участников. Среди организаций-участников указывались Мингазпром СССР, Главтюменнефтегазстрой, Тюменьгазпром, многие проектные институты. Всего 66 организаций. При этом среди них не было Миннефтепрома СССР и Главтюменнефтегаза, что, в общем-то, было логичным, поскольку они занимались нефтедобывающей, а не газодобывающей промышленностью в регионе. Председателем оргкомитета конференции назначался секретарь обкома КПСС Е. А. Огороднов, курировавший в партии вопросы строительства.

Конференция состоялась 26–28 июня 1968 г. Открывал конференцию второй секретарь Тюменского обкома КПСС А. К. Протозанов, который пожелал ее участникам плодотворной работы [Тюменская правда, 1968. С. 1]. Структура конференции повторяла структуру конференции 1966 г. Первая секция была посвящена районной планировке и расселению. На второй секции рассматривались вопросы планировки, застрой-

ки и инженерного оборудования городов и поселков. Третья секция затрагивала проблемы конструктивных решений зданий, оснований и фундаментов строительной геологии.

В отличие от конференции 1966 г., представители ведомств, по непонятной причине, не предоставили свои доклады для участия (по крайней мере, эти доклады не были опубликованы). Не исключена вероятность, что ведомства могли просто проигнорировать приглашение Тюменского обкома КПСС. Это могло быть связано с тем, что в тот период между руководством области и нефтегазодобывающими и строительными ведомствами усилилась борьба интересов по вопросам строительства городов нефтяников и поселков газовиков Среднего Приобья. Руководство области всеми силами хотело направить развитие региона по пути урбанизации, главным приоритетом выдвигалось создание благоустроенных городов. Ведомства же шли по другому пути — их в первую очередь интересовало выполнение планов по добыче нефти и газа.

Было опубликовано 47 докладов (вероятно, заслушано было больше), в которых поднималось множество проблем, связанных с комплексным освоением Ямало-Ненецкого округа, в том числе развитие системы транспорта, внедрение новых типов благоустроенных жилых домов и методов строительства, выявление природно-географических и ландшафтных условий. Однако главный вопрос, на который должна была дать ответ конференция, звучал так: целесообразно ли строительство городов в газоносных районах Тюменской области?

Против строительства городов в Ямало-Ненецком округе выступил Госплан СССР. Руководитель сектора Западно-Сибирского промышленного комплекса Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР В. Д. Белорусов высказал идею создания в регионе благоустроенных гостиниц, где могли бы жить и работать рабочие, инженерно-технический персонал [Научно-техническая конференция, 1968. С. 14]. Такой вариант не требовал расселение в северных районах семей рабочих: «весь промышленно-производственный персонал живет в этих гостиницах, а семьи находятся в районе Тюмени, Тобольска, возможно в других местах, с достаточно хорошими климатическими условиями» [Там же. С. 14]. После определенного периода вахты, который определялся в 15–20 и более дней, все работники выезжали к своим семьям, а затем к работе приступала очередная смена. По мнению представителя Госплана, гостиницы полноценно заменяли города и рабочие поселки.

Главным аргументом против возведения городов служила дороговизна реализации данного проекта. Наиболее крупные затраты связывались с жилищным и гражданским строительством. По расчетам Госплана СССР, при расселении 21–24 тыс. чел., которые обеспечивали функционирование газодобывающей промышленности, для обустройства указанного количества жителей в городах и поселках необходимо

было затратить 140–150 млн руб. В то же время сооружение и содержание гостиниц вахтенного типа для размещения в них 6–7 тыс. чел. обходилось стране в 45–50 млн руб. [Там же. С. 13–15]. Плюсом было также то, что при такой схеме расселения в северные районы не привлекалось значительное количество учителей, врачей, работников торговли и культуры. Поэтому следовало отказаться от городского строительства на Крайнем Севере области и перестать ввозить туда такое количество семей и особенно работников, занятых в производственной сфере. Однако в конце доклада представитель Госплана подчеркнул, что строительство гостиниц и городов в регионе было изучено недостаточно, и только после всестороннего исследования можно было решить какой метод расселения больше подходил при освоении северных газовых месторождений. В целом идея гостиниц основывалась на утверждении, что даже при колоссальных объемах добычи природного газа в перспективном периоде (от 170 млрд куб. м. к 1975 г. до 310–360 млрд куб. м) потребность в промышленно-производственных кадрах, занятых в добыче, составит 6–7 тыс. чел. Такое количество рабочих могли обслужить и благоустроенные гостиницы.

Позиция Госплана СССР не была поддержана институтами Гипрогором и Ленинградским государственным институтом проектирования городов (Ленгипрогор). За скорейшее проектирование городов выступил известный свердловский архитектор Г. В. Шауфлер [Там же. С. 76]. По его мнению, это способствовало перспективному развитию газоносных районов.

На пленарном заседании конференции проектировщики московского Гипрогора предложили два варианта решения проблемы расселения при эксплуатации газоносных месторождений: внутренний и внешний [Там же. С. 20–21]. Внутренняя система предусматривала осуществление расселения непосредственно в районах газодобычи, а внешняя — за пределами Ямало-Ненецкого округа. Система внутреннего расселения включала в себя три возможных варианта:

1) «групповой вариант», предусматривающий размещение населенных пунктов с численностью от 10 до 20 тыс. чел. при группах месторождений (такими городами должны были стать Уренгой (Уренгойская группа месторождений), Надым (месторождения Медвежье и Юбилейное), Тазовский (Заполярье и Тазовское), Тарко-Сале (Пуровское и Губкинское), Новый Порт (Ямальская группа месторождений);

2) «централизованный вариант», который допускал возведение одного большого города до 80 тыс. жителей в пределах Ямало-Ненецкого округа для всех групп месторождений (таким городом могли стать Уренгой или Надым), которые эксплуатировались с помощью вахтовых поселков;

3) «децентрализованный вариант», согласно которому создавались мелкие населенные пункты до 2-х тыс. жителей у каждого промысла.

Система внешнего расселения предусматривала расселение газовиков и их семей в одном из имеющих городов Тюменской области в более благоприятных климатических условиях, с более дешевым жилищным строительством. По мнению Гипрогора, под такой город хорошо подходили Тюмень и Сургут. При этом подходе, в пунктах добычи газа организовывались «вахты длительного пребывания и базисный аэродром» [Научно-техническая конференция, 1968. С. 21], куда рабочие доставлялись из центра расселения и развозились по промыслам. Фактически вариант внешнего расселения был тождественен идее создания в регионе благоустроенных гостиниц.

В целом, по мнению специалистов Гипрогора, в газодобывающий регион должно было приехать 70–80 тыс. чел., а в пиковые годы строительства в 1974–1977 гг. дополнительно 25–30 тыс. чел. Учитывая такие объемы, приоритет отдавался внутренней системе расселения с возведением одного или нескольких городов.

Градостроители Гипрогора Э. Я. Фейгина и В. И. Замерцева также обратили внимание на то, что композиция северных городов Тюменской области должна «строиться на принципе замкнутости и предельной компактности всего города» [Там же. С. 22]. По мнению архитекторов, планировка должна была соответствовать следующим нормам: «Город формируется вокруг общественного центра с минимальным раскрытием в сторону окружающей природы. В планировку целесообразно заложить повышенную плотность жилого фонда, что даст возможность сократить расстояние от жилья до учреждений культурно-бытового обслуживания и создать в жилых комплексах замкнутые внутренние пространства с зонами относительного ветрового затишья» [Там же. С. 22–23].

Были представлены и другие варианты градостроительного освоения территории Ямало-Ненецкого округа. Так, красноярский «ПромстройНИИпроект», занимавшийся проблемами расселения в Норильском промышленном узле, рекомендовал сооружение пионерных поселений типа мобильного комплекса из передвижных, сборно-разборных стандартных элементов с повышенным уровнем комфорта жилищно-бытовых и производственных условий. А результатом процесса освоения на ближайшую перспективу, по мнению красноярцев, становились постоянные населенные пункты — очаговые производственно-селитебные комплексы для эксплуатации газовых месторождений [Научно-техническая, 1968, с. 38]. Институт географии АН СССР предложил схему газопромышленного расселения, включающую центр расселения — крупный город (до 20 тыс. чел.) — и его более мелкие постоянные и сезонные «спутники» [Там же. С. 42–43]. По мнению Сибирского зонального научно-исследовательского и проектного института (СибЗНИИЭП), наиболее перспективными в промышленном плане городами и поселками в Тюменской области были Тюмень, Сургут, Тобольск, Ишим, Заводоуковск, Луговой, Междуреченский и Кондинское [Там же. С. 62].

Согласно подходу Ленгипрогора, важнейшей задачей освоения севера Тюменской области должен был стать Салехард и приближенный к нему рабочий поселок Лабытнанги, которые представляли собой естественную тыловую базу освоения газоносных районов [Там же. С. 54–55]. Это обуславливалось тем, что через Лабытнанги Салехард был связан с железнодорожной сетью Европейской части страны. Институт отмечал, что на протяжении ряда лет в Салехарде и Лабытнанги не велось капитального строительства. Связано это было с тем, что поселения располагались в зоне возможного затопления при строительстве Нижне-Обской ГЭС. Попутно затрагивалась проблема возведения Нижне-Обской ГЭС, строительство которой, по мнению института, не только усложняло эксплуатацию газоносного района, но также перечеркивало градостроительное освоение Тюменского Севера. Директор института К. Н. Нелюбин указывал, что Салехард должен был развиваться либо на существующей территории, либо на новых площадках «как компактный благоустроенный город — центр Ямало-Ненецкого округа и новая газопромышленная столица Сибирского Севера, а не как случайное скопление разобщенных и неблагоустроенных поселков» [Там же. С. 55].

Сотрудники Центрального научно-исследовательского и проектного института жилых и общественных зданий (ЦНИИЭП жилища) подчеркнули существование недопустимого явления, которое сложилось в жилищно-гражданском строительстве на севере Тюменской области, а именно — «возникновение больших неблагоустроенных временных поселков вокруг строящихся предприятий, в результате чего, каждый новый город на Севере, практически, строится дважды» [Там же. С. 105]. Во многом такая ситуация образовалась из-за политики ведомств.

Участники конференции отмечали, что высокие темпы нефтегазодобычи привели к тому, что ведомства стали самовольно размещаться и строиться города и поселки без заранее составленной схемы районной планировки и генеральных планов развития. По мнению сотрудника Сибирского Научно-исследовательского института транспортного строительства (СибЦНИИС) В. Я. Ткаченко, ведомственный подход к планированию и экономическому обоснованию нового района порождал «распыление средств на одни и те же цели, неэффективное их использование» [Там же. С. 49]. Более резко высказался директор Ленгипрогора К. Н. Нелюбин: «Мы стоим перед угрозой беспорядочной, лишённой единого генерального плана, ведомственной застройки обоих берегов Оби, которая поглотит современный город Салехард, лишив его каких бы то ни было градостроительных перспектив» [Там же. С. 55]. Большинство проектных институтов давали негативную оценку в отношении градостроительной политики министерств и ведомств, которые и осуществляли непосредственную застройку, были заказчиками жилищно-гражданского и культурно-бытового строительства в городах, а в некоторых случаях и подряд-

чиками. Для решения этой проблемы представитель новосибирского Инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева И. Ф. Малков предложил создание специальной организации «Приобьгражданстрой», которая выполняла бы функции единого застройщика по жилищному и культурно-гражданскому строительству в городах нефтегазоносных районов [Научно-техническая конференция, 1968. С. 111].

В целом большинство участников ясно высказались за возведение городов и поселков в районах газодобычи. Создание гостиниц серьезно не рассматривалось руководством Тюменской области не только по причине того, что прогнозируемая Госпланом СССР численность населения была неправдоподобно мала, но и в первую очередь из-за незначительных объемов финансирования и нереализуемости при таком гостиничном проекте комплексного развития региона, за которое всеми силами ратовала местная власть. Во многом под влиянием конференции, Госплан СССР пересмотрел свою позицию в отношении градостроительства в Ямало-Ненецком округе. В дальнейшем, как показали события, получил поддержку централизованный вариант системы внутреннего расселения, предложенный Гипрогором. Этот вариант нашел отражение в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» и от 21 декабря 1971 г. «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области».

Если при централизованном расселении нефтеносных районов Среднего Приобья было решено строить несколько крупных городов-центров, откуда направлялись вахты и экспедиции для эксплуатации месторождений, то в газоносных районах Крайнего Севера было решено создавать один базовый город-центр. Из всех предложенных вариантов (Уренгой, Салехард, Надым), выбор остановился на проектируемом городе Надым. Первостепенно этот город становился базовым для эксплуатации Медвежьего газового месторождения и опорным пунктом газопроводов. Такая схема расселения рассматривалась как основная при разработке Гипрогором в 1970 г. проекта районной планировки Надым-Уренгойского промышленного района.

Генеральный план Надыма, созданный Гипрогором в 1969 г., был утвержден Тюменским облисполкомом в 1970 г. Численность населения Надыма на расчетный срок до 1980 г. предусматривалась в 16 тыс. чел. В 1972 г. Надым получил статус города окружного под-

чинения, при этом он миновал получение статуса рабочего поселка. Однако в 1970-х гг. реализация централизованного расселения в Ямало-Ненецком округе была далека от идеала. Газовые ведомства стремились создавать поселки при предприятиях и вблизи месторождений. В 1975 г. городом стал Лабытнанги — центр ямальской геологоразведки. В 1976 г. статус рабочего поселка получил Тарко-Сале, формировавшийся как база на Пурпейской группе нефтегазовых месторождений, а в 1979 г. рабочими поселками стали Ноябрьский, Пангоды, Уренгой и Старый Надым. Ведомства ратовали за возведение базового города и при гигантском Уренгойском газовом месторождении. Тюменское руководство не готово было согласиться со строительством еще одного крупного города в северных широтах, но, тем не менее, в 1974 г. облисполком утвердил генплан Нового Уренгоя, разработанный Гипрогором. Численность населения предусматривалась на расчетный срок 25–30 лет в 30 тыс. чел. и 18 тыс. чел. до 1980 г. [Архивный отдел, Л. 124–130]. Но ведомства принялись за развитие Нового Уренгоя не по генплану, и получение статуса города затянулось до 1980 г.

Таким образом, материалы конференции по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области, прошедшей в Тюмени в 1968 г., показали, что в дискуссии получила поддержку точка зрения строительства городов на Крайней Севере, а идея гостиниц была отвергнута. Вместе с тем было решено осуществить централизованный вариант внутреннего расселения и построить в Ямало-Ненецком округе только один базовый город газовиков, откуда эксплуатация месторождений осуществлялась вахтовым методом. Несмотря на принятое централизованное расселение в конце 1960-х гг., под влиянием неконтролируемой градостроительной политики ведомств, по большому счету в 1970-х гг. произошла реализация группового варианта расселения с созданием поселений при каждом крупном газовом месторождении. Это явление еще раз подтверждает тезис о том, что городское строительство и расселение в Советском Союзе в условиях индустриализации Севера и Сибири происходило стихийно и не подчинялось разработанным градостроительным проектам и планам. Стихийность и неуправляемость урбанизационного процесса при реализации недостаточно жесткой и последовательной политики региональных властей и всесии крупных промышленных предприятий в период освоения ресурсодобывающих территорий должны учитываться в стратегиях развития Крайнего Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивный отдел Администрации города Сургута. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102.

Гаврилова Н.Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. № 1–2. С. 230–237.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4795.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4966.

Карпов В.П. Ямал в современной историографии // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 176–180.

Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 1. С. 237–244.

Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26–28 июня 1968 г. Тезисы докладов. Тюмень, 1968. 180 с.

Нефть и газ Тюмени в документах (1966–1970 гг.). Т. II / ред. В. Клепиков. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973. 340 с.

Прищепа А.И. Пять занимательных эпизодов из истории строительства города Сургута // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 137–140.

Прищепа А.И. Создание материальной базы строительства на севере Западной Сибири (вторая половина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 117–120.

Тюменская правда. 1968. № 149. С. 1.

DISCUSSION ON THE SYSTEM OF RESETTLEMENT IN GAS PRODUCING REGIONS OF THE YAMAL-NENETS DISTRICT IN THE 1960S.

The article shows the discussion about the system of resettlement in Yamal-Nenets District in the period of the initial stage of development of gas fields. The article is based on the analysis of materials of the conference of 1968 on the problems of urban development in gas-bearing districts of Tyumen region. The main positions of design institutes, departments and regional authorities related to urban development of the Yamal-Nenets Autonomous District are revealed.

Keywords: external resettlement, internal resettlement, centralized resettlement, urban development, the West-Siberian oil-and-gas complex, urbanization.

УРЕНГОЙСКАЯ ГРЭС: ОТ ИДЕЙ И ЗАМЫСЛОВ К РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются причины и результаты строительства Уренгойской ГРЭС во взаимосвязи с потребностями народного хозяйства в конце XX в. Показан процесс создания социально-бытовых и культурных условий для работников электроэнергетической отрасли с целью решения вопроса кадрового обеспечения.

Ключевые слова: электростанция, электроэнергетика, энергостроители, Уренгойская ГРЭС, кадровый вопрос, жилой поселок, Лимбяяха.

В 1980-х гг. на территории Тюменской области начался активный процесс электроэнергетического освоения. Форсированные темпы проектирования и строительства электрических сетей, электростанций в Сургуте, Нижневартовске, Уренгое связаны с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии электроэнергетики в Тюменской области на базе местного природного и попутного нефтяного газа в 1981–1990 гг.».

Мингазпром СССР планировал осуществлять промышленную добычу газа на полуострове Ямал в 1991 г. Поэтому Минэнерго СССР необходимо было начать строительство ряда энергетических объектов с 1986 г., один из которых должен был вырабатывать электроэнергию на месте и обеспечивать централизованное электроснабжение объектов газовой промышленности. В соответствии с предварительными проектными проработками на территории Ямала, в частности в г. Лабитнанги, было запланировано для выше поставленной цели несколько газотурбинных электростанций суммарной мощностью 500–600 МВт и около 1000 км линий электропередачи напряжением 220 кВ с подстанциями. План Минэнерго включал строительство линий электропередач напряжением 500 кВ для передачи электроэнергии в районы добычи газа от Печорской ГРЭС, мощности планировалось увеличить. Учитывая, что ЛЭП тянулись на полуостров от территориально приближенной р. Коми, Минэнерго считало целесообразно возложить функции заказчика по строительству всего комплекса энергетических объектов, связанных с электроснабжением потребителей Мингазпрома в этом регионе, кроме новой ГРЭС в районе г. Лабитнанги, на «Комиэнерго». Функции заказчика по проектированию ГРЭС в Лабитнанги Минэнерго СССР возлагались на «Тюменьэнерго». В связи с вышеуказанным, Минэнерго СССР просило Тюменский обком КПСС поддержать это предложение [ГАСПИТО Ф. 124. Оп. 242. Д. 151. Л. 46].

Тюменский обком предложение Минэнерго СССР не поддержал, объясняя тем, что возложение функций

заказчика по этим работам целесообразнее возложить на «Тюменьэнерго» в связи с тем, что обустройство нефтегазодобывающих отраслей и другой промышленности на Ямале являются составной частью комплексной программы развития народного хозяйства Тюменской области, основных направлений обкома партии. Заказчиками по строительству объектов нефтяной и газовой промышленности в этом регионе выступали Главтюменьгазпром и Главтюменьнефтегаз и работы выполнялись областными подразделениями. Решение обкома мотивировалось тем, что передача функций заказчика «Комиэнерго» по строительству энергетических объектов на значительной территории Тюменской области подорвет единство задач, поставленных перед Тюменьэнерго, а также затруднит взаимоотношения служб заказчика с предполагаемой организацией из другой области. Министерство энергетики и электрификации согласилось с убедительными причинами отказа в поддержке своей просьбы и возложило обязанности функции заказчика по проектированию и строительству новой ГРЭС в Лабитнанги на «Урало-сибирскую дирекцию строящихся предприятий Тюменской области», а функции заказчика по проектированию и строительству ЛЭП напряжением 220–500 кВ возложило на «Комиэнерго». «Тюменьэнерго» должно было оказывать помощь «Комиэнерго» и «Северо-Западному отделению Энергосетьпроекта» в проектировании ЛЭП, предназначенных для электроснабжения объектов газовой промышленности на Ямале [ГАСПИТО Ф. 124. Оп. 242. Д. 151. Л. 48–50].

Проект Уренгойской ГРЭС был разработан на основании Постановления ЦК КПСС от 24 апреля 1980 г. за № 337 «О развитии в Тюменской области электроэнергетики на базе местного природного газа и попутного газа в 1981–1990-х гг.» и Постановления Совета Министров от 23 апреля 1982 г. № 338 «О дополнительных мерах по обеспечению развития электроэнергетики в районах Западной Сибири» [АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д.1. Л.1]. Основным видом топлива согласно Техническому проекту строительства электростанции в Уренгое предусмотрен природный газ,

резервным — мазут. Проектная мощность Уренгойской ГРЭС составляла 2500 МВт.

Проектная мощность Уренгойской ГРЭС в соответствии с приказом Минэнерго СССР «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 гг.» от 27 декабря 1985 г. составляла 420 тыс. киловатт. Согласно этому же источнику период 1986–1988 гг. — период основных строительных и монтажных работ, а 1989–1990 гг. — ввод в действие электростанции. Она должна была снабжать электрическими мощностями предприятия нефтяной и газовой промышленности ЗСНГК 210 тыс. кВт [АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д.1. Л. 75.].

Но, еще в 1979 г. в условиях сурового климата и многолетней мерзлоты начались изыскательские работы по строительству единственной стационарной тепловой электростанции на территории ЯНАО — Уренгойской ГРЭС. В соответствии с инструкцией Минэнерго выбиралось 3 участка для строительства ГРЭС. Одним из мест площадки электростанции был выбран на берегу озера Ямылимуяганто в бассейне реки Пур, в 70 км. южнее полярного круга, на территории относящейся к г. Новый Уренгой. Осенью 1983 г. энергопоезда были снабжены дизельным топливом с целью выполнения работ по оттаиванию грунтов на Уренгойской ГРЭС [АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д.2. Л. 12]. Под электрооттаиванием в строительстве понимается сложный процесс подготовки мерзлых грунтов при помощи технологии электрического размораживания, а именно бурения скважин на расстоянии 1–1,5 м друг от друга и вставкой в них горизонтальных и вертикальных глубинных электродов, соединенных в определенной последовательности с кабелем, по которому подается напряжение. Под действием тока, провода нагреваются и прогревают грунт, который под воздействием температуры начинает оседать на глубину от 1 и более метров. В зависимости от характера грунта и мерзлоты оттаивание грунта происходит от 2-х и более месяцев. В начале 1980-х гг. в СССР уже имелся опыт применения технологии электрооттайки грунтов под строительство ГРЭС. Ранее он применялся в ходе строительства Колымской ГЭС. Однако, как отмечали специалисты, характер грунтов и вечной мерзлоты Магаданской области существенно отличался от Тюменского Севера. В результате энергостроителям представлялась уникальная возможность поиска новых инженерно-технических решений в строительстве ГРЭС в суровых природно-климатических условиях. Технологию электрооттайки после удачных испытаний на опытной площадке начали осуществлять на строительстве Уренгойской ГРЭС только в 1986 г. Первым «прогретым» участком строительной площадки стал небольшой квадрат земли (40 метров в глубину) предназначенный под дымовую трубу будущей ГРЭС [Лаубер и др., 2014. С. 17.]. Практически параллельно осуществлялись подготовительные работы по обеспечению оборудованием и техникой подстанции «Головная» и ЛЭП Уренгой-Муяганто, а также самой Уренгойской ГРЭС. Всем этим занималась с июня

1983 г. бригада рабочих изыскательного отряда института «Гидроспецпроект» под руководством опытного энергостроителя А. И. Чернобая. Кроме того, бригада проводила первичную апробацию еще разрабатывающихся деталей технического проекта Уренгойской ГРЭС, таких как испытание основания свай, брали пробы воды и грунта при водопонижении и электрооттаивании грунтов [АОАНР. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 12].

Забегая наперед отметим, что изыскательский отряд института «Гидроспецпроект» практически в неизменном составе вел экспериментально строительные работы на площадке Уренгойской ГРЭС до 1994 г., т. е. до приостановления строительства станции [Рахматулина, 1999. С. 3.].

С целью утверждения строительной площадки 8 марта 1984 г. в рабочий поселок, именуемый в официальных документах Минэнерго СССР как город Тихий, прибыл министр энергетики СССР Петр Степанович Непорожний. Чтобы правительственная делегация могла двигаться на местности в снегу были вырыты траншеи глубиной более 2 м. Лишь только после убедительного доклада о добыче газа на Ямале до 2005 г. П. С. Непорожний дал разрешение на строительство ГРЭС в районе озера Ямылимуяганто [Лаубер и др., 2014. С. 24–25.].

Начальником Управления строительства Уренгойской ГРЭС в 1982 г. был назначен Александр Семенович Анисимовец. По плану строительства УС ГРЭС уже в 1986 г. необходимо было сдать в эксплуатацию отопительную котельную с 2 водогрейными котлами мощностью 50 Гкал и 3 паровыми котлами производительностью 25 т пара в час. Ввод котельной и подстанции «Головная» были необходимы с целью экономии финансовых средств и обеспечения рабочего поселка электроэнергией и теплом. Строительство осуществлялось строго по плану. К ноябрю были установлены паровые котлы. Однако сильные морозы с ноября по январь не позволяли качественно обогреть от электрокотельной здание, в котором находились котлы. В результате чего, оборудование перемерзло и работало недостаточно надежно. В этот же период были проведены 13 км железнодорожных путей к строительной площадке ГРЭС. Вести работы на открытом воздухе в минус 50–60 градусов было сложно. На таком морозе замерзали не только люди, но и строительные материалы и оборудование, автотехника, драгоценное горючее. Так, за период ноябрь–декабрь 1986 г. более 50 цистерн с топливом было заморожено, в тех условиях их невозможно было отогреть и применить по назначению. Между тем, весной 1987 г. филиалом Одесского института «Оргэнергострой» был смонтирован пусковой комплекс, состоящий из 2-х паровых котлов, а также проведены пусконаладочные работ. В результате этих работ была осуществлена подача тепла от котельной на все объекты строительной базы и жилого поселка [Там же. С. 24–25].

Уренгойская ГРЭС была введена в строй действующих приказом № 521 по Министерству энергетики и электрификации СССР от 28 августа 1987 г. Организацией строительства самого объекта электроэнергетики занима-

лись «Главное управление капитального строительства» и «АТЭП», проектной документацией — «Главтехстрой», «Союззапсибэнерго» и техническую документацию на строительство пускорезервной ТЭЦ — «Главное управление капитального строительства». Поставкой и изготовлением нестандартного оборудования газового хозяйства отопительной котельной Уренгойской ГРЭС занимались «Главэнергокомплект», «Союзэнергоремонт», «Союззапсибэнерго». Поставка оборудования, согласно указаниям Минэнерго СССР, должна осуществляться в первом квартале 1987 г. Уренгойская ГРЭС снабжена только отече-

ственным оборудованием [АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д.1. Л. 109].

Правительственным решением в связи со сложным финансовым положением в СССР основное строительство Уренгойской ГРЭС окончательно перенесли на 1989 г. [АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 75–76.]. К тому же, проектная стоимость строительно-монтажных работ на момент разработки технического проекта строительства Уренгойской ГРЭС превышала плановые затраты, во многом из-за применения метода электрооттаивания стоимость сооружения возросла на 17 % [Лаубер и др., 2014. С. 17.].

Таблица 1.

Задание по строительству и вводу в действие энергетических мощностей в Тюменской области (тыс. кВт/ч) [ГАСПИТО Ф. 124. Оп. 236. Д. 125. Л. 56]

	Год начала строительства	1986–1990 гг. всего	В том числе				
			1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Сургутская ГРЭС-2	1982	3200	800	800	1600		
Нижневартовская ГРЭС	1985	2400			800	800	800
Уренгойская ГРЭС	1985	420				210	210
Тюменская ТЭЦ-2	1984	990	180	180	210	210	210
Тобольская ТЭЦ	1978	730	100	210	210	210	
Няганьская ГРЭС	1978	210	210				210
Всего:		7950	1080	1190	2820	1430	1430

Основное строительство пускорезервной ТЭЦ Уренгойской ГРЭС происходило в 1990–1992 гг. В августе 1990 г. выполнен пуск первой, а в декабре 1991 г. запуск очередей пускорезервной ТЭЦ. Несмотря на резкое сокращение финансирования строительно-монтажных работ строящейся ГРЭС, в 1992 г. была запущена в полном объеме ПРТЭЦ Уренгойской ГРЭС. ЯНАО вошла в единую электроэнергетическую систему страны. Через 2 года в связи со сложным экономическим положением и нестабильным политическим курсом в стране строительство было остановлено. В связи с усиливающимся энергетическим дефицитом в ЯНАО в 2001 г. строительство возобновилось.

Для осуществления планов строительства крупнейшего объекта требовалось срочно решить кадровый вопрос. Только одних рабочих эксплуатационного штата ГРЭС необходимо было набрать 268 человек.

Он был одним из сложных в виду суровых природно-климатических условий региона и его неизбежностью, отсутствия жилья и важнейших объектов социального назначения, а также минимальных окладов заработной платы и запрета премиального стимулирования, потому что ГРЭС еще не была построена. Между тем, кадровый штат постепенно пополнялся за счет таких форм комплектования кадров как прием на месте, перевод и приглашение специалистов, направление выпускников учебных заведений, оргнабор, общественный призыв, трудоустройство демобилизованных воинов и студенческих отрядов. Ведущими источниками комплектова-

ния кадров Уренгойской ГРЭС были рабочие, крестьяне. Основными регионами — поставщиками кадров до середины 1990-х гг. были Свердловская, Московская, Ленинградская области, Молдова, Казахстан, Украина.

На строительство Уренгойской ГРЭС приезжали молодые люди, многие из которых были демобилизованными воинами. По завершению службы в рядах Советской Армии многим предлагали применить свои силы в освоении целинных земель Казахстана, нефтяного края Сибири или сделать карьеру в органах МВД. Большая часть демобилизованных воинов отправлялась на освоение Тюменского Севера. Причинами трудоустройства в УС Уренгойской ГРЭС выступал ряд таких факторов как материального (решение жилищного вопроса, возможность трудоустройства, регулярная выплата заработной платы), так и духовного характера (идеи романтиков, создающих новый мир, покорителей суровых краев, возможность самовыражения и самоутверждения оставались еще актуальными) [Маловица, 1999. С. 2.]. Среди первых энергостроителей Уренгойской ГРЭС были представители потомственных энергетиков. На современном этапе данная промышленная организация может заявлять о себе как, предприятию с традициями, т. к. продолжают трудовую деятельность и преемственность династии энергетиков: Лауберы, Суриковы, Пакины, Захаровы, Племянниковы, Банько, Толстопятовы, Белкины, Лапицкие.

С целью сохранения кадров Управлением строительства и Дирекцией Уренгойской ГРЭС была про-

ведена большая работа. Одним из доказательств является создание населенного пункта на необжитой территории ЯНАО.

В 1983 г. был образован рабочий поселок энергостроителей Уренгойской ГРЭС в районе строительной площадки электростанции. Свое название поселок получил в результате визита правительственной делегации в 1986 г. Как уже выше отмечалось, в архивных материалах Минэнерго до 1986 г. упоминается, что стационарным местом проживания уренгойских энергостроителей является город Тихий, а с 1986 г. о р. п. Лимбяха. По замыслу Минэнерго СССР, по окончании строительства ГРЭС, вокруг нее должен был построен город Тихий. Его название не соответствовало партийной установке о наименовании населенных пунктов на языке коренного населения. Поэтому было принято назвать поселок энергетиков Уренгойской ГРЭС по названию протекающей по его территории речки Лимбяха, что в переводе с ненецкого означает «Орлиная река».

Официальное присвоение статуса рабочего поселка Лимбяха произошло 10 мая 1988 г. с численностью 3194 человека. Несмотря на то, что население поселка считалось сельским, начиная с первых дней его появления, административно он подчинялся Администрации Уренгоя. С течением времени и естественного строительства территориальные границы Лимбяхи и Уренгоя стирались. В результате референдума в сентябре 2004 г. поселок в качестве микрорайона вошел в состав Нового Уренгоя. Первый микрорайон поселка был назван Приозерным. В целом, для ЯНАО характерна тенденция агломерирования, т. е. становления населенных пунктов расположенных вблизи крупнейших месторождений, центрами формирования локальных систем расселения из близлежащих населенных и производственных пунктов.

Поселок Лимбяха стал не просто базовым населенным пунктом энергостроителей. Он стал символом победы энергостроителей над всеми производственными и социально-бытовыми сложностями. Первые строители жили в вагончиках, которые получили в народе название «раздвижки» или «бамовские дома». Это были сборно-щитовые, деревянные, одноэтажные здания, не предназначенные для северных широт. В таких домах, как правило, при температуре минус 30 градусов, таявший снег, попадая с крыши здания на пол, превращался в ледяную лужу. В помещениях температура воздуха у пола не достигала нулевого значения, на уровне среднего человеческого роста — плюс 10, у потолка не превышала плюс 18 градусов. Первоначально домики энергетиков отапливались небольшими печками-киловатками от малоомощной блочной котельной строителей. Поэтому их жильцы вместо тапочек носили обрезанные старые валенки. Дома первых энергетиков состояли из общего коридора с плитой и 2, реже 3 комнат. Самой удобной и комфортабельной комнатой в вагончиках считалась комната размером три на три. Кухни и ванной не было. Купаться ездили на «Уралах» в единственную для жителей Лимбяхи баню, располагавшуюся на территории мехколонны. Когда баня сгорела, «банный вопрос» ре-

шался жильцами дома за счет выделения небольшого пространства в коридоре. Туалет находился на улице [Лаубер и др., 2014. С. 51.]. «Раздвижки» или «бамовские дома» были не только в п. Лимбяха, но в Уренгое. Микрорайон «Энергетик» Уренгоя был основан как поселок для проживания работников Северных электрических сетей. Практически все здания, за исключением общежитий, были представлены временным жильем [Из истории Нового Уренгоя]. Система распределения жилья в Управлении строительства Уренгойской ГРЭС осуществлялась на основании заявления, написанного работником в профсоюзную организацию, об улучшении жилищных условий. Все энергостроители Уренгойской ГРЭС жили в вагончиках вначале с подселением, затем с получением комнаты в квартире и персональной квартиры.

С первых дней образования сложный жилищный вопрос решали Управление строительством и Дирекция строящейся ГРЭС. Уже в 1986 г. в Лимбяхе были сданы в эксплуатацию первые 3 крупнопанельных дома. Проектно-сметной документацией строительства объектов жилья, социально-культурного и бытового назначения занимались Уральское отделение ВНИПИИ «Атомтеплоэлектропроект» и «Союззапсибэнерго». По заданию «Атомтеплоэлектропроекта», с учетом климатических условий в районе Уренгойской ГРЭС, институтом «ЦНИЭПжилище» в 1988 г. были разработаны технические характеристики крупнопанельных домов, предназначенных для семей энергетиков, серии 0936, привязкой которых занимался «ЛенНИИПградостроительства». С этого года «Союзатомэнергопромстрой» на строительные площадки жилпоселка ежегодно поставлял по 15 тыс. кв. м конструкции КПД серии 0936 [АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. Л. 109–110].

Говоря о социальной сфере, надо отметить тот факт, что первым энергостроителям категорически запрещалось перевозить детей. Но, когда их разрешили привезти в Лимбяху, проблема строительства детского сада вышла на первый план. Пока он строился при Управлении строительства ГРЭС функционировала детская площадка, откуда родители, идя на обед домой или в столовую, забирали детей и снова возвращали до вечера [Лаубер и др., 2014. С. 217, 62]. Другим важным объектом социального назначения стало строительство школы. В марте 1986 г. работниками участка «Гидроспецстрой» была залита первая свая под здание школы (ныне МБОУ «Средняя Школа № 9» г. Новый Уренгой). Затем строительство школы было передано бригаде участка «СУ-2». Несмотря на плотный график работы, начальник Управления строительством Уренгойской ГРЭС А. С. Анисимовец лично контролировал строительство школы. В августе 1987 г. был набран педагогический штат школы. Директором школы назначен В. Г. Сидоров. Энергостроители выполнили обещание пятилетки, сдав школу в эксплуатацию летом 1987 г. Открытие школы и первая торжественная линейка, посвященная Дню знаний, состоялись 1 сентября 1987 г. На этом событии присутствовали в качестве почетных гостей: начальник УС ГРЭС А. С. Анисимовец, парторг стройки А. Д. Лазарев, директор Дирекции строящейся Уренгойской ГРЭС О. П. Прядильщиков, бри-

гадир строителей участка «СУ-2» В. Н. Корбутяк [История школы. Мы помним, как все начиналось...

Среди бытовых трудностей энергостроителей можно упомянуть проблему продуктового обеспечения. Первые годы Управление строительством Уренгойской ГРЭС на выходные дни организованно осуществляло закупку продуктов и другие товары первой необходимости в Уренгое [Лаубер и др., 2014, С. 53]. Планомерная и целесообразная работа администрации энергетического предприятия по решению социально-бытовых проблем работников дала первые результаты. Тем, что основной кадровый штат был сохранен благодаря тому, что к 1990 г. в поселке появились детский сад, школа, художественная школа, больница, магазины, кафе, культурно-спортивный центр, парикмахерские и швейные ателье, проложены дороги. Среди культурно-развлекательных мероприятий жителей поселка можно указать просмотр художественных фильмов в культурно-спортивном центре, празднование Дня энергетика, Праздника народов Севера, вечера культуры в библиотеке. Активную роль в досуговой деятельности работников СУ УГРЭС принимал профком.

Сравнивая приоритетность развития электроэнергетики как отрасли промышленности в ХМАО и ЯНАО, мож-

но отметить, что именно Ханты-Мансийский округ стал электроэнергетическим центром. К началу 1980-х гг. энергообеспеченность Ямала полностью зависела от привозных источников, местных газотурбинных электростанций. Энергостроители Уренгойской ГРЭС выполнили поставленные задачи, несмотря ни на какие трудности. Безусловно, социально-бытовые проблемы энергетиков указанной ГРЭС были решены. Между тем, несмотря на то, что у «Тюменьэнерго» уже имелся положительный опыт строительства объектов гражданского назначения в районах, приравненных к районам Крайнего Севера (в Сургуте), в целом жилье ямальских энергетиков было неблагоустроенным. Среди причин можно указать, во-первых, отсутствие обоснованной градостроительной концепции, недостаточную геологическую изученность территории и противоположные геологические прогнозы на начальном этапе, во-вторых, в ходе спешной подготовки проектной документации не учитывались природно-климатические условия Крайнего Севера. Сравнивая благоустройство жилых микрорайонов энергетиков Сургута и Лимбяхи с Уренгоем, можно объяснить причину возвращения работников отрасли на предыдущее место жительства и работы (как самого работника или членов его семьи).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивный отдел Администрации Нижневартовского района (далее АОАНР). Ф. 65. Оп. 1. Д.1. Л.1, 75–76, 109–110.

АОАНР Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 242. Д. 151. Л. 46, 48–50.

ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 236. Д. 125. Л. 56.

Из истории Нового Уренгоя // Родина. 2010. № 8. С. 128–133.

История школы. Мы помним, как все начиналось...

[Электронный ресурс] // Сайт МБОУ «Средняя школа № 9» г. Новый Уренгой район Лимбяха. — URL:<http://limbaschool9.edusite.ru/p21aa1.html> (дата обращения 14.11.2016).

Лаубер В.Е., Лоскутова Г.А. и др. Первая ГРЭС на краю земли. Новосибирск: Приобские ведомости, 2014. 256 с.

Маловица Н. По комсомольской путевке // Контакт. 1999. 16 марта. С. 2.

Рахматуллина И. О тех, кто трудится рядом. Первопроходцы // Контакт. 1999. 22 декабря. № 48 (461). С. 3.

URENGOI STATE DISTRICT POWER STATION: FROM IDEAS AND PLANS TO IMPLEMENTATION

The article discusses the causes and results of the construction of the Urengoistate district power station in relation to the needs of economy at the end of the XX century. It shows the process of creation of social and cultural conditions for the employees of the electricity industry to address staffing issues.

Keywords: power station, electric power industry, energy builders, Urengoi state district power station, staffing issue, residential village, Limbyayakha.

ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В статье рассматриваются основные этапы и ключевые документы, выделившие Арктическую зону РФ в особый объект государственного управления. Анализируются результаты общественного обсуждения проекта Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» и формулируются выводы о динамике процесса формирования арктической политики РФ.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, государственное управление, арктическая политика, административно-правовой режим, проект, федеральный закон, общественное обсуждение.

Россия является историческим лидером в открытии и освоении территорий и ресурсов Арктики, обладает уникальным опытом жизни и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях, более 70 % населения приполярных областей мира проживают в Российской Федерации. Примеры развития в таких широтах и климатических условиях промышленно-городских агломераций, подобных имеющимся в Мурманской и Архангельской областях, Красноярском крае и ЯНАО, у других стран Арктики отсутствуют [Голдин, 2012; Журавлев, 2013].

В то же время, начиная с 1996 г., существует и активно функционирует Арктический совет, состоящий из восьми государств-членов (Канада, Королевство Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, Швеция, Соединенные Штаты Америки), а с 2006 г. все члены Арктического совета декларировали собственные региональные доктрины, сформированы арктические программы ЕС и НАТО [Голдин, 2012; Подоплекин, 2012]. В 2013 году расширилось представительство в Арктическом совете: число наблюдателей увеличено до 32 (в т. ч. 20 межправительственных, межпарламентских и неправительственных организаций). Статус наблюдателей получили такие неарктические государства, как Китайская Народная Республика, Япония, Республика Индия, Республика Корея, Республика Сингапур, Республика Италия [Подоплекин, Бестужева, 2014].

Долгосрочные прогнозы развития России связаны с перспективами промышленного освоения сырьевых ресурсов Арктики, включая районы шельфа. Суммарная прогнозная оценка извлекаемых ресурсов углеводородов континентальных окраин Северного Ледо-

витого океана составляет порядка 110 млрд. тонн. Это превышает запасы континентальных окраин любого из других океанов Земли. Вклад Арктической зоны в экспорт России составляет порядка 22–23%. Арктическая зона России, как самая обширная среди других приарктических государств и наиболее промышленно освоенная, является крупным полигоном развития фундаментальных и прикладных научных исследований в различных областях знаний.

Природные богатства Арктики, с одной стороны, и геополитические вызовы рубежа XX–XXI вв., связанные с возрастанием интереса десятков стран к Арктике, с другой стороны, побудили нынешнее руководство Российской Федерации к формированию Арктической стратегии и реализации на ее основе государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации. Данную зону следует рассматривать как территорию (административную, экономическую) с приоритетами государственного регулирования и управления, обеспечения национальной безопасности, суверенитета, геополитических интересов в Арктике [Добромыслова, 2011].

Еще четверть века назад, в 1990-х г. ситуация в российской Арктике характеризовалась наличием тех же проблем, что и в стране в целом. Разгосударствление предприятий привело к дезинтеграции единого хозяйственного комплекса Северного морского пути, началась промышленный спад и отток людей, в особенности квалифицированных специалистов. В это же время появляются первые документы, касающиеся социально-экономического развития Севера: федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Рос-

сийской Федерации», отмененный в 2004 г.¹. В 1997 г. Правительство Российской Федерации приняло постановление «О реформировании системы государственной поддержки районов Севера». Основными задачами провозглашались создание благоприятных условий для жизни и хозяйственной деятельности, в том числе малочисленных коренных народов, повышение адресности и эффективности государственной поддержки.

Из анализа упомянутых выше документов, а также государственной политики можно увидеть, что на протяжении 1990-х г. внимание было закономерно сосредоточено на решении наиболее острых социально-экономических проблем и предотвращении социального кризиса. Государство проявляло скорее эпизодический интерес к региону, в то же время стратегия арктической политики уже понималась как необходимость, но ее выработка растянулась на долгое время. Отсутствие единой концепции вполне объясняется отсутствием как материальных средств на ее осуществление, так и консенсуса в рядах национальной элиты по идеологическим и прагматическим аспектам решения наиболее острых проблем [Кокис, 2015].

С началом 2000-х годов и приходом к власти президента Путина В. В. отмечаются существенные изменения в государственной политике в Арктике, которая приобретает комплексный характер и основывается на четком понимании национальных интересов России. В июне 2001 г. Правительство Российской Федерации одобрило и направило президенту проект «Основ государственной политики РФ в Арктике». Кроме того, в 2000-х г. появился целый ряд других документов, касающихся освоения и развития Арктики².

В настоящее время государственная политика в Арктической зоне Российской Федерации определена «Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденными Президентом Российской Федерации 18.09.2008 г. № Пр-1969 (далее — Основы);

В соответствии с Основами, основными национальными интересами Российской Федерации в Арктике являются (пункт 4):

а) использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;

г) использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации в Арктике.

«Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 года и на дальнейшую перспективу» содержат главные цели, ключевые задачи, стратегические приоритеты и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Во исполнение их положений по поручению Министерства регионального развития Российской Федерации разработан проект «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.».

В 2013–2014-х годах нормативно-правовая база в сфере формирования основ государственного управления Арктической зоной Российской Федерации пополнилась «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», утвержденной Президентом РФ 8 февраля 2013 г. № Пр-232 (далее — Стратегия), и Государственной программой Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2014 г. № 1393.

В соответствии со Стратегией, первым приоритетным направлением развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности является ее комплексное социально-экономическое развитие.

В Стратегии выделены три важных принципа развития:

— возрастание роли и эффективности национальной арктической политики России в укреплении основ российской государственности, включая реализацию ее суверенных прав и стратегических интересов в Арктике;

— развитие человеческого капитала, переход к экономике знаний и улучшение стандартов качества жизни (до сопоставимого с развитыми арктическими державами уровня);

— комплексность, ориентация на гармонизацию интересов всех субъектов национальной арктической политики — государства, институтов гражданского общества, деловых кругов, науки и коренных народов Севера.

Согласно Стратегии, цель развития Арктической зоны Российской Федерации выражается в обеспечении национальной безопасности в акватории и на суше макрорегиона, укреплении роли и места Арктики в экономике страны на основе инновационной модернизации экономики и устойчивого экономического роста.

¹ Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19 июня 1996 г., № 78-ФЗ (утратил силу).

² Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г., № 132-р). Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера Российской Федерации (утверждена постановлением Правительства РФ от 7 марта 2000 г., № 198). Принципиальные положения подпрограммы «Освоение и использование Арктики» федеральной целевой программы «Мировой океан» (утверждена постановлением Правительства РФ от 10 августа 1998 г., № 919; в редакции постановления Правительства РФ от 30 сентября 2008 г., № 731) и др..

Идеи Стратегии предполагают приоритетное решение некоторых вопросов государственной политики в Арктической зоне. Среди них следует выделить наиболее важные: определение состава Арктической зоны, повышение статуса Северного морского пути, формирование опорной инфраструктуры региона [Добромыслова, 2011].

На основе анализа специфики Арктической зоны Российской Федерации, ее места и роли в социально-экономическом развитии России и обеспечении национальной безопасности в Стратегии обоснована необходимость ее выделения в особый объект государственного управления. Здесь сосредоточено, по разным оценкам, свыше 95 % металлов платиновой группы, более 90 % никеля и кобальта, 60 % меди, практически все разведанные российские залежи титана, олова, сурьмы, апатита, флогопита, вермикулита, барита. Недр региона содержат до 90 % российских запасов золота, алмазов, свинца, бокситов и многих других полезных ископаемых, имеющих стратегическое значение для страны и наибольшую экспортную привлекательность, к тому же во многом безальтернативных для обеспечения устойчивого социально-экономического роста Российской Федерации. Здесь добывается около 80 % российского газа и выявлены его значительные ресурсы, в том числе связанные в форме газогидратов. На арктическом континентальном шельфе, который представляет собой систему нефтегазоносных провинций с многочисленными месторождениями-гигантами, сосредоточены основные прогнозные запасы углеводородов. Арктическая зона Российской Федерации имеет исключительное военно-стратегическое значение для России. Именно здесь сегодня стыкуются вопросы национальной безопасности и социально-экономического развития страны [Коновалов, 2010].

Обеспечение экономического развития страны за счет использования арктических ресурсов, сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества, сбережение уникальной экосистемы Арктического региона, превращение Северного морского пути в национальную транспортную магистраль России — таковы национальные интересы Российской Федерации в Арктике, перечисленные в указанных выше документах.

Среди целей и задач российской арктической политики особенно важно выделить следующие:

- расширение ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ);
- защита и охрана государственной границы России в Арктике;
- защита природной среды Арктики (ликвидация отходов, использование экологически чистых технологий);
- создание в Арктической зоне Российской Федерации единого информационно-телекоммуникационного пространства;
- проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в Арктическом регионе;
- укрепление сотрудничества России с приарк-

тическими государствами, реализация совместных проектов в области освоения и развития Арктики [Бортников, 2015].

Однако формирование государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации длительное время происходило при отсутствии установленных физических пределов и границ ее приложения.

В 2013 г. Министерством регионального развития Российской Федерации был разработан и в установленном порядке внесен в Правительство Российской Федерации проект Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации». По результатам обсуждения в Правительстве Российской Федерации этого документа, было принято решение о нецелесообразности внесения данного законопроекта в Государственную думу, поскольку принятие единого Федерального закона, содержащего регулятивные нормы во всех сферах деятельности по реализации мероприятий государственной политики России в Арктике и по комплексному развитию Арктической зоны Российской Федерации не обусловлено настоятельной необходимостью. При этом, указанные отношения или уже урегулированы, или могут быть урегулированы отраслевым законодательством [Алексеев, 2015].

Всего, по состоянию на 2016 г. в практике административного выделения Арктической зоны Российской Федерации существует свыше пяти проектов федеральных законов и других нормативных документов, в основном базирующихся на материалах Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики. Данная комиссия своим решением от 1989 года отнесла к Арктике в Мурманской области — Печенгский, Кольский, Ловозерский административные районы, Ненецкий АО Архангельской области (полностью), Ямало-Ненецкий АО Тюменской области (полностью), Таймырский АО (Долгано-Ненецкий) Красноярского края (полностью), в Республике Саха (Якутия) — пять прибрежных районов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Устьянский, Нижнеколымский), Чукотский АО Магаданской области (полностью) [Васильев, 2011].

В конце 1990-х гг. Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов в порядке законодательной инициативы было подготовлено два проекта Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», согласно которым, ее состав еще больше был расширен путем дополнительного включения пяти городов в Мурманской области, по одному в Республике Коми, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия) и Корякском АО. При этом предлагалось исключить из состава Арктической зоны южные территории Ямало-Ненецкого АО.

В начале 1999 г. группа членов Совета Федерации и Государственной Думы направила в Государственную Думу новый проект Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», в котором за счет дальнейшего расширения Арктической зоны доводит ее до 11 субъектов Федерации, дополнительно включив: в Республике Карелия — Беломорский район,

в Архангельской области шесть районов и два города (Мезенский, Лешуконский, Пинежский, Приморский, Онежский, Соловецкий районы, г. Северодвинск и Архангельск), в Республике Саха (Якутия) — дополнительно четыре района, доводя их общую численность до десяти (Абытский, Горный, Среднеколымский, Верхнеколымский районы), в Корякском АО — один район (Пенжинский).

Проект Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», подготовленный в 1998–1999-х гг. в Госкомсевере России, в части понятия и состава Арктической зоны, почти полностью аналогичен проекту Закона Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов.

Как указывалось выше, в 2008 г. Президентом РФ были одобрены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», где под Арктической зоной Российской Федерации предлагается понимать территорию, определяемую решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г. Также в Арктическую зону России входят и земли и острова, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и прилегающие к этим «территориям, землям и островам внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации, в пределах которых Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией в соответствии с международным правом». При этом говорится, что границы Арктической зоны могут уточняться, в т. ч. ее южной границы, с перечнем муниципальных образований³.

В пакете документов по развитию Арктической зоны Российской Федерации особое место занимает Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», которым впервые в истории нормативно закреплён состав сухопутных территорий российской Арктики⁴.

Решение о территориальном составе Арктической зоны Российской Федерации является продуктом активных дискуссий 2013–2014-х годов, которые велись между федеральными органами власти, регионами, хозяйствующими субъектами и научно-экспертным сообществом. Федеральный центр принял аргументы субъектов РФ и отошел от подхода к определению границ Арктической зоны исключительно на основе такого условного признака, как положение относительно 66°33' СШ. Исходя из предложений Якутии, Мурман-

ской и Архангельской областей, был применён интегрированный критерий, учитывающий также наличие побережий морей Северного Ледовитого океана и территориально-экономических комплексов, соответствующих целям Стратегии. В итоге Арктическая зона Российской Федерации сформирована как неразрывное пространство площадью 3701,90 тыс. км² (21,64 % территории РФ), включающее все российское побережье и острова Северного Ледовитого океана и его морей, а также весь север материковой части России с населением 2338,00 тыс. чел. (1,6% населения РФ), где производится 4,9 % ВВП страны [Павленко, 2013].

В Арктическую зону Российской Федерации входят:

1. Территория Мурманской области;
2. Территория Ненецкого автономного округа;
3. Территория Чукотского автономного округа;
4. Территория Ямало-Ненецкого автономного округа;
5. Территория муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика Коми);
6. Территории Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия));
7. Территории городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край);
8. Территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область);
9. Земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

К Арктической зоне также относятся прилегающие к северному побережью РФ внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф, в пределах которых Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией в соответствии с конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. [Молодцов и др., 1993]. Это при подходах других субъектов морского права позволяет определять границы российского континентального шельфа по-разному.

В географическом плане особенностью арктической зоны для целей управления является то, что она представляет собой широтный геотаксон огромной протяженности и площади с обширной водной

³ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Российская газета. 2008. 18 сентября.

⁴ Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения 05.11.2016).

акваторией. На ее территории проживают десятки коренных малочисленных народов, и осуществляется социально-экономическая деятельность целого ряда субъектов Федерации. Особую роль в ближайшей перспективе может приобрести Северный морской путь, выступая своеобразным «стягивающим поясом» для кооперации, а затем и интеграции хозяйственных систем Европейской части России и Дальнего Востока.

Рассуждая о целесообразности разработки, рассмотрения и принятия проекта Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», приведем позицию по данному вопросу Экспертного Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: «Законодательно зафиксированные государственные приоритеты, льготы, преференции и другие конкретные меры государственного стимулирования достижения поставленных целей и задач, в дополнение к прямой финансовой поддержке по отдельным позициям, окажут, безусловно, существенное влияние на продвижение к намеченным в программе (в Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» — Авт.) целям, особенно, в условиях дефицита бюджетных средств» [Алексеев, 2015. С. 33].

В упомянутой Государственной программе одной из задач подпрограммы «Координация деятельности органов государственной власти в сфере социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» является «обеспечение эффективного управления государственными ресурсами и нормативно-правового регулирования в сфере реализации государственной политики на территории Арктической зоны Российской Федерации». Ответственным исполнителем обозначено Министерство экономического развития Российской Федерации.

14 апреля 2015 г. прошло первое заседание Государственной комиссии по вопросам развития Арктики под руководством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Рогозина Д. О., на котором был утвержден план работы комиссии на 2015 г. Первоочередной задачей госкомиссии стала выработка предложений по выстраиванию единой системы нормативно-правовых актов Арктического макрорегиона. Рогозин Д. О. предложил создать единый закон об Арктике. Министерству экономического развития Российской Федерации и Министерству юстиции Российской Федерации до 1 сентября 2015 г. было предложено провести «анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей правоотношения на территории Арктической зоны РФ».

Существует много нерешенных проблем по всему спектру правового регулирования: от конкретных вопросов предоставления льгот населению арктических районов до установления правового режима Северного морского пути и определения границ суверенных прав России в Арктике. Также стоит важная задача по установлению особых режимов природопользования

и охраны окружающей среды в Российской Арктике. Решение данной задачи, очевидно, требует законодательных мер на федеральном уровне. Таким образом, требуется увеличение массива специальных нормативных правовых актов, нацеленных на решение комплексных проблем. К примеру, существует порядка 500 актов нормативного характера, регулирующих отношения в Арктическом регионе, но только 6 законов, посвященных специальным вопросам развития полярных территорий (в основном правам коренных малочисленных народов) [Чернов, 2015].

Рассматривая Арктическую зону как особый объект государственного управления, становится понятной необходимость установления единых правил осуществления практической деятельности всех, и в первую очередь властных, субъектов возникающих отношений. По сути, речь идет о формировании особого порядка управления в Арктической зоне, т. е. о формировании особого административно-правового режима Арктической зоны РФ. При этом следует учитывать, что режимные правила охватывают значительную территорию нескольких субъектов РФ. Они должны быть направлены на превращение Арктической зоны в ведущую стратегическую ресурсную базу Российской Федерации; обеспечение военной безопасности, защиты и охраны Государственной границы, пролегающей в Арктической зоне РФ, экологической безопасности. Установление общих для всей Арктической зоны РФ правил административно-правового режима осложнено фрагментарным характером и несистемностью существующего правового регулирования [Кузнецов, 2015].

Отметим, что в июле 2016 г. Министерством экономического развития Российской Федерации был разработан проект Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации».

Разработка законопроекта обусловлена геополитической, социально-экономической, природно-географической, исторической и этнокультурной, управленческой и правоприменительной целесообразностью выделения Арктической зоны как отдельного макрорегиона. Законопроект подготовлен в целях создания единой нормативной правовой базы для эффективного функционирования и развития Арктической зоны, комплексного решения стратегических задач развития входящих в макрорегион территорий в рамках реализации единой долгосрочной государственной политики и применения специальных мер государственного стимулирования и поддержки, а также выделения Арктической зоны в качестве самостоятельного объекта государственного управления. Законопроектом предусматривается, что основным подходом к комплексному развитию Арктической зоны призваны стать опорные зоны, представляющие собой комплексный проект планирования и обеспечения социально-экономического развития Арктической зоны, направленный на достижение стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности в Арктике, предусма-

тривающий синхронное взаимоувязанное применение действующих инструментов территориального развития и механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе на принципах государственно-частного партнерства.

Круг заинтересованных лиц:

- Таможенные органы;
- Органы местного самоуправления;
- Заинтересованные учреждения и организации;
- Российские компании;
- Иностранные компании;
- Иностранные инвесторы в российские экспортные проекты;
- Хозяйствующие субъекты;
- Федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Формирование опорных зон предусматривает развитие территории Арктической зоны как целостного проекта через взаимоувязку всех отраслевых мероприятий, включая проекты федерального значения, направленных на социально-экономическое развитие Арктической зоны, на этапах планирования, целеполагания, финансирования и реализации в целях оптимизации расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Создание опорных зон позволит обеспечить формирование условий для освоения ресурсной базы Арктической зоны и российского континентального шельфа, совершенствование транспортной инфраструктуры (включая объекты двойного назначения), развитие Северного морского пути в качестве национальной транспортной судоходной артерии, а также формирование благоприятных условий для предпринимательской, хозяйственной и иной деятельности в Арктической зоне. В сфере социального развития Арктической зоны предусматриваются меры поддержки и совершенствования систем образования, здравоохранения, культуры и культурного наследия. Законопроектом также закрепляются меры государственного регулирования в области природопользования, научной, научно-технической и инновационной деятельности в Арктической зоне. Текст законопроекта не утверждает состав сухопутных территорий Арктической зоны с перечислением конкретных регионов. Правительство Российской Федерации наделяется правом определения критериев отнесения территорий к Арктической зоне. Законопроект подготовлен с учетом действующих положений российского законодательства на основе поступивших предложений Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, территории которых частично или полностью входят в состав Арктической зоны, крупнейших российских компаний, представителей научно-исследовательских институтов и экспертного сообщества. Законопроект соответствует положениями Договора о Евразийском

экономическом союзе, подписанного в г. Астане 29 мая 2014 г., Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза, утвержденной решением Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 12, решениям Евразийской экономической комиссии, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации и не вступает в противоречие с международным правом.

Проект Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» разработан во исполнение пунктов 1-го и 2-го раздела I протокола совместного заседания президиума Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с членами Государственной комиссии по вопросам развития Арктики от 20 ноября 2015 г. № 4, поручения Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Рогозина Д. О. от 15 апреля 2016 г. № РД-П16-2213 и направлен на обеспечение соблюдения национальных интересов и создание условий для устойчивого социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Планируемый срок вступления проекта нормативного правового акта в силу — март 2017 г.

В августе 2016 г. в течение двух недель состоялось общественное обсуждение данного законопроекта. Анализ сводки предложений по итогам публичного обсуждения уведомления о подготовке нормативного правового акта «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» показывает, что в обсуждении участвовали Отделение международной неправительственной некоммерческой организации «Совет Гринпис» — ГРИНПИС и Общероссийская общественная Экологическая организация (Российский Социально-экологический союз, Гринпис России). Их позиции и предложения были рассмотрены Министерством экономического развития Российской Федерации и частично учтены в рамках доработки проекта федерального закона, в том числе с учетом позиции Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Текст проекта Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации», доработанный по итогам общественного обсуждения, состоит из 25 статей, объединенных в 7 глав:

- Глава 1. Общие положения;
- Глава 2. Государственное управление в области развития Арктической зоны Российской Федерации;
- Глава 3. Государственное регулирование в области экономического развития в Арктической зоне Российской Федерации;
- Глава 4. Государственное регулирование в области природопользования, природоохранной и экологической деятельности в Арктической зоне Российской Федерации;
- Глава 5. Государственное регулирование в области научной, научно-технической и инновационной

деятельности в Арктической зоне Российской Федерации;

— Глава 6. Государственное регулирование в области социального развития Арктической зоны Российской Федерации;

— Глава 7. Заключительные положения⁵.

В настоящее время завершается разработка проекта федерального закона, происходит согласование документа в Правительстве РФ и формируется окончательный вариант текста. Следует подчеркнуть, что имеющийся на сегодняшний день законопроект «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» не только выделяет Арктическую зону как особый объект государственного управления, но и гарантирует защиту важных

геополитических интересов России в Арктике, содержит перечень механизмов реализации устойчивого развития российской Арктической зоны с обязательным сохранением ее уникальной природной среды.

Рекомендации по поводу реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации сводятся к следующему: необходимо обеспечить комплексность и целенаправленность деятельности органов государственной власти Российской Федерации по обеспечению институциональных, организационных и нормативно-правовых условий комплексного социально-экономического развития Арктической зоны с учетом ее географического положения и значения для геополитических интересов Российской Федерации.

⁵ Проект Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: сайт. — URL: <http://regulation.gov.ru/projects#> (дата обращения 06.11.2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Г.Ф. Правовые основы Арктической зоны Российской Федерации // Экономика Востока России. 2015. № 1 (3). С. 31–34.
- Бортников В.С. Арктические стратегии России и США в XXI в.: сравнительный анализ // Политическая наука. 2015. № 4. С. 191–203.
- Васильев В.В. Научные основы определения границ Арктической зоны России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. Т. 1. № 27. С. 41–46.
- Голдин В.И. Геополитика и международные отношения в Арктике: уроки истории, современные процессы и тенденции // Клио. 2012. № 5. С. 129–133.
- Добромыслова В.Ю. Основные подходы к формированию государственной политики России в Арктической зоне // Региональные исследования. 2011. № 4 (34). С. 42–48.
- Журавлев П.С. Арктическая стратегия России: оценки, вопросы и проблемы реализации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 154–157.
- Кокис К.А. К вопросу о формировании арктической политики РФ // Арктика и Север. 2015 № 19. С. 81–95.
- Коновалов А.М. Стратегия развития Арктической зоны России // Морской сборник. 2010. Т. 1961. № 8. С. 70–75.
- Кузнецов В.И. Административно-правовой режим Арктической зоны // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 130–141.
- Молодцов С.В., Зиланов В.К., Вылегжанин А.Н. Анклавы открытого моря и международное право // Московский журнал международного права // 1993. № 3. С. 39–52.
- Павленко В.И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 16–25.
- Подоплекин А.О. Потенциал сотрудничества арктических стратегий циркумполярных стран и Россия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6. С. 12–17.
- Подоплекин А.О., Бестужева К.Г. Арктическая стратегия России как политика нового типа: региональный потенциал, вызовы и научное обеспечение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 35–46.
- Чернов С.Н. Конституционно-правовые проблемы макрорегиона Арктика // Учен. Зап. Петрозавод. Гос. ун-та. 2015. № 3. Т. 2. С. 106–110.

STAGES OF DEVELOPMENT
AND RESULTS OF PUBLIC DISCUSSION
OF THE DRAFT FEDERAL LAW
"ON THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE
OF THE RUSSIAN FEDERATION"

The article discusses the main stages and key documents that have established the Russian Arctic zone as a special object of the state management. The results of the public discussion of the draft Federal Law "On the development of the Arctic zone of the Russian Federation" are analyzed and conclusions about the dynamics of the Russian Arctic policy making are formulated.

Keywords: Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, state management, Arctic policy, administrative and legal regime, project, Federal Law, public discussion.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ, ЗАКРЕПЛЕННЫЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

В настоящей статье анализируется законодательство Ямало-Ненецкого автономного округа на предмет регулирования поддержки молодых ученых, механизма реализации поддержки молодых ученых, выявляются определенные недостатки (лакуны) правового регулирования, предлагаются пути разрешения назревших проблем.

Ключевые слова: молодые ученые, правовое регулирование, проблемы, законодательство Ямало-Ненецкого автономного округа.

Необходимым условием создания правового государства, развития демократии, повышения эффективности работы современного правового государства на благо и процветание граждан, охраны прав и свобод личности является забота о подрастающем поколении.

Реализация государственной молодежной политики выступает инструментом социально-экономического и культурного развития, обеспечения конкурентоспособности и укрепления национальной безопасности государства.

В настоящее время особую актуальность имеет проблема финансирования научной деятельности молодых ученых, поскольку молодежь — это один из самых ценных ресурсов страны, ее долгосрочная перспектива.

В большинстве стран в настоящее время проводится внутригосударственная поощрительная политика в отношении науки, осуществляемая в виде регулярной поддержки из государственных бюджетов.

Поэтому в целях реализации и развития государственных мер Ямало-Ненецкого автономного округа по поддержке молодых ученых рассмотрим действующие механизмы, имеющиеся в автономном округе, а также предложим их дополнение.

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа действуют следующие нормативно-правовые акты, в той или иной степени связанные с поддержкой молодых ученых:

1. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.09.2009 № 75-ЗАО «О реализации на территории Ямало-Ненецкого автономного округа государственной научно-технической политики» (определяет формы государственной поддержки, в т. ч. гранты);

2. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2013 № 55-ЗАО «Об образовании в Ямало-Не-

нецком автономном округе» (определяет меры поддержки только для молодых специалистов — работников государственных и муниципальных образовательных организаций, принятых на основное место работы);

3. Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2005 № 247 «Об установлении размеров и условий назначения и выплаты именных стипендий Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, стипендий за выдающиеся творческие и спортивные достижения учащимся, студентам и аспирантам образовательных организаций» (устанавливает для аспирантов стипендии в размере 1 000 руб. в месяц; размер стипендии не индексировался с 2005 г.);

4. Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 10.06.2014 № 450-П (ред. от 29.09.2015) «Об утверждении Положения о порядке предоставления целевой образовательной субсидии» (предоставляет целевые образовательные субсидии только для обучения по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, обходя стороной программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программы ординатуры, программы ассистентуры-стажировки; хотя указанные программы подготовки в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отнесены к высшему образованию (статья 10).

Из представленного анализа нормативно-правовых актов автономного округа можно сделать вывод о том, что в автономном округе перечень мер государственной поддержки молодых ученых требует доработки.

Таким образом, в процессе анализа действующего законодательства автономного округа, опыта других субъектов Российской Федерации можем предложить следующие меры государственной поддержки моло-

дых ученых (с учетом текущей финансово-экономической конъюнктуры и возможностей бюджета автономного округа):

1) увеличение размера именных стипендий Губернатора автономного округа аспирантам, установленного Постановлением Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2005 № 247 «Об установлении размеров и условий назначения и выплаты именных стипендий Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, стипендий за выдающиеся творческие и спортивные достижения учащимся, студентам и аспирантам образовательных организаций» (пункт 1) до уровня средней заработной платы по Ямало-Ненецкому автономному округу;

2) внесение изменений в п. 3.1 Постановления Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 10.06.2014 № 450-П (ред. от 29.09.2015) «Об утверждении Положения о порядке предоставления целевой образовательной субсидии» с целью дополнения категорий обучающихся, имеющих право на получение целевой образовательной субсидии, аспирантами (адъюнктами), ординаторами, ассистентами-стажерами;

3) внесение дополнений в ч. 1 ст. 21 Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2013 № 55-ЗАО «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» в части возможности оказания мер социальной поддержки работникам — молодым специалистам (аспирантам в возрасте до 30 лет) государственных и муниципальных организаций, входящих в систему образования автономного округа, работающих как на основном месте работы, так и по совместительству;

4) дополнение Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.09.2009 № 75-ЗАО «О реализации на тер-

ритории Ямало-Ненецкого автономного округа государственной научно-технической политики» следующими формами государственной поддержки (статья 8):

а) ежемесячные доплаты из окружного бюджета молодым ученым (аспирантам в возрасте до 30 лет, кандидатам наук в возрасте до 35 лет, докторам наук в возрасте до 40 лет), работающим и постоянно проживающим на территории Ямало-Ненецкого автономного округа вне зависимости от места трудоустройства;

б) ежемесячные доплаты стимулирующего характера молодым ученым, имеющим текущие научные публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, а также российских и зарубежных журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus;

в) финансирование поездок на международные, российские научные мероприятия (так называемые конкурсы академической мобильности, к примеру, реализуемые Фондом Прохорова на территории Красноярского края);

г) финансирование выпуска монографий;

д) оказание содействия в организации стажировок за рубежом и на территории Российской Федерации в ведущих научных организациях, на предприятиях и заводах;

е) оказание содействия в научных публикациях в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, а также российских и зарубежных журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus, в приоритетном порядке путем финансирования, предоставления отзывов, рецензий, рекомендательных писем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.09.2009 № 75-ЗАО «О реализации на территории Ямало-Ненецкого автономного округа государственной научно-технической политики» // Красный Север. № 111 от 01.10.2009.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2013 № 55-ЗАО «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» // Красный Север. № 38/1 от 05.07.2013.

Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2005 № 247 «Об установлении размеров и условий назначения и выплаты именных стипендий Губернатора Ямало-Ненецкого ав-

тономного округа, стипендий за выдающиеся творческие и спортивные достижения учащимся, студентам и аспирантам образовательных организаций» // Красный Север. № 49 от 24.06.2005.

Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 10.06.2014 № 450-П «Об утверждении Положения о порядке предоставления целевой образовательной субсидии» // Красный Север. № 37/1 от 18.06.2014.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (Ч. 1), Ст. 7598.

LEGAL BASES OF SUPPORT FOR YOUNG SCIENTISTS ENSHRINED IN THE
LEGISLATION OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT:
A MODERN CONDITION AND WAYS OF DEVELOPMENT

The article analyzes the legislation of the Yamal-Nenets Autonomous District for regulatory support of young scientists, the mechanism of realization of support for young scientists, certain shortcomings (gaps) of legal regulation are revealed and ways to solve pressing problems are proposed.

Keywords: young scientists, legal regulation, problems, legislation of the Yamal-Nenets Autonomous District.

СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Рассмотрены проблемы социально-пространственной трансформации северной территории, связанные с освоением одного из важнейших перспективных нефтегазовых арктических регионов России. Показаны возможности их решения, опираясь на междисциплинарные и социологические исследования, которые были проведены авторами и их коллегами, в том числе, массовые опросы населения Ямало-Ненецкого автономного округа по репрезентативным выборкам в 2005, 2010 и 2015 гг. и социологическая диагностика их результатов в разрезе разных социальных групп респондентов (старожилы, в т. ч. представители коренных малочисленных народов, новоселы, вахтовый персонал). Эти исследования позволили выявить присущие арктическому региону особенности социальных проблем и требования к научному сопровождению возможных вариантов их решения.

В дискурсе рассмотрения теоретико-методологических и практических проблем, авторы, в частности, предоставляют властным структурам такую информацию, необходимую для подготовки и принятия эффективных управленческих решений, которую невозможно получить иным способом, в частности, с помощью статистики. Этот тезис иллюстрируется ситуацией, сложившейся с коренными малочисленными народами Севера, другими группами населения, развитием социального потенциала Ямала, укреплением и пополнением квалифицированных кадров.

Изучение северной специфики качества жизни населения циркумполярного нефтегазового региона России, условий жизнедеятельности и взаимоотношений различных социальных групп участников дальнейшего, неоиндустриального освоения этой территории приводит к выводам о необходимости значительного усиления социологического и междисциплинарного научного сопровождения намечаемых арктических проектов, предложению нового методологического подхода к выбору наиболее актуальной тематики исследований.

Ключевые слова: Арктика, освоение территории, циркумполярный регион, социально-пространственные трансформации, социальные проблемы, социологические исследования, социальные группы, здоровье северян, вахтовый метод.

В обширной литературе, посвященной Арктике, в том числе ее российской части, социальная и социологическая проблематика явно недооценивается. Также, оказалась малоизученной проблема соотношения социально-пространственной и социально-территориальной идентификации циркумполярных регионов. Эти аспекты часто смешиваются или рассматриваются в отрыве друг от друга, без необходимого учета их взаимного влияния.

Освоение и обжитие арктического региона актуализирует необходимость решения большого числа чрезвычайно сложных экономических, социальных, политических, инженерных и других проблем, требуют се-

рьезного научного сопровождения. Необходимы междисциплинарные фундаментальные и прикладные исследования арктических проблем. Значимое место среди них должны занять и социологические исследования, позволяющие, с одной стороны, выявить и оценить все взаимосвязи и последствия уже обозначившихся и еще латентных проблем, с другой — возможные альтернативные пути и технологии их решения, их системную оценку при разных сценариях развития региона.

Хозяйственное освоение арктического региона для принятия современных эффективных управленческих решений требует и владения знаниями о реальной социальной ситуации на территории, где предполагают-

¹ Материал подготовлен при поддержке гранта РГНФ (проект 15-03-0367).

ся или уже ведутся работы. К сожалению, статистика не всегда может предоставить своевременную достоверную информацию по значительной части необходимых параметров. Требуется их замеры, используя социологический инструментарий. При этом необходимо учитывать и то, что нефтегазовые компании в значительно большей степени, чем государство, определяющие стратегию развития Арктического региона, не только не ориентированы в социально-гуманистическом векторе развития этой территории но и весьма ограниченно проявляют здесь свою социальную ответственность. Кроме того, на Севере выявлена особая, в сравнении с другими регионами, неразвитость и слабое влияние институтов гражданского общества.

Вместе с тем, в последние годы заметно возрос интерес к Арктике высших эшелонов российской власти. При этом главной целью государственной политики России в сфере научного обеспечения освоения Арктики сегодня признано обоснование современных основ управления арктическими территориями, включая решение задач обороны и безопасности, надежного функционирования систем жизнеобеспечения и производственной деятельности в условиях циркумполярного региона.

Предполагается, что Арктика в перспективе должна превратиться в стратегический инновационный плацдарм, где будут разрабатываться и транслироваться в другие регионы новые эффективные технологии, в т. ч. социальные.

Исследование трансформации российского общества в региональном плане предполагает дискурс социально-пространственного и социально-территориального аспектов, поскольку любой выделяемый по определенным признакам регион выступает не только как социально-территориальное, привязанное к географическому пространству, но и как социально-пространственное образование.

В духе методологии П. Бурдьё, социально-пространственная идентификация может быть определена как выявление, измерение и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп, выступающих в качестве акторов (агентов) — носителей практик тех или иных видов деятельности, осуществляемых на различных социальных полях, как структурированных пространствах позиций [Бурдьё, 2007].

В этом определении выделяются: объектная сторона, — поля, где социальное пространство структурируется в институциональном порядке областей экономики, политики и т. п., образуются соответствующие социально-экономические, социально-политические и другие отношения авторов (агентов), строятся их действия; субъектная, — реальные позиции, занимаемые акторами на данном поле; субъективная, — представления акторов о своих позициях, в том числе отношении к ним с возможной привязкой по месту и времени.

Выявляемые социально-пространственные идентичности (которые можно концентрированно представить в качестве контурных социальных моделей) дают

некий образ — аналог индивидуального или группового актора-агента в его гражданской принадлежности (государство), институциональном маркере (власть, бизнес, гражданское общество, возраст, гендер, этничность, конфессиональность и т. п.), действующего в определенном векторе — азимуте (Север, Юг, Восток, Запад с промежуточными медианами), имеющего свое отрефлексированное положение в данном поле (Центр (Ядро)) — периферия (полупериферия), цивилизационно-ценностные ориентации и проекции взаимоотношений с другими акторами.

Для социально-пространственной идентичности актора также важна рефлексия по позициям: «город — село» (внутри «большой — малый город»); «столица — провинция» (близкая к идентификации «центр — периферия», но не совпадающая с ней); и некоторые другие, переходящие в социально-территориальную идентификацию в региональном плане.

В отличие от социально-пространственной, — социально-территориальная идентификация предполагает выявление и моделирование позиций и диспозиций индивидом и социальных групп как носителей различных практик жизнедеятельности в качестве жителей (групп жителей) конкретного территориального образования, населенного пункта и (или) его части, их социально-территориальные общности (сообщества), а также органы власти, бизнес-структуры, институты гражданского общества, представленные в данных территориальных образованиях, позиции и диспозиции которых складываются по поводу использования территории, ее природного, социально-экономического и социального, в том числе человеческого потенциалов.

При этом, в отличие от социально-пространственной идентичности, где достаточно много условностей по поводу позиций и диспозиций (как верифицируются и маркируются институты, векторы-азимуты, место актора, ценностные ориентации и т. д.), в социально-территориальной идентичности однозначно определяется принадлежность к общности жителей конкретного поселения (города, села, поселка, при необходимости поселенческо-расселенческого образования (района, агломерации и т. п.), региона (области, края и т. п.) и оценки удовлетворенности своей жизни на этой территории, то есть происходит территориальная локализация социально-пространственной идентичности по месту (по топосу). При этом, идентификационная характеристика акторов территориальных социальных полей также может содержать необходимые гендерные, поколенческо-возрастные, профессионально-отраслевые, этнические, конфессиональные и другие признаки, используемые при определении социально-пространственной идентичности.

В отличие от многозначного понимания термина «регион» в зарубежной (европейской) литературе, где он больше означает собирательный образ управляемой территории (от латинского *regere* — управлять) некоего гомогенного пространства, имеющего физико-географическую, культурную и языковую близость, а также

общность хозяйственных структур и исторической судьбы («Европейская хартия регионализма»), в российской науке и политико-управленческой практике сложилась достаточно однозначная трактовка этого понятия, привязанного к субъекту Российской Федерации. В этой привязке регион имеет конституционный статус с определенными предметами ведения (в том числе совместного ведения с Российской Федерацией в целом (статья 72 Конституции Российской Федерации) и исключительными на своей территории), административные границы, состав населенных пунктов, законодательные и исполнительные органы власти. В основаниях региона: географическое положение, учет специфики исторических, экономических, национально-этнических (особенно в отношении республик и автономных округов), социокультурных и других факторов. Таким образом, регион представляет собой достаточно обособленную составную часть социального пространства России, в которой на очерченной в государственно-правовом порядке территории, в условиях имеющих природно-климатических, социально-экономических, социокультурных и других особенностей, действуют и взаимодействуют институциональные акторы практически всех основных социальных полей и масштабов (от глобальных, международных до местно-локальных).

Этот узел взаимодействия служит своеобразным трансформатором социально-пространственного регулирования на определенной территории всех цепей социальных процессов от глобальных и общенационально-государственных до местных (поселенческих) с более или менее выраженной обратной связью. Поэтому социологическое изучение этого узла должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в особенностях своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы механизмы организации жизнедеятельности данного территориального сообщества, институциональных акторов социальных полей территории), то есть социально-пространственную дифференциацию по территориальному основанию (признаку), так и включенность данного регионального узла в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию), то есть социально-пространственную интеграцию, главным вектором которой является консолидация региональных и местных сообществ, институциональных акторов территориальных полей в общем пространстве России.

Властные структуры и различные фонды, являющиеся заказчиками научных исследований, получают многочисленные предложения, основанные на интересе заявителей. Но как оценить значимость того или иного исследовательского проекта на достижение цели эффективного социально-экономического освоения арктического региона?

Очевидно, необходимо вначале выявить совокупность проблем, с которыми практически сталкиваются участники освоения, оценить их с системных позиций, выявить взаимосвязи, альтернативные пути решения и их возможные последствия. Имея некий контур про-

блем, становится возможным и проведение детальных междисциплинарных исследований его элементов.

Для проведения этой работы нами был реализован традиционный социологический инструментарий: массовые опросы северян, глубинные интервью экспертов, контент-анализ СМИ, включая социальные сети, проведение фокус-групп и др. [Горшков, 2012].

Опросы и другие исследования проводились студентами и преподавателями Тюменского государственного нефтегазового университета (ныне Тюменский индустриальный университет), сотрудниками Западносибирского филиала Института социологии РАН, финансировались дочерней компанией Газпрома «Газпром добыча Ямбург», грантами Губернатора Тюменской области и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Привлекались также материалы других ведущих социологических центров.

Методический инструментарий разрабатывался авторами и при небольших корректировках, в основном, сохранялся, что позволяло анализировать динамику проходящих изменений.

Формирование выборки для массового опроса основывалось на территориальных и социальных критериях отбора единиц наблюдения и состояло из двух этапов. Вначале осуществлялся отбор населенных пунктов, исходя из их статуса в освоительском процессе и типа населения. Далее происходил отбор респондентов в соответствии с социальной структурой данного поселения. При этом критериями отбора были как традиционные пол и возраст, так и значимые для нашего исследования этническая принадлежность, северный стаж, стаж работы в вахтовом режиме.

Анализ результатов опроса фиксировался по четырем основным социальным группам северян: старожилы; из них отдельно представители коренных малочисленных народов, новоселы (прожившие на Севере менее 5 лет); вахтовики.

Опрос проходил также на рабочих местах — буровых и установках, учебных комбинатах, в пунктах сбора вахтового персонала и на вертолетных площадках, а также в национальных поселках. В последнем случае для проведения опроса привлекались представители интеллигенции малочисленных северных этносов.

Сбор информации, как правило, основывался на самозаполнении анкет респондентами. Специфика Севера, связанная с мобильностью производства, неопределенностью ситуации из-за природно-климатических условий и т. д. затрудняла предварительное планирование и отбор респондентов. Поэтому обеспечение репрезентативности выборки требовало ее обязательных «ремонтов».

В результате обобщения данных исследований выделяются три основных контура социальной трансформации в вышеуказанном дискурсе:

- специфики качества жизни и человеческого потенциала циркумполярного региона;
- особенностей социально-этнической структуры и межнациональных отношений;

— отличительных черт миграционных процессов и «приживаемости» населения.

Судя по индексу человеческого развития, ежегодно рассчитываемому по Программе развития ООН, Ямало-Ненецкий автономный округ, в течение последних двух десятилетий устойчиво занимающий одно из первых мест в Российской Федерации, достаточно благополучен [Доклад о человеческом развитии ... , 2013].

Здесь наиболее высокие в стране показатели уровня ВВП и душевых доходов. Правда, при этом растет и имущественная дифференциация и неравномерность распределения этих доходов. Уровень социально-экономического неравенства в арктическом регионе существенно выше, чем в среднем по стране. При этом стабильно более 10 % населения имеют доход ниже прожиточного минимума. Это люди, которые не в состоянии удовлетворить даже базовые потребности, абсолютно бедные. Однако, имеются измерения и относительной бедности: невозможности поддерживать принятый в территориальном сообществе стандарт жизни, удовлетворять типичные для окружающих потребности. Нами этот показатель определялся как доля населения со средне-душевыми денежными доходами ниже 60 % медианного дохода. Для Ямало-Ненецкого округа он составлял в 2014 г. 25,8, т. е. каждый четвертый житель этого богатого региона беден.

Судя по результатам проведенных нами массовых опросов эта проблема представляется северянам наиболее значимой. При том, что по данным госстатистики уровень жизни в Ямало-Ненецком округе значительно выше, чем в других регионах России, их жителей, как оказалось, волнуют те же проблемы, что и остальных россиян: бедность, безработица, низкое качество медицинского обслуживания и т. д. (табл.1). Как и везде,

в России люди озабочены ростом цен, тарифов и других расходов при снижении доходной части их бюджетов. При этом есть и особенность арктического региона, отличающая в этом отношении его от других: северяне зарабатывают деньги здесь, а тратят, в основном, на других территориях: в местах отдыха, на родине, в городах, где учатся их дети.

При массовом опросе жителей Ямало-Ненецкого автономного округа, проведенного нами в 2015 г., была выявлена самооценка уровня жизни северян. При этом 16,3 % респондентов ответили, что «на повседневные затраты им хватает, но покупка новой одежды уже затруднительна», 12,1 % — «на повседневные расходы уходит, практически вся зарплата», 7 % — «денег не хватает на повседневные расходы».

Вторая по значимости для респондентов проблема: безработица и вероятность потери имеющейся работы.

При этом показатели как зарегистрированной, так и фактической безработицы в северных поселениях незначительно отличаются от среднероссийских, в структуре безработных молодые люди в возрасте 18–29 лет составляют 34–37 %, женщины 72–75 %, лица предпенсионного возраста 10–12 %. При этом следует учитывать, что официальная статистика недостаточно адекватно отражает реальную ситуацию в занятости северян. Особенно это касается автохтонного населения. Наши исследования выявили, что если по данным статистики среди аборигенов безработица около 6 %, то фактически она превышает 60 %. Дело в том, что большинство из них просто не может встать на учет, т. к. не имеет необходимых для этого документов. Оформить их можно лишь в окружном центре (Салехарде), но такая поездка людям не по карману.

Таблица 1

Наиболее значимые для населения Ямала социальные проблемы, % от числа опрошенных (можно было указать до 3 проблем)

Проблема	Годы проведения опроса		
	2005	2010	2015
Бедность, рост расходов	55	53	56
Безработица, возможность потери работы	53	49	50
Низкое качество медобслуживания	33	34	43
Отсутствие жилья, возможности улучшить жилищные условия, рост платы за жилье	41	42	41
Незащищенность от криминала, наркомания, коррупция	29	30	28
Ухудшение экологической ситуации	18	19	12

При этом значительная часть представительниц коренных северных этносов, числящихся занятыми, фактически получают мизерную зарплату, т. к. одна ставка «чум-работницы» делится на несколько человек [Сморчкова, 2007].

Третье место в списке наиболее социально-значимых для ямальцев проблем занимает состояние их здоровья и неудовлетворенность медицинским обслуживанием.

Важность этой проблемы подтверждается как данными медицинской статистики, так и результатами

проведенных нами массовых опросов северян. Так, причинами смертности в трудоспособном возрасте населения Ямало-Ненецкого автономного округа являются болезни органов системы кровообращения (21,2 случая на 10 тыс. чел.), несчастные случаи, отравления и травмы (12,8 случаев на 10 тыс. чел.). Отравления некачественным алкоголем, передозировка наркотиков, суицид и убийства составляют почти половину причин смертности. При этом самооценка здоровья достаточно высока, особенно у мужчин.

Судя по последним данным, причинами ухудшения здоровья приехавших на Север людей являются географические и природно-климатические, социально-психологические, экологические в связи с антропогенной деятельностью и другие факторы, а также их взаимодействие.

Так, при сочетании возмущений геомагнитного поля с гравитационными аномалиями резко возрастает число обострений сердечно-сосудистых заболеваний, главным образом, гипертонических кризов, инфарктов миокарда, ошибок операторов.

Северные природные условия, влияющие на здоровье людей, приехавших сюда из других регионов, достаточно многообразны и еще окончательно не изучены. Это не только низкие температуры, но и отсутствие нормального светового дня, приводящее к сезонным депрессиям и бессоннице, высокая скорость ветра, перепады атмосферного давления, особенности воды и питания и др.

Таблица 2

Самооценка здоровья жителями Ямала, % опрошенных

Проблема	Годы проведения опроса		
	2005	2010	2015
Чувствую себя хорошо	38	40	38
Иногда болею	39	38	38
Часто болею	9	10	8
Хронически больной	8	8	10
Инвалид	2	3	1
Не знаю	4	1	5
Итого	100	100	100

При этом, при вахтовой организации труда все эти множественные воздействия на человеческий организм носят не постоянный, а дробный характер. Регулярные маятниковые перемещения с преодолением нескольких часовых поясов, смена климатических и социальных условий не позволяют установиться стабильным отношениям человека с внешней средой, поэтому мобильная жизнь вахтовика в режиме «живу на юге, работаю на севере» сопровождается хроническим напряжением регуляторно-адаптационных систем организма.

При опросах северян мы выяснили и уровень их удовлетворенности медицинским обслуживанием в целом и по отдельным элементам. Эти показатели оказались хуже общероссийских, выявленных социологическими центрами Российской Академии наук.

В таблице 3 приведены ответы на вопрос нашей анкеты: «Что Вас не устраивает в системе медицинского обслуживания в Вашем поселении?» в динамике. При этом очевидных тенденций изменения ситуации по годам не выявлено.

При достаточно низком уровне удовлетворенности людей существующей системой здравоохранения идет сокращение государственных расходов на нее и уменьшение лечебных организаций. Так, за последние 15 лет их число на территории Ямало-Ненецкого автономного округа уменьшилось вдвое (48 больничных и 78 амбулаторно-поликлинических организаций в 2000 г. и, соответственно, 23 и 36 в 2015 г.).

Жилищная проблема, следующая далее в оценках северян, конечно, связана и с предыдущей, здоровьем людей, для многих опрошенных нами ямальцев представляется наиболее приоритетной из всех социальных проблем. Наиболее важной ее сочли жители гг. Салехард, Лабытнанги и Муравленко, Губкинского, Пуровского и Тазовского районов, многие годы живущие в балках.

Эта проблема оказалась также тесно связанной с проблемой коррупции: все большее число респондентов отмечает, что для получения жилья или оформления на него юридического права, услуг по ремонту и эксплуатации жилья приходится давать взятки.

Таблица 3.

Недостатки системы здравоохранения в поселениях Ямало-Ненецкого автономного округа, % опрошенных (допускалось несколько причин неудовлетворенности)

Проблема	Годы проведения опроса		
	2005	2010	2015
Большие очереди на прием к врачу	38	40	38
Не вижу эффекта от предложенного лечения	39	38	38
Выписанные лекарства отсутствуют в аптеке или очень дороги	9	10	8
Скорая помощь приезжает слишком поздно	8	8	10
Меня удовлетворяет медицинское обслуживание	2	3	1
Не знаю	4	1	5

Учитывая, что каждый четвертый, занятый в экономике и социальной сфере, является вахтовиком, а в перспективе эта доля может еще более увеличиться, одним из направлений решения жилищной проблемы является создание новых механизмов взаимодействия региональных и муниципальных структур власти территорий проживания (южные и центральные регионы России) и мест трудовой деятельности (циркумпольные территории). Отдельной проблемой является создание достаточных условий жизни в вахтовых поселках, дислоцированных вблизи месторождений. Специфика их в том, что наряду с ограничением количества основных объектов социальной инфраструктуры, некоторые функции жизнеобеспечения должны быть в них расширены, например, в сфере питания и бытового обслуживания, обычно выполняемые семьей [Андреев, 2009; Busherm; Silin, 2015].

Следующей проблемой, волнующей северян, является незащищенность от криминала и коррупции. При этом, судя по данным статистики, криминогенная ситуация в регионе постоянно ухудшалась все последние годы и особенно обострилась в связи с экономическим кризисом. Наибольший прирост уровня преступности в Ямало-Ненецком автономном округе произошел в сфере незаконного оборота наркотиков и коррупции. При опросе северян 24 % респондентов ответили, что хорошо знают места продажи, 11 % — людей, распространяющих наркотики. 19 % опрошенных сообщили, что неоднократно сталкивались с фактами вымогательства взяток.

Как показали наши исследования, социальные проблемы, волнующие северян, тесно взаимосвязаны, управленческие решения, направленные на решение одних из них, оказывают значимое влияние на другие. Это касается и последней в перечне социальных проблем, особо выделенных респондентами — ухудшения экологической ситуации на арктических территориях.

Известно, что в циркумпольном регионе, являющемся самой хрупкой экосистемой планеты, нужны специальные методы сохранения природной среды, отличные от применяемых на юге и средней полосе. При этом необходимо учитывать и все взаимодействия нефтегазового кластера с окружающей средой, изменение гидросферы в результате загрязнения поверхностных и подземных вод нефтепродуктами и производственными стоками, литосферы, связанные с загрязнением почвы, вытаяванием подземных льдов и проседанием рельефа, атмосферы в связи с выбросами токсичных веществ, продуктов сгорания газа и конденсата в факелах и др.

При этом экологическая ситуация, помимо влияния на здоровье живущих здесь людей и качество их жизнедеятельности, во многом определяет и условия традиционного хозяйствования аборигенного населения. Проведенные нами опросы свидетельствуют, что более трети респондентов считают основной причиной напряженности между северными этносами и пришлым населением хищническое отношение приезжих к природе Севера. При этом особое значение для аборигенов приобретает захват и загрязнение земель, на которых

осуществляется оленеводство, а также вынужденный вывод из рыболовства многочисленных северных водоемов и речек, загрязненных нефтепродуктами и химическими реагентами.

Данное обстоятельство особенно актуализирует вопросы межнациональных (межэтнических) отношений в циркумпольном региональном социуме.

При этом вопросы взаимодействия собственно коренного населения, которым являются группы народов Севера, расселенное, преимущественно, в сельской местности или на межселенной территории (кочевое население) и представителями других национально-этнических групп требуют особого внимания и социологических исследований.

Столь же серьезного внимания заслуживают и этнические группы инотерриториального происхождения, которые образуют на Ямале своеобразные диаспорно-земляческие сообщества. К ним можно отнести группы, «материнской», территорией исхода которых являются другие регионы России (этнические землячества северокавказских и поволжских групп) или зарубежных стран (диаспорные группы из Украины, Беларуси, Закавказья, Средней (Центральной) Азии и т. п.). Конечно, это достаточно условная маркировка, к тому же необходимо учитывать, что первые переселенцы из этих ныне зарубежных стран приехали на Ямал еще в условиях единого советского государственного пространства. Но, в настоящее время такая дифференциация является оправданной, во всяком случае по государственным основаниям.

Что касается межэтнических отношений, связанных с диаспорно-земляческими группами, то наряду с общими позитивными оценками, эти отношения проблематизируются по отдельным негативным моментам. Так, анализ мнений участников фокус-групп, проведенных последние три года с представителями этноконфессиональных групп по проблемам межнационального и межконфессионального взаимодействия дал возможность выявить основное содержание высказанного недовольства по:

1. нарушению баланса, изменению привычной среды (часто встречается эпитет «засилье», говорится о численном перевесе, изменении привычной городской среды, распространении иной культуры, несбалансированности в отношениях (пока «они» навязывают, «мы» не сопротивляемся));
2. соприкосновению слишком отличных культур, традиционной и модернизированной, что приводит к непониманию и конфликтности;
3. вызывающему поведению, отсутствию уважения, надменности, агрессии, формированию группировок более сплоченной северокавказской молодежи, притеснению местных молодых людей;
4. посягательству на блага, принадлежащие местному населению (рабочие места, жилье, социальная инфраструктура — детские сады, поликлиники), отсутствию значимого вклада в экономику города, навыков и желания работать, низкой оценке деловых качеств.

В основном, проблема в глазах жителей состоит

в дискомфорте повседневного общения, ощущении «захвата» публичного пространства и потере предсказуемости. Высказывания на эту тему концентрируются на молодых мужчинах, выходцах с Кавказа последних миграционных волн. Их манера поведения в публичных местах доставляет дискомфорт, происходит своеобразное нарушение общественного консенсуса, в местах отдыха молодежи создается атмосфера конкуренции и конфликта. Попытки себя позиционировать в публичном пространстве (например, исполнение лезгинки на площади, громкие празднования с автопробегами и т. п.) создают впечатление вызова. Заметность этой категории накладывает отпечаток на восприятие всей национальной группы.

Из материалов вышеуказанных фокус-групп с представителями народов Северного Кавказа можно сделать заключение, что молодежь последних волн миграции социализирована в иных условиях, является носителем иного социального опыта и поведенческих моделей, нежели старшее поколение, прожившее, к тому же, многие годы в регионе с преимущественно русским населением. Старшее поколение и интегрированные в местный социум представители общин также дистанцируются от мигрантов последних волн, указывают на них как на проблему их этнических сообществ и на отсутствие рычагов контроля за их поведением, подчеркивают, что их поступки не имеют ничего общего с традиционной культурой [Макушева, 2016].

Территория Ямала как достаточно благополучного в социально-экономическом отношении региона, обладающего весьма развитой социальной инфраструктурой, является, несмотря на субарктический и арктический климат, достаточно привлекательной для мигрантов (в 2012–2014 гг. на Ямал ежегодно приезжало свыше 44 тысяч мигрантов, выезжало 45–52 тысячи, то есть менялось порядка 8–10 % численности населения автономного округа).

Миграция населения, включая внутрирегиональную (в пределах Тюменской области), в 2010–2014 гг. в расчете на 1000 человек населения на Ямале в 1,5–2 раза выше, чем в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре или в южных районах Тюменской области. Однако интенсивный миграционный приток сопровождается столь же и даже более интенсивной миграционной убылью, в результате сальдо миграционного обмена в эти годы в целом отрицательное, хотя и небольшое по абсолютной величине (порядка 5–8 тысяч человек). При этом наблюдается положительное и достаточно значительное сальдо обмена населением с государствами – членами СНГ, прежде всего с Украиной и Узбекистаном. Что касается миграционного обмена Ямала с российскими регионами, то более активным он является с другими регионами Западной Сибири и Урала (с южными районами Тюменской области), Республикой Башкортостан, Свердловской и Омской областями, а также — Северного Кавказа (Республика Дагестан, Чеченская и Кабардино-Балкарская Республики).

Таким образом миграционные потоки являются заметным фактором социально-пространственной трансформации территории Ямала.

Полученная в результате наших и других исследований [Кибенко, 2014; Лаженцев, 2016; Пилясов, 2010; Цымбалистенко, 2015; Saxinger, 2014] эмпирическая информация и ее анализ требуют, на наш взгляд, значимого усиления внимания к научному сопровождению процесса освоения арктического региона, условиям жизнедеятельности человека на Крайнем Севере. В первую очередь, необходимы фундаментальные междисциплинарные исследования качества жизни участников освоения и проживающих здесь северных этносов, здоровья и последствий для потомства приехавших сюда на постоянное жительство и работающих в вахтовом режиме, безопасности жизни и сохранения хрупких биогеоценозов Севера.

Полагаем, что первоочередное внимание при этом должно быть уделено физиологическим, медико-биологическим и экологическим аспектам сохранения здоровья людей, приехавших в Арктику из других регионов. Этот исследовательский блок должен включать и обоснование наиболее приемлемых режимов труда и отдыха для вахтового персонала. При этом выбор оптимального для конкретных условий РТО требует одновременно изучения и учета кроме медико-биологических также и экономических, правовых, психологических и социальных факторов, что представляет достаточно сложную методологическую проблему и вызывает необходимость разработки соответствующего комплексного инструментария [Горшков, 2012; Маркин, 2014].

Другим, не менее важным предметом междисциплинарного научного изучения, является социальная ситуация, связанная с жизнедеятельностью малочисленных северных этносов. Этой проблеме уделяется совершенно недостаточное в сопоставлении с ее важностью внимание.

Очевидна необходимость серьезных фундаментальных исследований качества жизни арктических аборигенов социологами, правоведами, экономистами, антропологами, биологами и др.

Научное сопровождение устойчивого развития арктических территорий требует своевременного выявления и декомпозиции возникающих проблем и возможных технологий их решения при разных сценариях изменения внешней среды. Считаю необходимым привлечь внимание к этим вопросам не только научного сообщества, но и гражданского общества, властных структур северных стран и бизнеса, заинтересованного в освоении Арктических регионов [Storey, 2010; Weichhart, 2009].

Представленные результаты многолетних социологических исследований на территории арктического нефтегазового региона России позволили выявить наиболее значимые для проживающих здесь людей социальные проблемы. По сути, они те же, что и для населения других регионов: бедность, безработица, неудовлетворенность жильем и медобслуживанием, незащищенность от криминала и ухудшающейся эко-

логической ситуации. Однако конкретное наполнение и возможности решения этих проблем на Крайнем Севере имеют значимые специфические особенности, которые необходимо учитывать при подготовке и принятии как стратегических, так и текущих управленческих решений.

Начавшееся новое масштабное освоение ресурсов Ямала, шельфа северных морей и других циркумполярных территорий, требуют серьезного научного сопро-

вождения, проведения междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований уже выявленных и еще латентных социальных проблем, опираясь на системную методологию. Авторы призывают усилить внимание к научному обеспечению подготовки и выявления социальных последствий решений, связанных с арктическим регионом, которые сегодня принимаются органами власти и менеджментом нефтегазовых компаний без достаточных исследований и обоснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев О.П., Арабский А.К., Крамар В.С., Силин А.Н. Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера. М.: Недра-Бизнесцентр, 2009. 175 с.
- Бурдые П. Начала. Cheses dites / пер. с фр. А.А. Шматко М.: Socoi-Logos, 1994; Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М.: Институт социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 302 с.
- Горшков М.К., Шереги, Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. М.: ИС РАН, 2012. 404 с.
- Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 год. ООО «РА Ильф», 2013. 202 с.
- Кибенко В.А. Теоретико-методологические аспекты исследования региональной идентичности населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2014. №3 (83). С. 48–51.
- Лаженцев, В.Н. Геосистемный подход к проблемам социально-экономического развития регионов Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 83.
- Макушева М.О., Юдашкин В.А. Проблематизация отношений основного и инокультурного населения в Ямало-Ненецком автономном округе // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. стат. / колл. авт.; под ред. чл.-корр. РАН, проф. А.В. Дмитриева. М.: РУСАЙНС, 2016. С. 127–139.
- Маркин В.В. Региональная социология и управление: дорожная карта взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 135–142.
- Пилясов А.Н. Арктическое средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // ЭКО. 2010. № 12. С. 15–54.
- Сморчкова В.И., Мажаров А.В. Развитие традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера в современных условиях. М.: Изд-во РАГС, 2007. 136 с.
- Цымбалистенко Н.В., Паршуков В.Г. Популярная этнология для государственных служащих, мигрантов и вахтовиков ЯНАО. СПб.: «Литературный город», 2015. 160 с.
- Buscherm Urry J. Mobil Methods and the empirical // European Journal of Social Thory. 12 (1) Pp. 99–116.
- Saxinger G., Ofner E., Shakirova E. Ich bin ,ereit – Die nachste Generation mobiler Fachkrafte in der russischen Erdgas and Erdolindustrie // Austrian Studies in Social Anthropology. 2014. 2, Pp. 1–24.
- Silin A.N. Long Distance Commuting in Oil and Gas Produktion Indastry in the Northwestern Siberia: Socijljgical Analisys of Change // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, No 3, s. 5. Pp. 199–206.
- Storey K. Fly-in/Fly-out: Implicftions for community sustainability // Sustainability, 2010. No 12. Pp. 1161–1181.
- Weichhart P. Multilocalitat Konzepte< Tgeotie bezuge und Forschungsfragen // Informationen zus Rauman Twicklung. 2009. 1, 20. Pp.1–14.

**SOCIO-SPATIAL TRANSFORMATIONS OF THE TERRITORY OF YAMAL:
EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH**

The article discusses problems of socio-spatial transformations of the Northern Territory related to the development of one of the most promising oil and gas Arctic regions of Russia. The possibilities of their solving are described. The authors and their colleagues conducted interdisciplinary and sociological research, including mass surveys of the population of the Yamal-Nenets Autonomous District according to the representative samples in 2005, 2010 and 2015 and sociological diagnosis of their results in the context of different social groups of respondents (the old-timers, including representatives of indigenous peoples, new settlers, rotational staff). These studies revealed the characteristic features of the Arctic region social problems and requirements for scientific support for options of their solutions.

When considering the theoretical-methodological and practical problems, the authors provide the power structures with information necessary for preparation and adoption of effective administrative decisions. This information cannot be obtained by other means, in particular, with the help of statistics. This thesis is illustrated by the situation with the indigenous peoples of the North, the other groups of the population, development of the social potential of Yamal development, fixing and replenishment of qualified personnel.

The study of the Northern specificity of the quality of life of the population of the circumpolar oil and gas region of Russia, living conditions and relationships of various social groups of the participants of further, neo-industrial development of the territory leads to conclusions about the need for a significant strengthening of the sociological and interdisciplinary scientific support of future projects in the Arctic, and suggests a new methodological approach to the selection of the most relevant topics of research.

Keywords: Arctic, development of the territory, circumpolar region, socio-spatial transformations, social problems, sociological studies, social groups, the health of northerners, shift method.

АРКТИЧЕСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ КАК ФРОНТИР

В статье предлагается рассматривать феномен арктической урбанизации как фронт — зону, где нарабатываются новые технологии и институты. От классической теории американского фронта проводятся параллели к перспективам развития городов Российской Арктики как потенциальным центрам инноваций — в архитектуре, технологиях жизнеобеспечения, институциональном устройстве сообществ с большой долей мигрантов и др.

Ключевые слова: фронт, Арктика, города, урбанистика.

Арктическое пространство изменчиво: здесь сильнее, чем в средней полосе изменения климата, быстрее возникают и исчезают города и поселки, начинаются и прекращаются крупные проекты. Изменчивость Арктики оказывает преобразующее воздействие на многие институты и явления. На этом основывается взгляд на арктические города как на потенциальный фронт урбанистики — естественную среду выработки институциональных, технологических, планировочных инноваций, вырабатываемых в Арктике и впоследствии применимых в других городах мира. Статья построена на обобщении, с одной стороны, опыта разработки документов стратегического планирования для ряда муниципальных образований Арктической зоны РФ, выполненных в Центре экономики Севера и Арктики СОПС в последнее десятилетие, а с другой — теоретического изучения принципов современной (преимущественно, западной) урбанистики.

Разные страны имеют свои «пружины» развития, и очень часто такой пружиной служат не богатые ресурсы и удобство положения, не подарок судьбы, но, напротив, проблема, в решении которой страна обретает свои преимущества. Малое островное пространство научило японцев экономии ресурсов. Неоглядные просторы североамериканского материка создали выдающуюся автомобильную державу — родину домов на колесах и еды на ходу¹. Европейская история и экономика рождались в тесноте запертых стенами городов². В России такой пружиной, по-видимому, нужно считать освоение Севера.

В названии статьи упомянут «фронт». Этот термин прочно вошел в словарь ученых, пишущих об освоении новых земель. Фронтом привычно называют передний край освоения, но на самом деле термин более емкий, поэтому его тяжело точно перевести на русский язык. Ни «край», ни «граница», ни «рубеж» не пе-

редают самого главного — той преобразующей силы, с которой рубежи и края влияют на тех, кто их преодолевает. Фронт лучше всего перевести как «вызов», необходимость ответа на который стимулирует к эксперименту, к развитию, эволюции. Арктика — именно такой вызов для России.

Мало кто правильно определяет основное свойство фронта. Запасы ресурсов — еще не фронт, если их можно осваивать типовыми приемами: не всякая деятельность по добыче полезных ископаемых является фронтом. Обязательные условия фронта — это риск и неопределенность во имя значимой цели. Фронт обязательно сопряжен с необходимостью ответа на этот вызов неопределенности, это среда генерации новых институтов, технологий, социальных отношений, среда формирования новой траектории развития, своеобразная точка (точнее, зона) бифуркации.

Понятие фронта было введено в научный оборот американским историком Ф. Дж. Тернером в самом конце XIX в. Работа Тернера называлась «Смысл фронта в американской истории» [Turner, 1893]: ее значение было в открытии воспитующего, преобразующего воздействия опыта фронта на молодое американское общество. Европейцы, осваивавшие американский континент, столкнулись с массой вызовов неопределенности: с необходимостью понять иную индейскую цивилизацию, применять новые агротехнические приемы при возделывании черноземов прерий, решать проблему транспортировки людей и продукции через полконтинент, налаживать снабжение удаленных золотых приисков, решать проблемы взаимодействия мигрантов разных социальных страт, национальностей и цветов кожи. Классический американский фронт постоянно тренировал поселенцев на решение нетривиальных задач — и именно в решении этих задач, как

¹ На данную тему написано уже немало работ — см., например, популярную трилогию Бурстина [Бурстин, 1993].

² См.: [Бродель, 1992; Роккан, 2006; Васильев, 2000 и др.].

гласит теория фронта, вчерашние европейцы изменились и стали американцами [Billington, 1958; 1991; см. также: Замятина, 1998].

Образ фронта — открытые горизонты — не только незаселенные, но неосвоенные во всех смыслах слова, горизонты непонятого. Характерно, что в России интерес к фронту вырастает в переходные эпохи, в периоды неопределенности. Памятен всплеск к теме фронта в научных работах 1990-х гг. (особенно яркой в этом смысле была работа Елены Петровской «Часть света» [Петровская, 1995]. В экономически трудном, геополитически тревожном периоде 2014–2016-х гг. кажется симптоматичным обращение к Арктике на государственном уровне. Принята Арктическая стратегия Российской Федерации, определены, наконец, указом Президента сухопутные границы Арктики, финансируются после долгого перерыва арктические экспедиции. В общую линию вписывается и выход новой экранизации куваевской «Территории»: в сложные, неопределенные времена естественно обращаться к опыту фронта, к истории успеха прежних первопроходцев. Поэтому и книгу про Арктику как фронт мы задумали именно сейчас, среди общих поисков путей развития страны, национальной идеи, национальной гордости: нам представляется, что в этих поисках нельзя не вернуться к Арктике.

Сегодня, когда российская история, похоже, проходит очередную точку выбора пути, бифуркации, важно осознать, что хотя интерес к Арктике то затухает, то разгорается, Арктика — перманентный постояннодействующий вызов, который будет у России всегда. В этом смысле Арктика — особенный фронт. Другие мировые фронты были связаны с неопределенностью, неизведанностью в какой-то конкретный, конечный период времени: неопределенность была связана с тем, что какая-то территория, область знания была *в тот момент еще не освоена*. Рубеж может быть пройден. Но Арктику нельзя «навсегда», окончательно освоить в силу ее специфических природных, социальных, пространственных условий; Арктика всегда будет вызовом для человека.

Еще в 60-е гг. и в СССР, и за рубежом существовала иллюзия возможности «конечного» освоения Арктики, были проекты создания комфортных арктических поселений. Ради этого в Швеции (Кируна), и затем в Канаде (Резолют-Бэй и Фермонт) огораживали города ветрозащитными стенами [Jull, 2013; Шубенков, 2015 и др.]; на советском Севере в те же годы рождались проекты создания гигантских домов-комплексов, призванных заменить целые городские районы³. Но все это были стабильные, «на века» формы — те проекты уж очень напоминали мечты о создании поселений на других планетах — и также, как и «яблони на Марсе», оказались нежизнеспособными. Сегодня очевидно, что в Арктике органичнее иная стратегия: не жесткие, мас-

штабные решения «навсегда», но, напротив, мобильные, модульные, подвижные, гибко адаптируемые под конкретные условия⁴. Именно изменчивость условий Арктики (по сравнению со средней полосой) и делает ее фронтом — своего рода тренажером, обучающим Россию меняться, не костенеть, заниматься инновационным поиском.

Изменчивость условий и адекватные ей гибкие адаптационные стратегии пронизывают все аспекты жизни в Арктике. Изменчивость внешних условий влияет на стратегии разработки полезных ископаемых, на планировку городов и поселков, на циклы жизнеобеспечения коренных народов и ритмы современных миграционных волн, на институциональное строительство. Вынужденно все сферы жизнедеятельности в Арктике обретают общие черты, и черты эти — гибкость, готовность к поиску и трансформации. В противном случае жесткие, неадаптивные проекты заканчиваются крахом: деградацией природной среды, опустевшими поселками, законсервированными месторождениями.

Одно из направлений проявления арктического фронта — это арктическая урбанизация. Арктические города заслуживают того, чтобы рассматриваться как особый феномен, выделяющийся на качественном уровне особыми закономерностями городского развития. Отметим, что тенденция усиления внимания к арктическим городам уже прослеживается в российской и международной практике. В последние годы и в России, и за рубежом все чаще появляются работы по Арктическим городам [Пилясов, 2011, 2016а, 2016б; Швайцер, 2016; Heleniak, 2008, 2009: City-region ... 2015; Sustaining Russia's Arctic Cities, 2017; New Mobilities ... , 2017 и др.]. Однако пока еще не выработано понимания арктической урбанизации как особого комплексного феномена. Поэтому в данной работе ставится цель наметить основные направления проявления своеобразия арктических городов, основанного на их фронтальной сущности — как направления перспективных исследований. При этом фронтальные города представляется целесообразным рассматривать как своего рода передний край урбанистики — зону выработки новых ответов на общие проблемы городского развития, подстегнутую необычайной остротой и жесткостью этих проблем по сравнению с «нормальными» условиями развития городов средней полосы.

Фронтальный Север, как это ни парадоксально, имеет много общего с условиями жизни в крупнейших городах, в мегалополисах. Это высокая доля недавних мигрантов и как следствие — острота проблем адаптации, ломки привычного уклада жизни для новоприбывших, перестройка социальных связей. Это острота проблем обустройства быта, коммунального хозяйства, жилого пространства — в городах обусловленная скученностью населения, на Севере — суровостью природных

³ Речь о знаменитых «пирамидах» Александра Шипкова с коллегами, которые проектировались для Норильска и Снежногорска.

⁴ Подробнее см.: [Замятина, 2016].

условий. Это дальние, за тысячи километров, торговые и информационные коммуникации — типичная черта и крупных городов, и арктического фронта.

Разумеется, есть коренное отличие. Согласно современным воззрениям, города черпают потенциал экономического роста из внутреннего разнообразия [Джейкобс, 2008; Глейзер, 2014]. Обмен знаниями в крупных городах служит ускорению инновационных процессов — именно поэтому города, оказываясь в авангарде инноваций, обеспечивают открытое поле для новых экономических возможностей. Запускается цепная реакция: большое количество населения обеспечивает спрос на разнообразные товары и услуги, разнообразие видов деятельности создает благоприятные условия для рождения все новых инноваций на «перекрестном опылении» разных отраслей и одновременно привлекает еще больше населения. Формируется так называемый эффект возрастающей отдачи.

Классический фронт, разумеется, работает иначе: здесь экономический рост, как правило, обеспечивается богатыми ресурсами, впервые в крупном масштабе вовлекаемыми в хозяйственный оборот: земельными, сырьевыми. Видный японский экономист М. Фьюджита описал современный фронт в Юго-Восточной Азии, основанный на первичном вовлечении в экономику огромных трудовых ресурсов сельского населения стран этого региона [Fujita, 1998]. Фронтальный перелом здесь заключается в том, что из потребителей товаров массового спроса страны становятся их производителями — резко меняется вся система отношений в обществе.

Фронт поражает воображение современников: во фронтальных районах за считанные годы растут новые города на месте дикого поля или бедных деревушек, расцветают новые производства, пространство преобразуется радикально. Открываются возможности образования, карьеры, о которых предыдущее поколение и не мечтало. Посмотрим на преобразование Севера в советское время — то был рост на ресурсном фронте. Но посмотрим и на современный Китай — это рост на фронте дешевой рабочей силы.

Однако состояние фронтности обычно быстро проходит по мере исчерпания ресурса (в последнем случае с повышением уровня жизни дорожает рабочая сила). И только в Арктике⁵, как мы уже писали, экономика, институты, организация территории и вся повседневная жизнь сохраняют фронтные свойства постоянно. Жизнь в Арктике приспосабливается к подвижности, неопределенности, большим амплитудам изменений природных и экономических условий, и эта смена условий, то закрывающихся, то открывающихся новых возможностей составляет особое условие развития городов в Арктической зоне.

В этой связи арктические города, повторим — особый феномен. Города на Севере, в Арктике — это настоящий фронт урбанистики, фронт в квадрате,

где удивительным образом сочетаются, интерферируют и законы городского развития, и законы фронта.

Фронтные условия — постоянный вызов устойчивому существованию города — этот вызов создает условия для усиленного инновационного поиска. Для того, чтобы фронтный город существовал, необходимо дать ответ на значительно большее количество вопросов, чем для существования хотя бы и его полного аналога в средней полосе России. Поэтому в арктических городах осуществляется присущая городам функция *лаборатории инноваций* — однако движущие силы этого процесса несколько иные.

Современная урбанистика базируется на преимуществах крупного города, где именно большая численность населения обеспечивает разнообразие среды как условия инновационного творчества. Арктический город — «творец» и инноватор поневоле, здесь меньшая численность населения компенсируется повышенной активностью инновационного поиска. В этом смысле даже небольшой арктический город — он «более город», чем его аналог в средней полосе. Арктические города имеют зачастую больший набор услуг, более активное обновление населения, большие объемы строительства по сравнению с аналогичными южными городами. Благодаря сохранению поддержки на поездки в отпуск население арктических городов России более подвижно, поэтому в информационном отношении арктические города более открыты, чем обычные. Эндогенных, внутренних сил развития, энергии у арктических городов (точнее, их сообществ) оказывается больше, чем у городов «обычных».

Внешнее окружение, напротив, враждебно. С точки зрения сетевого подхода главная особенность арктических городов — это их зависимость от «дальних связей» — в этом их коренное отличие от городов основной зоны расселения, и причина их фронтности. Жесткий климат лимитирует рост плотности населения — и возникающие в малонаселенной местности города оказываются в принципиально иных условиях, нежели их «умеренные» собратья. Города Западной Европы, Северной Америки, на которых формировались практически все современные урбанистические теории — это города плотных сетей (описанных Броделем, Рокканом и др.). Между городами в такой сети идет постоянный плотный обмен товарами и услугами, знаниями и инновациями.

Арктические города тоже взаимосвязаны с другими городами — но эти связи на слишком дальних расстояниях, и главное, спектр таких связей очень ограничен. Города европейской городской сети увязаны многими дорогами: плотность сети страхует их от падений; в случае прекращения связи по одному направлению ее компенсируют другие. Арктические же города, зачастую, связаны с внешним миром только какой-то одной линией связи — Севморпуть, единственная транс-

⁵ Возможно, схожими чертами обладает жизнь в пустынных и других экстремальных районах мира.

са и т. п.; роль авиасообщения несколько нивелирует эту ситуацию, но в целом, арктические города — это своего рода современные, «города караванных путей XX в. (пока не XXI)», зависимые от событий на далеких концах этих караванных путей: прекратят идти караваны — прекратится жизнь этих городов.

Это и происходило в индустриальную, в предыдущие эпохи — и происходит сейчас, если роль города понимается по-прежнему в узком, производственном смысле. Однако в современном мире роль городов, как сказано выше, иная, она все больше и больше базируется на их внутренних ресурсах, а главная городская функция — инновационный поиск. В этой связи даже при сокращении «караванной» функции арктических городов их жизнь не должна прекращаться: сжимаясь, они, однако, должны сохраняться как информационные базы освоения Арктики, как научные центры — что и происходит на Западе, где главные функции многих арктических населенных пунктов — научные.

В каких сферах идет поиск? В первую очередь, в связанных с жизнеобеспечением Арктики в целом (климат и т. п.) — но также и в сфере жизнеобеспечения самих городов: арктическая архитектура, городское хозяйство, социальные институты.

В этой связи идеальным арктическим городом в советское время был Норильск: работавшие на поддержание жизнедеятельности города институты работали на генерацию нового знания для страны в целом. Парадоксальным образом уже в сталинские времена «Архитекторы стремились попасть в Норильск, город, который для многих деятелей культуры и искусства, артистов театра и кино, музыкантов стал местом совершенствования своего мастерства» [Слабуха, 2010]. Именно здесь был разработан ряд новых способов строительства на вечной мерзлоте, приемы арктического сельского хозяйства и озеленения северных городов и др. Однако в основном вызовы Арктики для города воспринимались довольно узко — преимущественно в отношении природных вызовов — ветров, морозов, вечной мерзлоты [Jull, 2013; Шубенков, 2015; см. также Arctic design group]. При этом в большинстве случаев (за исключением отдельных проектов шведа Р. Эрскина, норильских архитекторов А. Шибкова, Я. К. Трушиньша и некоторых других, основное творчество ограничивалось адаптацией и модификацией типовых проектов средней широты под условия Крайнего Севера. Как обличительно писал журнал «Юность»: «Где-то в конце пятидесятых годов до тундры докатил пятиэтажный блочный дом. Специалисты предлагают приспособить, подогнать его к условиям Заполярья. То уширять корпус, то оставить его узким, то ставить меридианально, то широтно, то объединять в «аэродинамические группы», то держаться «сплошного замкнутого контура» периметральной застройки — и все это ради искомой гармонии между европейским городом механически перенесенным на Крайний Север и здешней природой и климатом» [Дом в Заполярье].

Однако другие аспекты арктической урбанизации практически не затронуты — и в первую очередь, это поиск ответов на вызов динамичных изменений численности населения. Высокая зависимость от внешних факторов развития, от сырьевых отраслей, «караванная» природа многих арктических городов (далекие и зачастую безальтернативные, недублируемые «плечи» транспортного сообщения) делает периодические колебания численности населения арктических городов их постоянной и неизбежной, «врожденной» особенностью. Поэтому здесь необходим новый, пока неопробованный путь планировки. Пока в российской Арктике встречаются две крайности. С одной стороны, это попытки выстроить арктические города как полные аналоги городов средней полосы России — с помпезной «сталинской» архитектурой в середине XX в. и с бетонными многоэтажными домами, а то и небоскребами в более позднее время, с широкими улицами и площадями, не взирая на ветер и снежные заносы — «по последней моде» внешних, заимствуемых для Арктики образцов (это черта именно советской и российской арктической урбанизации). С другой — это обилие временного, ветхого жилья, возводимого и заселяемого вынужденно «в ожидании» появления дорогих, возводимых из завозных материалов и не приспособленных к местным климатическим условиям, но «нормальных» бетонных многоэтажек. Очевидно, что нужны промежуточные формы, эксперименты с быстро возводимым (но комфортным) и легко трансформируемым жильем. Очевидно, что именно Арктика буквально самой природой предназначена для новых архитектурных разработок — в том числе в духе конструктивистской архитектуры 1920-х гг., с ее идеями подвижности, трансформируемости (знаменитые «жилье ячейки» М. Гинсбурга и М. Барца в проекте «Зеленого города» [Хан-Магомедов, 1972]) и др. Арктическая архитектура — очевидно, архитектура подвижной и текучей «Культуры Один» (по выражению В. Паперного) [Паперный, 1996].

В Арктике такие эксперименты востребованы, казалось бы, самой жизнью — и именно из Арктики отработанные модели могли бы впоследствии распространиться в другие районы — хотя бы в форме дачного жилья.

Среди других острейших проблем, где арктические города должны бы быть на переднем крае — это новые, энергоэффективные системы жизнеобеспечения, «зеленых» технологий, проходящие в Арктике самую жесткую проверку на прочность. Это проблемы четкой организации городского транспорта (в Арктике спрос на личный автотранспорт, общественный транспорт и услуги такси выше, чем в «обычных» городах в силу суровости климатических условий — известная из советского кинематографа фраза «наши люди в булочную на такси не ездят» здесь неуместна. Острые проблемы арктических городов — это и проблемы самоорганизации городских сообществ, городского активизма и городских инициатив, городского досуга, проблемы адаптации мигрантов (в том числе мигрантов разных

национальностей и культурных укладов), это проблемы компенсации разрыва связи поколений, типичная для северных семей. Наконец, это и проблемы организации городского хозяйства (многократно более сложные, чем в умеренном климате), проблемы удаления отходов и чистоты воздуха и т. д.

Главное препятствие на пути осознания фронтальной сущности арктических городов — это, как ни парадоксально, неверие местных сообществ и администраций в собственные возможности. Установка на подражание в отношении более южных образцов оставляет без поддержки реальные результаты стихийного инновационного поиска — опыты отдельных предпринимателей, отдельных умельцев в обеспечении энергоэффективности, создания адекватных бездорожью транспортных средств, местные социальные инициативы (например,

опыт детского музея). «Если в городе нет «Макдональдса», это не город,» — говорят молодые северяне⁶ — и такая установка для жизни арктических городов, пожалуй, страшнее самих морозов.

Изменить ситуацию может переоценка ситуации на самом высоком уровне — переоценка роли Арктики как инновационного полигона для страны в целом — места, где возможна и жизнью востребована генерация «всамделишных», непоказных инноваций — и соответствующие усилия по продвижению арктических инноваций и образа Арктики как естественной среды инновационного поиска. В идеале, бренд «опробовано в Арктике» должен в России стать не менее сильным, чем бренд «разработано на предприятии ВПК» — формула, которая в нашей стране используется как гарантия качества продукции.

⁶ Из анкет, собранных автором в школах г. Норильска, 2013. О данном исследовании см.: [New Mobilities ...].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Том 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
- Бурстин Д. Американцы. Т. 1–3. М, 1993.
- Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография. М.: Логос. 2000. 386 с. С. 96–114. — URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/AlterCiv/vasiliev.html>. (дата обращения 03.12.2016).
- Глейзер Э.Л. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. М.: Издательство Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2014. 432 с.
- Джекобс Дж. Экономика городов / под ред. канд. экон. наук О.Н. Лугового. Новосибирск: Культурное наследие, 2008. 294 с.
- Дом в Заполярье [Электронный ресурс] // Юность. 1976. № 7 (июль). — URL: [HTTP://HOW-MUCH.NET/PUBL/Z/DOM_V_ZAPOLJARE/12-1-0-1113](http://HOW-MUCH.NET/PUBL/Z/DOM_V_ZAPOLJARE/12-1-0-1113). (Дата обращения 03.12.2016).
- Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
- Замятина Н. Ю. Открытые арктические горизонты. Рецензия на книгу: Россия в Арктике. Вызовы и перспективы освоения / под ред. М.В. Ремизова. М.: Институт национальной стратегии, Книжный мир, 2015. 384 с. [Электронный ресурс] // Русская Idea: политическая консервативная мысль. 2016. — URL: <http://politconservatism.ru/articles/otkrytye-arkticheskie-gorizonty>. (дата обращения 03.12.2016).
- Паперный В. Культура Два. М.: НЛО, 1996. 384 с.
- Петровская Е.В. Часть света. М.: Ad marginem, 1995. 173 с.
- Пилясов А.Н. Города Российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 4. С. 64–69.
- Пилясов А.Н. Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии. № 141. Проблемы регионального развития России. М.: Издательский дом Кодекс, 2016. С. 503–529
- Пилясов А.Н. Развитие городов-центров — форпостных баз северного фронта // Вестник СВНЦ ДВО РАН, 2016. № 1. С.107–118.
- Роккан С. Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. Научное наследие Стейна Роккана: сборник научных трудов / ред. и сост. М.В. Ильин. М.: ИНИОН РАН, 2006.. № 4. С. 46–72.
- Слабуха А. Зодчие Норильлага («групповой портрет» — из некоторых цифр статистики) / Материалы международной научной конференции «MONUMENTALITÁ & MODERNITÁ. Архитектура и искусство Италии, Германии и России «тоталитарного» периода», С.-Петербург, 30 июня — 2 июля 2010 г. // Капиталь. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://kapitel-spb.ru/article/> (дата обращения 03.12.2016).
- Хан-Магомедов С., Гинсбург М.Я. М.: Стройиздат, 1972. 182 с.
- Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10–22.
- Шубенков М.В., Благодетелева О.М. В поисках градостроительных принципов развития северных поселений // Градостроительство. 2015. № 3 (37). С. 76–81.
- Arctic design group [Электронный ресурс]. — URL: <http://arcticdesigngroup.org/ARCTIC-DESIGN-GROUP>. (Дата последнего просмотра: 03.12.2016).
- Billington R.A. America's Frontier Heritage. Albuquerque: University of New Mexico Press. 1991. 432 p.
- Billington R. A. How the Frontier Shaped the American Character. American Heritage, 1958. 6 p.
- City-region planning for everyday life. Experiences from four Nordic city-regions. NORDREGIO Policy brief. 2015. № 7. — URL: <http://www.nordregio.se/en/Publications/Publications-2015/City-region-planning-for-everyday-life/>. (дата обращения 03.12.2016).
- Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the self-organization of a dissipative system? // Annals of the regional science. 1998. № 32. Pp. 39–62.
- Heleniak T. Changing Settlement Patterns across the Russian North at the Turn of the Millennium // Russia's Northern Regions on the Edge: Communities, Industries and Populations from Murmansk to Magadan / Ed. by M. Tykkylainen and V. Rautio. Kikumora Publications University of Helsinki: Helsinki, Finland, 2008. Pp. 25–52.
- Heleniak T. Growth Poles and Ghost Towns in the Russian Far North // Russia and the North / Ed. by E. Wilson Rowe. University of Ottawa Press: Ottawa, 2009. Pp. 129–163.
- Jull M. G., Cho L. S. Architecture and Urbanism of Arctic Cities: Case Study of Resolute Bay and Norilsk. [Электронный ресурс] / Доклад на конференции: Arctic Urban Sustainability Conference, May 30–31, 2013 (The George Washington University, Washington, DC). — URL: http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/JULL_CHO_%20Architecture%20Urbanism_of%20Arctic%20Cities_FINAL_X.pdf. (дата обращения 03.12.2016).
- New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / Ed. by M. Laruelle. — Routledge Research in Polar Regions. Routledge: London and New York, 2017. 216 p.
- Sustaining Russia's Arctic Cities: Resource Politics, Migration, and Climate Change / Ed. by R. Orttung. Berghahn Books, 2016. 274 p.
- Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History // Annual Report of the American Historical Association for 1893. Washington, D.C. 1893. Pp. 199–227.

ARCTIC URBANIZATION AS A FRONTIER

The article proposes to consider the phenomenon of Arctic urbanization as a frontier, the zone where new technologies and institutions occur. The idea is driven from the classical frontier thesis of American history to the prospects of development of Russian Arctic cities as potential centers of innovation in architecture, life-support technology, institutional arrangements of communities with a large proportion of migrants etc.

Keywords: *frontier, Arctic, cities, urban studies.*

НЕФТЕГАЗОДОБЫЧА РОССИИ: ПУТИ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены основные проблемы нефтегазодобычи в России, связанные с введением международных санкций, снижением стоимости нефти, ограничением иностранного финансирования российских компаний. Установлено, что в настоящее время низкая стоимость нефти на состоянии нефтедобычи критично не отразилась. Секторальные санкции по ограничению использования иностранных технологий повлияли на планы добычи нетрадиционных ресурсов (трудноизвлекаемая, вязкая нефть и т. д.). На объемы добычи газа, в первую очередь, повлияло уменьшение закупок газа, в том числе, российскими потребителями. На основании проведенного исследования автором определены пути дальнейшего развития нефтегазодобычи в России.

Ключевые слова: нефтегазодобыча, углеводородное сырье, инновационное развитие, объемы добычи, шельфовые проекты, нетрадиционные ресурсы.

Нефтегазодобывающая промышленность России, являющаяся крупнейшим элементом мировой системы энергообеспечения, играет существенную роль в экономическом развитии государства [Лаверов и др., 2016, 2015; Эдер и др., 2014]. Так, например, нефтегазовые доходы в общем объеме доходов бюджета России достигают 50 %, доля углеводородов в общем экспорте России более 60 %, велика и доля валютных поступлений (рисунок 1). Анализ

стратегических документов долгосрочного развития Российской Федерации указывает на то, что эта ключевая роль в ближайшее время будет сохраняться. Поэтому все более актуальными становятся исследования направленные на изучение состояния нефтегазодобычи, мониторинг рисков зон, прогноз ее развития, а также поиск путей необходимых для сохранения лидирующего положения в мировой энергетике [Larchenkoetal, 2016].

Рис. 1. Изменение доли нефтегазовых доходов в доходах бюджета Российской Федерации (составлено на основании официальных данных Министерства экономического развития Российской Федерации)

Особую значимость нефтегазодобыча имеет для субъектов Российской Федерации, в которых разрабатываются месторождения нефти, газа и газового конденсата, особенно если это моноспециализированные регионы и остальные сферы хозяйственной деятельности здесь не развиты либо развиты слабо.

Социально-экономическое положение таких регионов полностью зависит от состояния нефтегазовой отрасли. Уровень жизни населения, его занятость, реализация социальных проектов, доходы малого бизнеса, инновационная активность региона во многом зависят от состояния нефтегазодобычи. Состояние объектов

окружающей природной среды во многом определяется действиями предприятий недропользователей [Деттер, 2016].

Например, в Ямало-Ненецком автономно округе добыча полезных ископаемых составляет более 50 %

валового регионального продукта (рисунок 2). И, несмотря на то, что в ЯНАО кроме углеводородного сырья осуществляют добычу хромовых руд, общераспространенных полезных ископаемых и т. д., основной вклад в данную цифру вносит добыча нефти и газа.

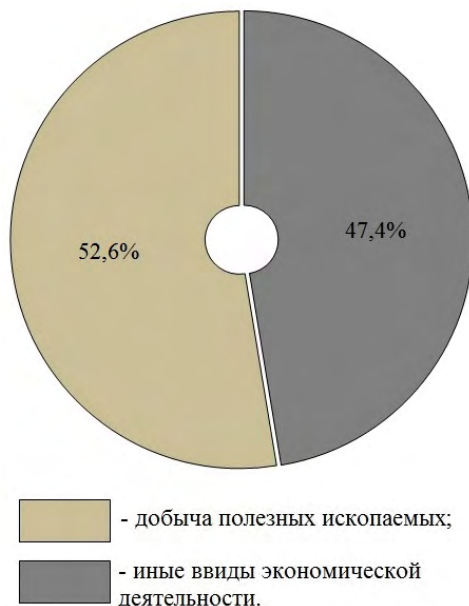

Рис. 2. Доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП ЯНАО, 2013 год (составлено на основании официальных данных Росстата)

В последние годы (2014–2016) развитие нефтегазовой отрасли России происходит при наличии двух факторов, которые невозможно не учитывать. Во-пер-

вых, это низкие цены на углеводороды, во-вторых, это секторальные санкции на поставку определенного типа оборудования и технологий для российской ком-

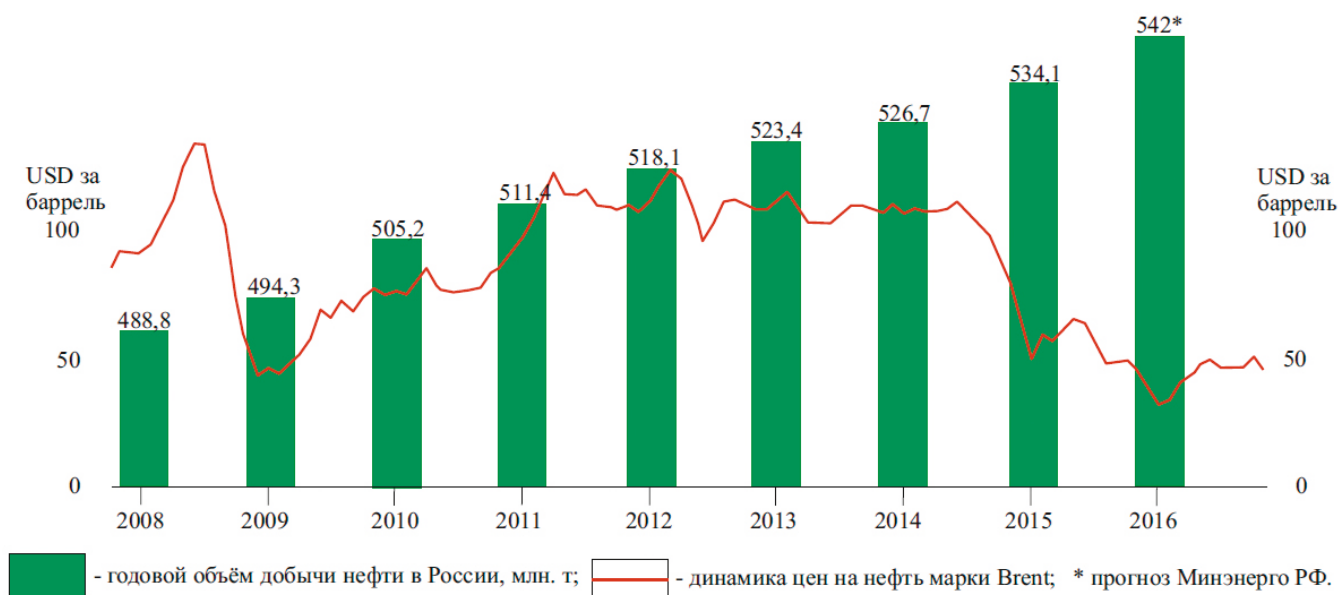

Рис. 3. Динамика добычи нефти в России и цен на нефть марки Brent

паний, а также ограничение иностранного финансирования российских проектов. Однако, несмотря на это Россия продолжает наращивать объемы добычи нефти (рис. 3).

Рост добычи нефти в России обеспечен за счет выхода на проектную мощность новых месторождений Севера европейской части России, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Также положительную динамику дают ме-

сторождения Урало-Поволжья. Здесь прирост добычи явился результатом введения налоговых льгот для старых низкодебетных месторождений, а также применения инновационных методов интенсификации добычи нефти.

В главном нефтегазодобывающем регионе Рос-

сии — Западной Сибири наблюдается прогрессирующее падение объемов добычи нефти, что связано с высокой степенью выработанности запасов легкоизвлекаемой нефти, ухудшением геологических условий разработки месторождений (табл. 1).

Таблица 1

Региональная дифференциация добычи нефти в России
(составлено на основании официальных данных Министерства энергетики Российской Федерации)

	2013	2014	2015
	млн тонн		
Европейская часть России	153,1	155	158,9
Западная Сибирь	315,8	313	311,7
Восточная Сибирь и Дальний Восток	54,6	58,7	63,5

Ранее предполагалось, что падение объемов легкоизвлекаемых запасов нефти должно было компенсироваться разработкой месторождений трудноизвлекаемой нефти, но отсутствие современных рентабельных отечественных технологий и ввод санкций в отношении российских компаний, ограничивающих применение зарубежных технологий, позволяющих добывать нетради-

ционные запасы нефти, не дали возможность это сделать.

В отличие от нефти, объемы добычи которой растут на протяжении многих лет, объемы добычи газа в последние годы падают (рис. 4). Основными факторами, влияющими на снижение добычи газа, являются: 1) снижение закупок газа традиционными импортерами; 2) сокращение внутреннего спроса; 3) отсутствие новых рынков сбыта.

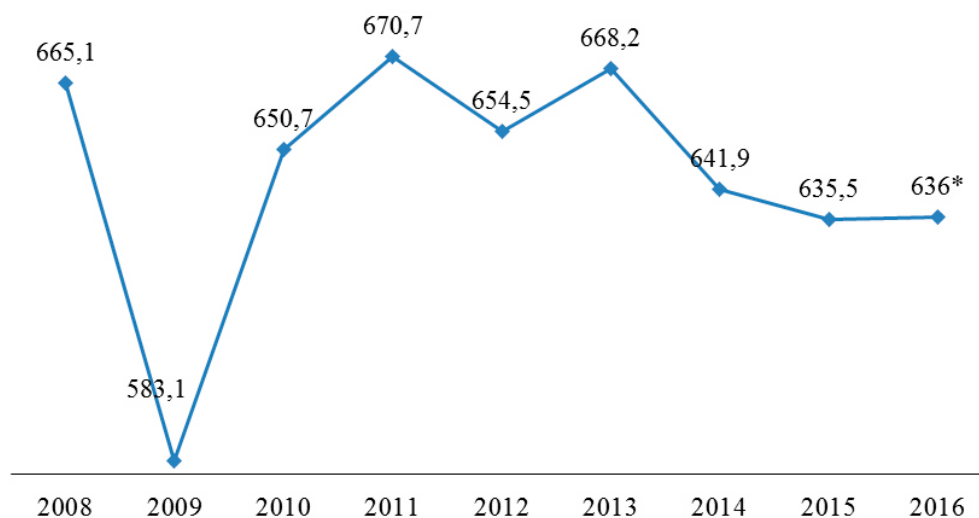

Рис. 4. Объем добычи газа в России, млрд куб. м

Таким образом, если рассматривать риски нефтегазодобычи, связанные с падением цен на углеводороды, то в краткосрочной перспективе снижение стоимости нефти не повлияло на объемы добычи жидких углеводородов, так как на большинстве месторождений России добыча рентабельна при цене менее 50 долларов за баррель [Исаин, 2015]. Более того, разница в курсе рубля и доллара, когда рубль имеет низкую стоимость, а доллар высокую, компенсировала падение стоимости нефти. В результате в рублевом эквиваленте нефтегазовые предприятия свои доходы не потеряли.

Однако в долгосрочной перспективе данная разница может отрицательно сказаться на развитии нефтегазовых проектов. Это связано с тем, что наши компании приобретают зарубежное оборудование, технологии и сервисные услуги в долларовом эквиваленте. В результате стоимость

товара вырастает в разницу курса. В такой ситуации уменьшение долларовых доходов приведет к тому, что нефтегазовые компании не смогут инвестировать в дорогие проекты, в первую очередь в добычу трудноизвлекаемых запасов и разработку арктического шельфа.

В целом, низкие цены на нефть, ограничение иностранного финансирования и секторальные санкции, в первую очередь, будут критичными именно для подобных высоко затратных и требующих специальных технологий и технического обеспечения проектов.

Обобщая вышеизложенное можно сказать, что основными проблемами, с которыми столкнулась современная нефтегазодобыча являются: 1) слабое инновационное развитие и отсутствие отечественных рентабельных технологий и оборудования, необходимых для добычи нетрадиционных трудноизвлекаемых ресурсов; 2) сек-

торальные санкции, ограничивающие импорт технологий и оборудования; 3) низкие цены на углеводородное сырье; 4) снижающие инвестиции в геологоразведку и нефтегазодобычу; 5) ограничения по привлечению иностранного финансирования проектов российских нефтегазовых компаний.

Приоритетными задачами, которые требуют немедленного решения, являются: 1) минимизация спада добычи на традиционных, «зрелых» месторождениях; 2) разработка новых месторождений, находящихся в более сложных геологических условиях, добыча нетрадиционных ресурсов (трудноизвлекаемой нефти, низконапорного газа и т. д.); 3) увеличение товарного производства попутного нефтяного газа.

Основные пути решения задач направленных на сохранение лидирующей роли российской нефтегазодобычи следующие: 1) введение новых рентабельных технологий и методов разработки месторождений; 2) модернизация промышленных мощностей с целью разработки новых месторождений, находящихся в более

сложных геологических условиях; 3) перевод нефтегазовой отрасли на инновационные пути развития и управления для снижения издержек, увеличения окупаемости, принятия более быстрых, взвешенных решений на существующие вызовы; 4) увеличение объемов геологоразведочных работ; 5) строительство перерабатывающих заводов, применяющих современные технологии, обеспечивающие высокие стандарты продуктов переработки; 6) мониторинг рисков зон как внутри отрасли, так и в складывающейся конъюнктуре рынков углеводородов и геополитическом положении государства.

Также необходимо понимать, что для того чтобы обеспечить потребности российской нефтегазодобычи за счет отечественных ресурсов от иных отраслей российского народного хозяйства, требуется соответствующее научное обеспечение, материально-техническая база, квалифицированные специалисты. Реализация предложенных путей станет толчком для развития иных промышленных отраслей, научной и образовательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. О принципах проектирования региональных инновационных экосистем // Инновации. 2016. № 1 (207). С. 70–78.

Исаин Н.В. О себестоимости нефти и газа в России [Электронный ресурс] // Академия энергетики. 2015. № 2. — URL: <http://www.energoacademy.ru/index> (дата обращения 24.10.2015).

Лаверов Н.П., Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Углеводороды Арктической зоны Российской Федерации в мировой нефтегазовой индустрии // Арктические ведомости. 2015. № 3 (14). С. 46–53.

Лаверов Н.П., Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Фундаментальные аспекты рационального освоения ресурсов нефти и газа Арктики и шельфа России:

стратегия, перспективы и проблемы // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 4–13.

Эдер Л.В., Филимонова И.В., Проворнова И.В., Немов В.Ю. Основные проблемы инновационного развития нефтегазовой отрасли в области добычи нефти и газа [Электронный ресурс] // Бурение и нефть. 2014. № 4. — URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2015-03/3> (дата обращения 24.04.2015).

Larchenko L.V., Kolesnikov R.A., Tumanova G.P., Kibenko V.A. Economic Problems of Exploring Hydrocarbons in Russian Northern Provinces in the Context of International Interests // International Journal of Energy Economics and Policy, 2016. 6(3). Pp. 529–536.

OIL AND GAS PRODUCTION IN RUSSIA: WAYS OF DEVELOPMENT

The article discusses the basic problems of oil and gas production in Russia associated with the introduction of international sanctions, decrease in oil prices and limitation of foreign funding of Russian companies. It was found that the current low price of oil had not critically affected the oil production. Sectoral sanctions imposed to restrict the use of foreign technology had affected the plans for production of unconventional resources (viscous oil, etc.). Volumes of gas production were primarily affected by the decrease purchases of gas, including purchases by Russian consumers. On the basis of the research the author defined the ways of further development of oil and gas production in Russia.

Keywords: oil and gas production, hydrocarbon raw materials, innovative development, production volumes, shelf projects, unconventional resources.

ЯМАЛ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

В статье рассматривается геополитический и геоэкономический потенциал Ямала, параметры которого на протяжении столетий обеспечивали экономическую безопасность России, и по сей день являются надежным гарантом устойчивого развития в будущем. В то же время усиление хозяйственной деятельности в Арктике, включая добычу и транспортировку нефти по Северному морскому пути, может усилить процесс сползания человечества в пропасть экологической катастрофы, если не будут приняты серьезные программы по созданию арктических экологически безопасных технологий. Арктика может оказать решающее воздействие на переход человечества к модели устойчивого развития и, наоборот, на наступление глобальной экологической катастрофы. Поэтому главным богатством Арктики является не накопленное материально-техническое богатство, а сохраненные ресурсы природы и культурно-образовательный уровень людей, живущих в гармонии с этой природой.

Ключевые слова: Арктика, Ямал, Северный морской путь, мегапроекты, экология, климатическая стратегия, природоподобные технологии, инновационная система, человеческий капитал.

Существует мнение, что нынешнее столетие станет «веком Арктики». Именно Арктика будет определять вектор геополитического и экономического развития планеты, поскольку на ее территории сосредоточены колоссальные энергетические и биологические ресурсы. Через высокие широты планеты проходят стратегические транспортные артерии, в развитии которых заинтересованы все Полярные государства и морские страны мира [Конышев, Сергунин].

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО, Ямал) занимает примерно пятую часть Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), являясь ее центральным звеном. На западе он ограничен горами Полярного Урала, на Севере Карским морем, что делает его приморским регионом. Речная сеть ЯНАО, в основе которой мощная межрегиональная водная артерия река Обь, объединяемая Обской губой, соединяет континентальные территории Ямала с приморскими и образует единый выход к Карскому морю. Географическое положение Ямала, обеспеченность значительными запасами углеводородов служит основанием для формирования в прибрежной зоне Ямала крупного морского кластера, включающего в себя как источники грузопотоков, так и объекты инфраструктуры обслуживания грузопотоков, транзитных, направляемых по Северному морскому пути (СМП) между портами Европы, Восточного побережья Северной Америки и Азии, и внутренних, приходящих по водным и сухопутным путям. Развитие транспортно-логистического кластера будет содействовать оживлению движения по СМП, реализации транзитного потенциала Арктики и геополитического потенциала ЯНАО.

Ямал имеет очень древнюю историю и оказывает значительное воздействие на становление российского

государства. Древние археологические памятники свидетельствуют, что его заселение происходило около десяти тысяч лет назад. Первые упоминания о жителях и культуре в русских источниках относятся к XII веку [История Ямала, 2010. Т. 1. Кн. 1. С. 185]. Уже тогда Ямал славился своими богатствами — мехами, мамонтовой костью и моржовыми клыками. Первое промышленное освоение Ямала происходило в XVI–XVII вв. купцами и промышленниками, осуществляющими заготовку пушнины, морского зверя и рыбы, рудоискательские экспедиции занимались поиском месторождений меди, серебра и золота [История Ямала, 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 104]. С движением промышленников на восток формировался Мангазейский морской ход, прообраз СМП (отустья Северной Двины через пролив Югорский Шар к полуострову Ямал и по рекам Мутной и Зеленой в Обскую губу, далее по реке Тази волоком на реку Турухан, приток Енисея).

В 1595 г. казаки и стрельцы в месте впадения реки Полуй в Обь построили острог, получивший название Обдорский городок и ставший позднее центром Обдорского княжества. Теперь это Салехард — столица Ямало-Ненецкого автономного округа. Спустя шесть лет был заложен острог на реке Таз. Златокипящей Мангазеей называли его за богатейший пушной промысел и доходы, которыми город пополнял государственную казну. «Основами процветания города и особого к нему отношения были выгодное географическое положение на путях из Московии в Сибирь и, главное, — богатейший пушной промысел. Отсюда уходили отряды промышленников для обследования новых земель на Таймыре и в низовьях Енисея, ими была открыта Якутия и составлена первая карта реки Лена. Торговые связи города далеко выходили за пределы России: через по-

морские города он был связан с крупными компаниями Западной Европы». В Мангазеи впервые были разработаны технологии строительства на вечной мерзлоте, осуществлялось литейное производство. Из Мангазеи ежегодно вывозилось от 100 до 150 тыс. шкур мягкой рухляди (соболи, песцы, лисицы, бобры), что составляло до 20 % доходов государственной казны. В результате ряда мер регулирования хозяйственной деятельности со стороны государства и нерационального природопользования со стороны предпринимателей, уже во второй половине XVII в. торговля не приносила прежних доходов, город стал пустеть, торговые пути сместились в Обдорск, на Енисей и Лену [Финнов].

Четыре столетия Ямал оставался регионом традиционного природопользования. Условия для нового витка экономического развития сформировались во второй половине XX в. с приходом геологов, открытием и последующей разработкой нефтегазовых месторождений, что связано, в первую очередь, со сменой технологических способов производства и возрастающим спросом на энергетические ресурсы, во-вторых, природно-геологическими и техническими возможностями для удовлетворения

этого спроса за счет месторождений Ямала. С приходом геологов и последующей разработкой месторождений газа и нефти начинается современный этап промышленного освоения Ямала. 27 сентября 1962 г. из Тазовской опорной скважины, находящейся недалеко от древнего города Мангазея, ударил первый газовый фонтан.

Сегодня Ямал называют энергетическим сердцем России. Мировая экономическая значимость Ямала обусловлена уникальными запасами полезных ископаемых, которые поставляются в 21 европейскую страну, главным образом, нефти и газа, которых за пять десятилетий извлечено всего 11 % из того, что хранят недра Ямала.

Ямало-Ненецкий автономный округ занимает особое место среди регионов, входящих в Арктическую зону Российской Федерации, как один из наиболее населенных, обширных и богатых ресурсами. Масштабы развития индустрии и социальной сферы не имеют аналогов в мире. Он же является наиболее экономически развитым. Показатели валового регионального продукта, промышленного производства и инвестиций на Ямале высоки и сопоставимы с остальными семью арктическими территориями России (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные показатели арктических регионов России [Росстат]

Показатели (2014)	ЯНАО	Мурманская обл., Ненецкий и Чукотский АО, арктические территории Архангельской обл., Республики Коми, Республики (Саха) Якутия, Красноярского края
Численность населения (тыс. чел.)	540	1768
ВРП (млрд руб.)	1612	1394
Промышленное производство (млрд руб.)	1147	1067
Инвестиции (млрд руб.)	716	773

Объем валового регионального продукта имеет хорошую динамику роста и в 2015 г. составил 1,78 триллионов рублей. В расчете на душу населения — это 3,3 миллиона рублей. По данному показателю Ямал много лет уверенно держит лидирующую позицию среди арктических регионов и сохраняет второе место по России. Экономическое развитие ЯНАО в настоящее время основано на огромных запасах углеводородного сырья и мощном топливно-энергетическом комплексе, развернутом на территории региона. Сегодня на долю Ямала приходится 80 % от общего объема добычи природного газа в России (20% от объема мировой добычи) и 8 % жидких углеводородов [Доклад о социально-экономической ситуации ...].

В ЯНАО реализуются крупнейшие инвестиционные проекты, способные в корне изменить экономику российского Севера. Все они объединены Программой комплексного освоения месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа и севера Красноярского края. В данную Программу входят три промышленных зоны: Бованенковская — валовая добыча газа по которым оценивается в 217 млрд м³/год; Тамбейская — в совокупности может ежегодно обеспечить производство около 65 млрд м³ природного газа; Южная — добыча нефти с максималь-

ным годовым уровнем добычи в 7 млн тонн и газа 30 млрд м³/год [14]. Потребление арктического природного газа может достичь 2,5–3 % от общемирового, а 15 % российской нефти к 2035 г. будет добываться на шельфе.

Важнейшим стратегическим инфраструктурным проектом и хорошим примером международного сотрудничества в сфере бизнеса, раскрывающим геополитический потенциал ЯНАО, является «Ямал СПГ». Акционеры компании — независимый российский производитель природного газа «НОВАТЭК», французский Total и китайский CNPC на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения строят завод по производству сжиженного газа мощностью около 16,5 млн тонн. Первая линия будет введена в эксплуатацию уже в 2017 г. Вторая и третья — 2018 и 2019 гг. [Интернет-портал «Ямал СПГ»].

Помимо добычи и переработки проект Ямал СПГ включает строительство транспортной инфраструктуры для сообщения с внешним миром и отправки сжиженного природного газа морем конечным покупателям. С февраля 2015 г. принимает регулярные авиарейсы уникальный арктический аэропорт Сабетта. Продолжается строительство одноименного многофункционального порта, который станет ключевым элементом морской транспортной инфраструктуры ЯНАО. Порт «Сабетта» обеспечит кругло-

годовую навигацию по СМП как основному, а главное, наиболее оптимальному с точки зрения экономики каналу поставок энергоресурсов в страны Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Строительство порта способствует развитию ледокольного флота России. В июне 2016 г. состоялся торжественный спуск на воду мощнейшего в мире ледокола «Арктика», который будет участвовать в вывозе сжиженного природного газа с Ямала. В целом для реализации проекта потребуется строительство до 20 танкеров ледокольного класса вместимостью 140–160 тыс. м³, круглогодичное использование которых должны обеспечить четыре ледокола.

Загрузку СМП и потребность в новых танкерах и атомном флоте будет обеспечивать еще один масштабный проект в области добычи и транспортировки углеводородов, запуск которого состоялся в июне 2016 г. [Интернет-портал «Газпром нефть»]. Арктический терминал для отгрузки нефти за Полярным кругом «Ворота Арктики» расположен в районе Новопортовского месторождения на полуострове Ямал и рассчитан на работу в экстремальных природно-климатических условиях. Температура в этом районе может опускаться ниже 50 градусов, толщина льда — превышать 2 метра. Мощность терминала — 8,5 млн тонн нефти в год. В настоящее время в транспортировке задействовано одно плавучее нефтехранилище, четыре танкера, два ледокола, два судна обеспечения и одно — аварийно-спасательное. В связи с удаленностью месторождения от транспортной трубопроводной инфраструктуры, морской терминал стал для компании «Газпромнефть» наиболее оптимальным способом отправки углеводородов конечным покупателям с точки зрения сроков доставки и экономики проекта.

Согласно данным Госкомиссии по вопросам развития Арктики, на Ямале будет реализовано 36 из 56 стратегически важных российских проектов по добыче и переработке полезных ископаемых в Арктике [Протокол от марта 2016 г.]. Общий инвестиционный потенциал проектов, реализуемых в топливно-энергетическом комплексе на территории ЯНАО до 2020 г., оценивается почти в 8 трлн руб. Реализация проектов поддерживает положительную динамику инвестиций в экономику Ямала, которые в 2015 г. составили 783 млрд руб. Более отдаленные планы по освоению ресурсов полуострова Ямал связаны с шельфом Карского моря (после 2025 г.), где только на двух месторождениях — Ленинградском и Русановском — находятся запасы около 2,0 трлн м³ голубого топлива, и акваториями Обской и Тазовской губ [Стратегия социально-экономического развития ...].

Развитие судоходства по СМП создает плодотворную почву для взаимовыгодного сотрудничества в экономических, технологических и гуманитарных направлениях с арктическими регионами России и странами мира, что является мощным источником экономического роста и развития, реализации проектов по охране окружающей среды, развитию коренных малочисленных народов Севера, совершенствованию международного и национального законодательства по Арктике.

Значимым региональным инфраструктурным проектом, направленным на развитие арктических перевозок является Северный широтный ход. Проект предусматривает создание новой железнодорожной магистрали (Обская — Салехард — Надым — Пангоды — Новый Уренгой — Коротчаево) со строительством совмещенного мостового перехода через реку Обь в районе столицы округа — Салехарда, строительство железнодорожной линии и автомобильной дороги Салехард — Надым, строительство мостового перехода через реку Надым, модернизацию железнодорожного участка Надым — Коротчаево. Автомобильный мост через реку Надым введен в эксплуатацию в 2015 г., автодорога закончена на протяжении 115 км. Северный широтный ход позволит обеспечить связь между Северной железной дорогой и Свердловской железной дорогой, а впоследствии связать их с железной дорогой Обская — Бованенково, протяженностью 169,5 км, которую планируется построить в ближайшее десятилетие. Эта дорога будет являться продолжением Северного широтного хода и через порт Сабетта свяжет сеть российских железных дорог, в частности Транссибирскую магистраль с ее обрабатывающей промышленностью и аграрными базами с Северным морским путем [Там же].

На континентальной территории ЯНАО интенсивно развиваются масштабные транспортные инфраструктурные коммуникации: магистральный нефтепровод Заполярье — Пурпе — Саяногорск, магистральный газопровод Бованенково — Ухта. Осуществлен ввод в промышленную эксплуатацию продуктопровода для транспортировки широкой фракции легких углеводородов «Пуровский ЗПК — Южно-Балыкский ГПК — «Тобольск-Нефтехим». Строительство трубопроводов позволяет увеличить объемы добычи газа и нефти на ряде новых месторождений полуостровов Ямал и Гыдан. В перспективе трубопроводы Пурпе — Саяногорск и Заполярье — Пурпе станут единой системой с общей пропускной способностью в 70 млн т/год. [Доклад о социально-экономической ситуации ...].

Устойчивый экономический рост в базовом секторе создает условия для дальнейшего развития на территории региона других конкурентоспособных видов экономической деятельности, таких как геология, геофизика, сервис нефтегазодобычи, нефте и газохимия, способных диверсифицировать монопрофильный характер экономики Ямала, содействовать возникновению малых и средних предприятий в топливно-энергетическом комплексе.

Большие надежды возлагаются на создание в ЯНАО газохимического комплекса. Новоуренгойский газохимический комплекс будет перерабатывать этансодержащий газ, который является побочным продуктом, получаемым в результате дегидратации газового конденсата. Мощность предприятия по переработке сырья должна составить более 800 тыс. т/год, при этом на заводе ежегодно планируется производить до 400 тыс. тонн полиэтилена с возможностью увеличения до 1,2 млн тонн. На базе комплекса предполагается создание газохимического кластера с привлечением высокотехнологичного

малого бизнеса для производства упаковочных материалов, предметов бытового обихода из полиэтилена. В целях развития газохимического комплекса разработан проект создания на базе газовых месторождений полуострова Ямал, в районе Нейтинской группы месторождений, Ямальского завода по производству карбамида мощностью до бмлн тонн готового сырья в год [Стратегия социально-экономического развития ...].

Бурное развитие промышленности в ЯНАО является поводом для беспокойства по сохранению хрупкой экосистемы Арктики. Число экологических вызовов, характерных практически для всех северных территорий, нарастает [Российская Арктика ..., 1996]. Это загрязнение северных морей нефтепродуктами и тяжелыми металлами, сокращение популяции арктических животных и изменение их среды обитания, потепление климата, сокращение арктических льдов, деградация и изменение границ вечной мерзлоты, эмиссия метана болот и мелководной части северных морей. Все это неизбежно приводит к нарушению сложившегося баланса в природной среде с вытекающими последствиями для человека и условий хозяйствования в Арктике [Лукин, 2013].

Данные проблемы в полной мере ощущает на себе Ямало-Ненецкий автономный округ. 2016 г. был наиболее теплым и засушливым, средняя температура июля превысила норму на 3–4 градуса. Это спровоцировало более 500 природных пожаров. Аномальная жара названа специалистами одной из основных причин вспышки сибирской язвы на Ямале, случившейся впервые за 75 лет. Потепление и деградация вечной мерзлоты является одним из источников возникновения риска чрезвычайных ситуаций и аномальных природных явлений.

Эффективное и безопасное освоение природных ресурсов Арктики, научное сопровождение и строгое соблюдение экологических норм при реализации индустриальных и инфраструктурных проектов становится важнейшей задачей общества, власти и бизнеса. Каждый шаг должен быть подкреплен научными знаниями и прорывными технологиями.

Поэтому важнейшим направлением экологической политики в ЯНАО должна стать разработка и реализация климатической стратегии предполагающей мероприятия по изучению (мониторингу) климатических и экологических процессов, мероприятия по адаптации к изменениям в природе и экологии, а также меры по снижению давления на климат и компенсацию накопленного экологического ущерба. В частности, развитие нефтегазовой отрасли должно сопровождаться программами по утилизации и переработки попутного нефтяного газов. Уже реализованный комплекс мер по переработке попутного нефтяного газа обеспечил рост его полезного использования с 76 % в 2011 г. до 94 % в 2015 г. За счет реализации мероприятий по энергосбережению, выполняемых предприятиями топливно-энергетического комплекса, энергоёмкость валового регионального продукта в ЯНАО снизилась в 2015 г. на 28 % по сравнению с 2011 г. и стала на 34 % ниже относительно среднего уровня по стране [Доклад о социально-экономической ситуации ...].

Реализуемая в ЯНАО Программа по созданию научно исследовательских стационаров, заявленная в 2016 г. на научно-практической конференции «Обдорья: история, культура, современность», гармонично вольется в систему мероприятий климатической стратегии. Уже сейчас на полуострове Гыдан и в южной части полуострова Ямал, в Надымском районе работают научные стационары, оборудованные жилым и рабочим модулями, оргтехникой и спутниковой связью. Экологическим мониторингом должны быть охвачены территории, где уже ведется промышленное освоение и где оно только предстоит.

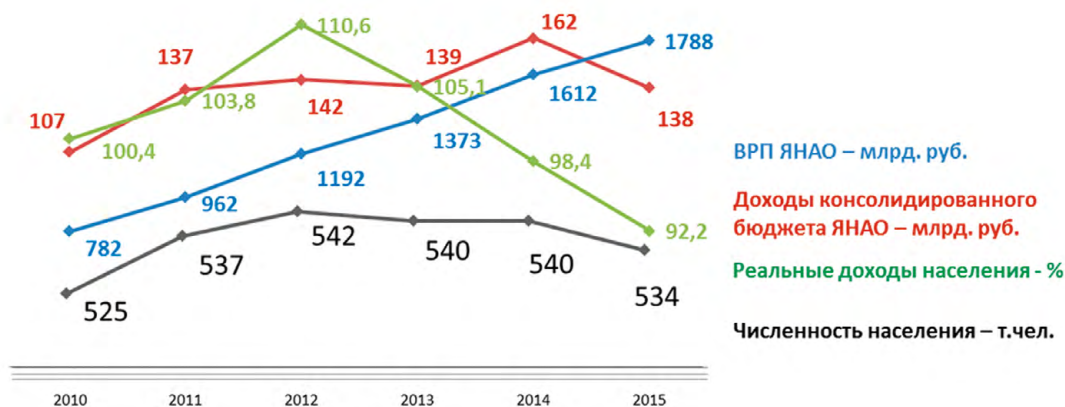
Государственная политика, направленная на охрану окружающей среды и сохранение разнообразия биологических ресурсов, должна обеспечить переход к экологизации всех технологических процессов и новый тип отношений в системе человек — природа, исключающий разрушение и деградацию природной среды.

Ориентированность на сосуществование и соразвитие человека и природы диктует неизбежность перехода к генерации и практическому применению природоподобных технологий. С политической трибуны впервые громко о природоподобных технологиях заявил Президент Российской Федерации Владимир Путин в ходе 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он предложил внедрять принципиально новые природоподобные технологии, которые не наносят урон окружающему миру, а сосуществуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой [Природно-ресурсные ведомости].

Это же касается сохранения традиционной хозяйственной деятельности и культуры коренных малочисленных народов Севера. Ямало-Ненецкий автономный округ прилагает много усилий и ресурсов для сохранения традиционного образа жизни и хозяйствования коренных малочисленных народов Севера. Благодаря этносохраняющей политике численность аборигенного населения за последние 10 лет выросла на 11 %. Порядка 17 тысяч человек продолжают вести кочевой образ жизни, выпасая более семисот тысяч домашних оленей. С учетом последних экологических и климатических вызовов в ЯНАО, назрел вопрос о регулировании поголовья в муниципальных и частных хозяйствах и смещении приоритетов на глубокую безотходную переработку продукции оленеводства, созданию новых товарных цепочек, совершенствованию продуктивных качеств домашних животных, развитию пищевой промышленности, освоению новых рынков сбыта. Ответить на новые вызовы должна концепция устойчивого развития оленеводства, разработка которой инициирована Правительством ЯНАО.

Последствия перехода к рыночному регулированию экономических процессов в арктических регионах оказали негативное влияние на общественные отношения в регионе. Поэтому, несмотря на экономическое сильное положение ЯНАО, относительно других арктических территорий, используемая в регионе социально-экономическая модель перестала отвечать запросам общества и спровоцировала отток населения (диагр.1).

Социально-экономические показатели ЯНАО [Росстат]

Основными факторами снижения эффективности рыночной модели хозяйствования, повлекшими снижение реальных доходов населения, качества и привлекательности жизни в регионе, стали: консервация технологического уклада, ориентированного на добычу и транспортировку углеводородного сырья, неразвитость высокотехнологичных производств; нерентабельность традиционных видов деятельности; частичная реализация конъюнктурных, технологических и климатических рисков; исключение местного бизнеса и населения из товарно-денежных потоков нефтегазового комплекса, смещение в пользу использования межрегиональной вахты; стабилизация доходов бюджета, в связи с чем недостаточность бюджетных инвестиций в развитие инфраструктуры, человека и сохранение экосистем.

Экономический потенциал развития ЯНАО значителен, но он сдерживается недостатком современных технологий. Ямал первым из арктических регионов России системно подошел к развитию инновационной деятельности на своей территории. Создана инновационная инфраструктура, в которую вошли инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы и иные объекты инновационной инфраструктуры в городах округа [Глухов, 2015]. Научная и инновационная сферы Ямала открыты для взаимодействия и проведения совместных научных исследований, разработке и внедрению новых технологий, организации межрегиональных и международных конференций с участием ведущих ученых и специалистов в области изучения и освоения высоких широт. Дальнейшее развитие инновационной деятельности должно основываться на генерации и внедрении инновационных проектов в социальной и производственной сферах, основанных на природоподобных технологиях.

В современных моделях экономического развития творчество, инновации и рынки являются ключом к достижению высокого уровня и качества жизни населе-

ния. Исследования показывают, что управление эволюцией экономических моделей от ресурсной к ресурсно-инновационной и далее к инновационной социально-ориентированной является решаемой задачей при соответствующей экономической политике региона. Стратегия проведения экономической политики, обеспечивающая эволюцию экономических моделей, представляет собой последовательность, начинающуюся с целенаправленной политики региональных властей, ориентированной на накопление интеллектуального и технологического капитала, способностей по созданию инноваций, следствием чего является повышение эффективности инновационной системы и систем управления регионом, что дает импульс к экономическому развитию, основанному на новых знаниях и технологиях [Деттер, 2016]. В этом случае действующие факторы экономического развития арктических регионов (налоговое законодательство, региональные программы ТЭК, региональная вахта) дополняются новыми, в т. ч. освоением внутреннего рынка товаров (работ, услуг) местными производителями; субконтракция с ТЭК в технологичных сферах; выход на внешние рынки; регионализация активов ТЭК; смена концепции проживания в регионе.

Значительные успехи экономического развития ЯНАО в прошлом во многом были обусловлены качественным человеческим капиталом — людьми, освоившими эту огромную территорию, научившимися жить и работать в суровых природно-климатических условиях. Формирование нового экономического цикла, базирующегося на шестом технологическом укладе,кратно повышает значимость человека как фактора устойчивого развития территории. С осознанием данного факта должна формироваться социальная и образовательная политика Ямала на долгосрочную перспективу. Принцип человеческого измерения Арктики остается актуальным и для XXI в.

Молодое поколение ямальцев является стратегическим ресурсом региона. В округе обучается порядка 70 тыс. школьников, количество выпускников ежегодно составляет 5–6 тыс. человек. Задачи по созданию социально-экономических, культурно-духовных и правовых условий для повышения уровня знаний и компетенций молодого поколения, свободного развития личности и встраивания в экономику ЯНАО должны рассматриваться как критические для достижения стратегической цели региона — обеспечение устойчивого экономического развития Ямала. В то же время высшие школы распределены по территории арктической зоны России крайне неравномерно. Реформы Министерства образования и науки РФ привели к тому, что в ЯНАО осталось только три филиала федеральных вузов, что является причиной миграции молодого поколения и последующего закрепления их в местах получения образования. Поэтому в целях реализации политики развития человеческого капитала существует объективная необходимость организации партнерства гражданского общества, власти и бизнеса для созда-

ния региональной высшей школы ориентированной на адресную подготовку специалистов для работы в промышленном секторе и социальной сфере.

Разработка и реализация арктических мегапроектов (добыча, переработка и транспортировка сырья, транспортная и военная инфраструктура), их экономический и технологический потенциал, предоставляют возможности для запуска процессов инновационного развития в Ямало-Ненецком автономном округе на новом экономическом и технологическом уровне. Для этого реализация новых мегапроектов должна осуществляться с привлечением научно-образовательного и инновационного потенциала Ямала. Только так Ямал сможет стать генератором арктических природоподобных технологий, а не только их потребителем. Новые технологии и высокий уровень человеческого капитала позволят сохранить экологический баланс и поддержать экономический рост, который будет сопровождаться ростом благосостояния населения, уровнем и качеством жизни, а в целом обеспечит устойчивое развитие региона в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глухов В.В., Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. Создание региональной инновационной системы в условиях Арктической зоны Российской Федерации: проектирование и опыт реализации. *Инновации*. 2015. № 5 (199). С. 86–98.
- Деттер Г.Ф. Проблемы и перспективы экономического развития Арктической зоны Российской Федерации в современных геополитических реалиях / *Ямальский вестник*, № 1, 2016.
- Доклад о социально-экономической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе за 2015 год. — URL: http://de.gov.yanao.ru/doc/soc_eco/doklady/2015/doclad_ser_2015.pdf (дата обращения 12.12.2016).
- Интернет-портал «Газпром нефть». — URL: <http://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/1113215/> (дата обращения 12.12.2016).
- Интернет-портал «Ямал СПГ». — URL: <http://yamalng.ru/> (дата обращения 12.12.2016).
- История Ямала: в 2-х томах / под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Том I: Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы / под ред. Н.В. Федоровой, А.П. Зенько и др. 416 с.: ил.
- История Ямала: в 2-х томах / под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010. Том I: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация/ под ред. И.В. Побережникова и др. 324 с.
- Коньшев В., Сергунин А. Впереди «Арктическое столетие»? Российский совет по международным делам. — URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=909#top-content (дата обращения 12.12.2016).
- Лукин Ю.Ф. «Горячие точки» российской Арктики. Арктика и Север. 2013. № 11. С. 4–38.
- Природно ресурсные ведомости. № 8–9 (419–420) август-сентябрь 2015 г. — URL: http://www.geogr.msu.ru/upload/news/PRV_2015_8_9.pdf (дата обращения 12.12.2016).
- Протокол от 9 марта 2016 г. № 1 заседания президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики.
- Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Статистический сборник.
- Российская Арктика: на пороге катастрофы. Богословская Л.С., Брускина И.М., Вильчек Г.Е., Власов М.Н., Глазовский А.Ф., Груза Г.В., Евсеев А.В., Зотова Л.И., Калякин В.Н., Красилов Г.А. и др. Москва, 1996.
- Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года, утверждена Постановлением Законодательным собранием Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 декабря 2011 г. № 839.
- Финнов М. Судьба «златокипящей земли» Мангазеи. — URL: http://www.plam.ru/hist/pokorenie_sibiri_ot_ermaka_do_beringa/p18.php (дата обращения 12.12.2016).

YAMAL: PAST, PRESENT AND FUTURE

The article discusses the geopolitical and geo-economic potential of Yamal. Its parameters have provided economic security of Russia for centuries, and to this day they are a reliable guarantee for sustainable development in future. At the same time strengthening of economic activity in the Arctic, including the extraction and transportation of oil via the Northern Sea Route, can enhance the process of slipping into the abyss of ecological catastrophe unless serious programs of creation of the Arctic eco-friendly technologies will be accepted. The Arctic may have a decisive influence on the transition of mankind to a model of sustainable development and, conversely, on the beginning of a global environmental catastrophe. Therefore, the main wealth of the Arctic is not the accumulation of material and technical wealth, but preservation of natural resources and cultural and educational level of the people living in harmony with nature.

Keywords: *the Arctic, Yamal, the Northern Sea Route, mega-projects, ecology, climate strategy, nature-like technologies, innovation system, human capital.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЯНАО	— Ямало-Ненецкий автономный округ
ГКУ ЯНАО	— Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
ВРП	— Валовой региональный продукт
УрО РАН	— Уральское отделение Российской академии наук
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
ИИиАУрО РАН	— Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ГАОУ ДПО ЯНАО «РИРО»	— Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный институт развития образования»
ЮНЕСКО	— Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
МВК	— Музейно-выставочный комплекс
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
СНК СССР	— Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
ЦК ВКП (б)	— Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).
ГАХМАО	— Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа
ГА ЯНАО	— Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАТюМО	— Государственный архив Тюменской области
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ГАСПИТО	— Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
ГАОПОТО	— Государственный архив общественно-политических организаций Тульской области
ЦМЖТ	— Центральный музей железнодорожного транспорта
МПС	— Министерство путей сообщения
ЗСНГК	— Западно-сибирский нефтегазовый комплекс
ГАОПОТО	— Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области
МАУ НиНР	— Муниципальное архивное учреждение г. Надыма и Надымского района
ОАО	— Открытое акционерное общество
ЦМЖТ МПС РФ	— Центральный музей железнодорожного транспорта Министерства путей сообщения Российской Федерации
ГБУТО ГА в Тобольске	— Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГРЭС	— Государственная районная электрическая станция
ТЭЦ	— Теплоэлектроцентраль
ГЭС	— Гидроэлектростанция
ЛЭП	— Линия электропередачи
ПРТЭЦ	— Пускорезервная теплоэлектроцентраль
АОАНР	— Архивный отдел Администрации Нижневартовско-го района
СОПС	— Совет по изучению производительных сил
ИНИОН РАН	— Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
СПГ	— Сжиженный природный газ
ТЭК	— Топливо энергетический комплекс
СМП	— Северный морской путь
АЗРФ	— Арктическая зона Российской Федерации
ОДЦП	— Окружная долгосрочная целевая программа

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ:

- Возелова Любовь Геннадьевна** — младший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: lvozelova@mail.ru
- Гайнбихнер Татьяна Николаевна** — к. п. н., научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»
- Галеева Наиля Фазыловна** — старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения «МВК», г. Салехард, e-mail: 13nelia31@mail.ru
- Гриценко Вадим Николаевич** — главный научный сотрудник сектора политической географии отдела регионоведения Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Надым, e-mail: grivna-1958@mail.ru
- Гусев Александр Васильевич** — младший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: Gusev962@mail.ru
- Гусев Андрей Васильевич** — старший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард
- Данченко Евгений Михайлович** — к. и. н., доцент, заместитель директора по научной части Государственного бюджетного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского» по научной деятельности, e-mail: danchenko-yamal@yandex.ru
- Деттер Геннадий Филиппович** — главный научный сотрудник, начальник отдела регионоведения Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», e-mail: detter@mail.ru
- Егоренков Дмитрий Анатольевич** — к. полит. н., учитель истории и обществознания, г. Лабытнанги, e-mail: egorenkovda@mail.ru
- Замятина Надежда Юрьевна** — к. г. н., географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в. н. с. СОПС-ВАНТ, зам. директора Центра экономики Севера и Арктики, e-mail: nadezam@yandex.ru
- Иванов Александр Сергеевич** — к. и. н., доцент кафедры Естественных и гуманитарных дисциплин Сургутского института нефти и газа (филиала) Тюменского промышленного университета, старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета, г. Сургут, e-mail: 88d@bk.ru
- Козельчук Татьяна Валентиновна** — к. и. н., доцент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Курганский государственный университет», г. Курган
- Колесников Роман Александрович** — к. г. н., в. н. с., зав. сектором экономической географии Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: roman387@mail.ru
- Константинова Татьяна Сергеевна** — научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», e-mail: tatiana_konst@mail.ru

- Мантикова Эльмира Курмангазиевна** — преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии Сургутского государственного университета, г. Сургут, e-mail: ehmantikova@yandex.ru
- Маркин Валерий Васильевич** — д. соц. н., руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии, г. Москва, e-mail: markin@isras.ru
- Медведев Михаил Владимирович** — Юрист общества с ограниченной ответственностью «Научно-производственное объединение «Собский рыбоводный завод», г. Салехард, e-mail: mmv@harfish.r
- Паршуков Виктор Григорьевич** — к. п. н., директор Государственного автономного учреждения дополнительного профессионального образования Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный институт развития образования»
- Плеханов Андрей Владимирович** — старший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: andrei_plehanov@mail.ru
- Рябкова Ольга Викторовна** — младший научный сотрудник сектора политической географии отдела регионоведения Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»
- Силин Анатолий Николаевич** — д. соц. н., профессор Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, e-mail: sm-2004@rambler.ru
- Соломина Лилиана Васильевна** — к. и. н., г. Салехард, e-mail: VaSol@bk.ru
- Стась Игорь Николаевич** — к. и. н., старший преподаватель Сургутского государственного университета, г. Сургут, e-mail: igor.stas@mail.ru
- Сэрпиво Стэлла Евгеньевна** — младший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: stella_serpivo@mail.ru
- Тупахин Даниил Сергеевич** — младший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: dantupahin@gmail.com
- Тупахина Ольга Сергеевна** — к. и. н., старший сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: olga-tupakhina@yandex.ru
- Цымбалистенко Наталия Васильевна** — д. фил. н., главный научный сотрудник Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, e-mail: nata_nauka@mail.ru

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Ямало-Ненецкого автономного округа
ВЫПУСК № 3 (92)
2016 г.

Государственное казенное учреждение
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»
629008, г. Салехард, ул. Республики, 73, оф. 624
E-mail: voronenko@arctic89.ru

Подписано в печать 19.12.2016 г.
Формат 60х90х1/8. Печать офсетная. Усл. печ. листов 17. Уч.-изд. листов 10.
Гарнитура «Myriad Pro», «FrizQuadrataCTT». Заказ А-533. Тираж 100.
Изготовлено ООО «Аксиома», тел. (3452) 41-99-30
г. Тюмень, ул. Минская, 3г, корп. 3